

Н. А. Мещерский

Источники
и состав
древней
славяно-русской
переводной
письменности
IX—XV веков

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

Н. А. Мещерский

ИСТОЧНИКИ
И СОСТАВ
ДРЕВНЕЙ
СЛАВЯНО-РУССКОЙ
ПЕРЕВОДНОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ
IX—XV ВЕКОВ

(Учебное пособие)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД 1978

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.

Историко-культурное, литературное и историко-языковое значение древней славяно-русской переводной письменности.....4

Глава 1. Общие сведения о древней славяно-русской переводной письменности

- § 1. Периодизация древней славяно-русской переводной письменности 12
- § 2. Язык древнеславянской переводной письменности.....17
- § 3. Региональные ответвления древнеславянского литературно-письменного языка; определение славянской страны, в которой был осуществлен перевод.....21
- § 4. Установление языка оригинала переводных произведений.....30

Глава 2. Древнеславянские переводы ветхозаветной библейской письменности

- § 1. Общая характеристика переводимых оригиналов.....38
- § 2. Переводы Ветхого завета на древнеславянский язык.....44
- § 3. Переводы Псалтири 50
- § 4. Переводы библейских книг с древнееврейского языка.....55

Глава 3. Древнеславянские переводы новозаветной письменности

- § 1. Общие сведения об источнике переводов.....56
- § 2. История древнеславянских переводов Нового завета 65
- § 3. Текстологические типы новозаветных текстов 72
- § 4. Стилистическая характеристика переводов.....76

Глава 4. Переводные хроники

- § 1. Общие сведения о византийских хрониках.....80
- § 2. Хроника Георгия Амартола 83
- § 3. Хроника Иоанна Малалы 94
- § 4. Хроника Георгия Синкелла 101
- § 5. Хроника Иоанна Зонары 104
- § 6. Хроника Константина Манассии.....106
- § 7. Сведения о “малых” хрониках 110

Глава 5. Перевод “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия

- § 1. Общие сведения о переводимом оригинале 111
- § 2. Изучение перевода “Истории...” в русской и мировой науке.....114
- § 3. Язык и стиль перевода “Истории...” 119
- § 4. Перевод “Истории...” в развитии русской культуры.....128

Сокращения 130

Введение

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ, ЛИТЕРАТУРНОЕ И ИСТОРИКО-ЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Громадное историческое и литературное значение древней славяно-русской переводной письменности для нашего народа наглядно и конкретно выражается удельным весом переводной письменности в общем количестве древних письменных памятников XI—XIV вв., дошедших до наших дней и сберегающихся ныне в наших рукописных хранилищах. В 1966 г. на страницах “Археографического ежегодника” вышел в свет “Предварительный список рукописей XI-XIV вв.”, где содержатся самые краткие и общие сведения об этом ценном наследии прошлого.¹⁴ В списке названы 1493 рукописи; при этом в перечень не входят деловые документы, грамоты, договоры, в том числе отсутствуют и грамоты на бересте. Из всего отмеченного богатства меньше 1 % составляют памятники оригинального русского происхождения и содержания; 90, если не 99% всего, чем мы располагаем в области древней славянорусской письменности, это памятники, переведенные с различных иных языков, или переделки таких переводов самими славянскими книжниками. Значит ли это, “что оригинальной древнерусской литературы не существовало? Нет, конечно! Но целый ряд общественных условий не способствовал сохранности оригинальной литературы и, наоборот, мог содействовать более надежному сбереганию памятников письменности переводной, поскольку эти последние в значительном большинстве принадлежали к литературе культовой, или конфессиональной, чем в глазах носителей средневекового мировоззрения определялось и преимущественное значение рядом с произведениями светскими по содержанию и оригинальными по происхождению.

Переводы составляли самую важную часть древней славянорусской книжности не только по количественному превосходству, но и по идейной значительности. Памятники переводной письменности связывали литературу и культуру феодального общества Древней Руси и славянских стран эпохи средневековья с их историческим предшественником—литературой и культурой античного мира: не только классических Греции и Рима и

христианской Византии, но и стран Древнего Востока -- Египта, Сирии, Палестины. Эти памятники давали славянам и русским возможность исторического самоопределения, нахождения своего места в мировом историческом процессе. Они же в подавляющей степени определяли идеологическую основу средневековой культуры и поэтому связывали славянский культурный мир и Древнюю Русь с культурными кругами христианских народов Востока и Запада. Переводная письменность обогатила умственный кругозор славянских народов, относительно поздно включившихся в культурный круг народов Средиземноморья, множеством отвлеченных научных и философских представлений и понятий, до того не существовавших в сознании наших предков.

Через переводную письменность Древняя Русь унаследовала от Византии и античности основные образцы литературных видов и жанров, которые затем продолжала разрабатывать на почве собственного творчества. Так, с византийскими хрониками генетически связано летописание; с переводными житиями— произведения агнографического жанра, созданные в Киевской и в Московской Руси; с переводными песнопениями—русское оригинальное гимнологическое творчество; с переводными словами и поучениями “отцов церкви” — произведения торжественного красноречия, созданные русскими проповедниками— Иларионом, митрополитом Киевским, Феодосием Печерским, Кириллом Туровским.

Неисчислимо то языковое и стилистическое богатство, которое получено современным русским литературным языком от древнеславянского письменного языка, служившего общим литературно-письменным языком всех южных и восточных славян с IX по XVIII в. и разработанного в грамматических, лексических и стилистических нормах на основе преимущественно переводных памятников письменности. О прогрессивном значении древнеславянского письменного языка для развития русского языка говорили и писали, начиная с Ломоносова, многие русские писатели и ученые.

Древнеславянский литературный язык в качестве языка традиционной письменности обладал ко времени его перенесения на Русь неизмеримо большим количеством слов и выражений для обозначения отвлеченных понятий, чем тогдашний язык восточных славян. Расширение круга отвлеченных представлений было значительно ускорено заимствованием абстрактных значений и

сложных номенклатур отвлеченных понятийных систем, пришедших к нам вместе с переводной письменностью.

Однако принесённый с юга славянского мира на Русь древнеславянский литературный язык не был чуждым для восточных славян. Имевшиеся в X веке различия между этим языком, возникшим на основе одного из южнославянских диалектов, и диалектами восточных славян были так невелики, что не составляли никакого препятствия для понимания текстов, созданных Кириллом и Мефодием и их преемниками в эпоху Первого Болгарского царства. В некоторых случаях отдельные языковые элементы тех или иных списков заменялись, но замены не носили характера сплошной правки, которую можно было бы сравнить с переводом с одного языка на другой^[2]. Если в дальнейшем (к XVI-XVII вв.) между языком письменности живыми восточнославянскими наречиями и возникли довольно значительные расхождения, то причиной было не то, что этот литературно-письменный язык был в основе своей чужд восточным славянам, а то, что язык письменности обладал весьма значительной консервативностью и развивался чрезвычайно медленно, сохраняя многие архаические черты (прежде всего в грамматике)^[3]. Принципиальная близость всех славянских наречий в эпоху создания первого литературного языка славян и обеспечила единство этого языка для всех славянских территорий.

Под влиянием греческого языка, проводником которого была переводная письменность, в древнеславянском литературном языке развились многие сложные синтаксические конструкции, как паратакис, так и гипотакис, благодаря чему облегчалась возможность словесного воплощения самых сложных и отвлечённых мыслительных построений. Развитие древнеславянского литературного языка ускорилось, и к середине XI в. он значительно превзошёл по своим выразительным и изобразительным богатствам многие языки тогдашнего европейского мира. Высказанную нам сейчас мысль лучше других выразил в 1825 г. А.С.Пушкин: «Как материал словесности язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его необыкновенно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавляя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и

выразительный, отседае заемяет он гибкость и правильность... *II такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей*^[4].

Этому «усыновлению» древнеславянского литературного языка классическим языком Древней Греции обязан истоками стилистического богатства, своей мощи и величия и современный русский литературный язык.

К сожалению, в течение последних десятилетий изучение языка древней славяно-русской переводной письменности почти совсем прекратилось. Не изучалась с достаточной полнотой и древняя переводная литература. Всё это не могло не сказаться отрицательно на деятельности наших учёных – филологов, историков.

Так, например, составителями названного выше «Предварительного списка» допущено немало неточностей и ошибок при обозначении описываемых славянских рукописей. Л.П.Жуковская, всесторонне оценивая в рецензии «Предварительный список», отметила ряд характерных недочётов, возникших в результате неполной осведомлённости его составителей в вопросах, связанных с изучением традиционной переводной письменности^[5]. Например, при обозначении евангелий или апостолов, не отмечается, что содержится в данной рукописи: так называемые апракосы или тексты типа «тетр». Много неясностей остаётся при обозначении в «Списке» произведений апокрифического содержания и жанра. Между тем памятники именно этого рода привлекают в наши дни внимание различных по своему профилю специалистов и у нас в стране, и за рубежом, так как в древнеславянских переводах этих текстов могут оказаться следы литературных памятников Кумрана, выражающих идеологию и литературное творчество позднеиудейских сектантов, живших в эпоху около рубежа нашей эры^[6].

Как отрадный факт мы можем отметить, что в течение последних лет среди филологов (и литературоведов, языковедов), занимающихся древней Русью, наблюдается стремление «доходить до источников», т.е. изучать тексты памятников древнерусской литературы и письменности не по несовершенным их публикациям, а непосредственно по рукописям. Однако нельзя не выразить сожаления, что при таком пристальном изучении памятников в текстологическом и историко-лингвистическом направлении нередко проявляется пренебрежение текстами традиционной (церковно-книжной) переводной письменности. Так, один из уважаемых авторов, недавно защитивший кандидатскую диссертацию по творчеству известного писателя XIV— XV вв. Елифания Премудрого,

встретив в тексте “Жития Стефана Пермского” словосочетание *красны ноги*, утверждал, что такого сочетания не было ни в ветхозаветных, ни в новозаветных библейских текстах.^[7] Между тем в книге пророка Исайи находим в гл. 52, ст. 7 (по церковнославянскому тексту любого издания): “Коль красны на горахъ ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая”. Эти слова повторены и в Послании апостола Павла к римлянам (гл. 10, от. 15): “Коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая”.^[8]

В той же диссертации вариативные эпитеты *волкохищный* или *горопленный* расцениваются как авторские неологизмы Епифания, писателя XIV в. В действительности сочетание *волкохищное овца* поется в древнеславянском тексте “Богородична догматика” (песнопения в честь Богородицы— произведения Иоанна Дамаскина), переведенном, несомненно, в начальный период славянской письменности. В новопечатном тексте того же догматика находим: *горохищное овца*, т. е. похищенная в горах овечка.^[9] Так что и в данном случае мы должны отказать Епифанию Премудрому в приоритете по употреблению приведенных эпитетов.

Не в меньшей, если не в большей, степени знание традиционной письменности необходимо и историкам русского языка, обращающимся к текстам древних памятников славяно-русской письменности. В течение последних лет, благодаря трудам работников Института русского языка АН СССР (сектора лингвистического источниковедения и исследования памятников языка), филологическая наука обогатилась публикациями древнейших списков древнерусских произведений: “Изборник 1076 г.” (М., “Наука”, 1965); “Синайский патерик” (Там же, 1967); “Успенский сборник XII—XIII вв.” (Там же, 1971). Они воспроизводят древние рукописные тексты лист в лист, строка в строку, знак в знак. Таким образом, эти показательные во многих отношениях издания почти освобождают от необходимости прямого обращения к подлинным рукописям. Однако и здесь при всей точности и добросовестности специалистов, подготавливающих такие лингвистические публикации памятников, перед ними неизбежно встают трудности при передаче в тексте публикации разделения синтагм на слова. Известно, что до XVI в. рукописи не имели словораздела. И вот тут-то необходимо хорошее знание традиционных переводных текстов. Иначе, как это было допущено в издании “Успенского сборника”, известные “три отрока в печи Вавилонской” *Седрах, Мисах и Авденаго* рискуют

превратиться в двух, а словосочетание “Се нѣци” из текста евангелия от Матфея — обратиться в загадочное существительное мужского рода мн. числа им. падежа.¹⁵¹

Однако иметь дело с текстами, восходящими к памятникам древней, славяно-русской переводной книжности, приходится не только специалистам по древнерусской литературе или древнерусскому языку. Не менее редки традиционно-книжные выражения и в языке русской литературы и публицистики нового времени. В особенности много реминисценций подобного рода в русской поэзии. Можем смело сказать, что ни один из русских писателей от Илариона и Нестора Летописца (XI в.) до М. Горького и В. Маяковского не пренебрегал в своем художественном или публицистическом творчестве этими образными средствами речи. Ограничимся лишь немногими примерами.

Возьмем известный цикл гражданской лирики А. А. Блока “Ямбы”, написанный им в 1907—1914 гг. и впервые опубликованный уже после революции, в 1919 г. В стихотворении “В голодной и больной неволе...” последнее четверостишие читается:

*Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не избежать господня лета
Благоприятного — и нам.*

Образ и текст имеют длительную и сложную историю. Первоначально—это слова из книги пророка Исайи: “проповедовать лето господе благоприятное” (гл. 61, ст. 2), повторяемые затем и в евангелии от Луки (гл. 4, ст. 19), где Иисус Христос читает и толкует народу приведенное библейское место. Обычно это выражение истолковывается как наступление времени неизбежных общественных перемен. Такими словами поэт формулирует свое ожидание революции.

В том же цикле, в стихотворении “Тропами тайными, ночными” заключительное четверостишие гласит:

*Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Все, все — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!*

Здесь “гроба, наполненные гнилью”, - тоже традиционный евангельский образ. И символическое использование этого образа, восходящего к церковнославянскому тексту евангелия от Матфея (гл. 23, ст. 27)¹¹¹ - “гроб повапленный” (крашеный гроб),—и

революционный смысл этого поэтического символа нам становятся ясными, когда мы обращаемся к статьям В. И. Ленина, написанным примерно в те же годы. Для Ленина “повапленным гробом” оказывается и гнилой бюрократизм царского правительства, и военная машина самодержавия; и лицемерные хамы-либералы из продажного журнальчика “Товарищ”. Все это, конечно, не мог не чувствовать, как поэт, и Блок, неизменно веривший в скорое наступление революции.^[12]

Итак, специалистам русской филологии, литературоведения или языкознания, необходимо свободно ориентироваться в вопросах древней славяно-русской переводной письменности, разбираться в ее источниках и составе, знать традиционно-книжные тексты и уметь различать их основные текстологические приметы. Всем этим целям и призвана служить предлагаемая работа.

В настоящем пособии рассматриваются в гл. 1 общие проблемы, связанные с изучением древней славяно-русской переводной письменности, в остальных главах—наиболее значительные и подробно изученные разделы этой письменности, а именно: книги Библии (Ветхого и Нового завета), византийские хроники, а также “История Иудейской войны” Иосифа Флавия, как одно из наиболее ценных произведений собственно древнерусской переводной литературы.

---

^[1] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для “Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно”).—В кн.: Археографический ежегодник за 1965 год. М., “Наука”, 1966, с. 177—272.

^[2] Имея в виду различия в составе языковых элементов текстов, созданных на славянском юге или ориентирующихся на южнославянские языковые нормы, и текстов, созданных на восточнославянских территориях, акад. В.В.Виноградов говорил о двух типах литературно-письменного языка составляющих, однако, один и тот же язык. См. Виноградов В.В. 1). Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М. Изд-во АН СССР, 1958, с.60,67,111; 2). Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. — «Вопросы языкознания». 1969, № 6, с.3-34.

^[3] В 1949 г. такие и подобные мысли были высказаны И.И.Срезневским (Срезневский И.И. Мысли об истории и русского языка. М., 1959, с. 65-66).

^[4] Пушкин А.С. Собр.соч. в 6-ти т. 5. М., ГИХЛ, 1950, с. 24. — Говоря, что «усыновление» славяно-русского» языка произошло в XI в., А.С.Пушкин, по всей вероятности, имел в виду деятельность переводческого кружка при Ярославе Мудром.

^[5] Жуковская Л.П. Замечания о «Предварительном списке» и «Сводном каталоге» славянских рукописей. — «Вопросы языкознания», 1969, № 1, с. 98-107.

^[6] См. Мещерский Н.А. Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе (к изучению славянских версий книги Еноха). — ТОДРА, т. XIX. М.-Л., 1963, с. 130-147.

^[7] См.: Коновалова О.Ф. Панегирический стиль русской литературы конца XIV — начала XV в. (на материале Жития Стефана Пермского, написанного Елифааем Премудрым). Канд. дис. (машинопись). Л., 1970, с. 177.

^[8] Ср. в «Церковном словаре» П. Алексева (СПб., 1819, ч. 3, с. 118): «(В Библии) ноги индѣ взяты за пришествие»,—т. е. символически обозначают приход.

^[9] Успенский Н. (Д.) Образцы древнерусского певческого искусства. Л., «Музыка», 1968, с. 41.

^[10] Мещерский Н. А. [Рец. на кн.:] Успенский сборник XII—XIII вв.— Изв. АН ОЛЯ, 1972, т. 31, вып. 4, с. 378—381.

^[11] Полностью стих 27 читается так: «Горе вамъ, книжницы и фарісее, лицемѣри, яко подобитесь гробомъ повапленнымъ, иже внѣду оубо являютя красны, внутрьду же полни суть костей мертвыхъ и всякия нечистоты». Здесь и далее цитаты из церковнославянского (а также греческого) текста Евангелия приводятся по кн.: Новый завет... (на греческом и славянском языке). СПб., 1861.

^[12] См. об этом подробнее в статье: Мещерский Н. А. Традиционно-книжные выражения в языке произведений В. И. Ленина. — «Русская речь», 1971, № 3, с. 39—45.

Глава первая

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. **Периодизация древней славяно-русской переводной письменности.** Древняя славяно-русская переводная письменность в том составе, в котором она представлена сейчас в наших рукописных хранилищах, сложилась не сразу. Она накапливалась постепенно, в течение почти полутора тысячелетия, с IX по XV в., причем в ее формировании и складывании в разные периоды времени принимали участие носители различных народных ответвлений славянского языка. Первоначальную языковую основу переводной письменности представляли, по всей вероятности, славянские говоры жителей окрестностей города Солуни (греч. Фессалоники), откуда родом были просветители Константин (Кирилл) и его старший брат Мефодий. Затем, когда их проповедническая и учительная деятельность была перенесена в тогдашнюю Моравию, а после смерти Кирилла—в Паннонию, в язык переводов были включены и западнославянские речевые элементы наречий, которыми пользовались предки нынешних чехов, словаков и словенцев. Далее основным центром развития славянской письменности становится Болгария (Западная и Восточная), соответственно и язык переводов пополняется речевыми элементами, свойственными славянскому Югу. А в XI в. главным ареалом общеславянской переводческой деятельности становится Киевская Русь, и в язык переводной письменности, призванной обслуживать общественные потребности всех славян, включаются восточнославянские речевые черты. Через полтора-два столетия главным центром общеславянской культуры становится Балканский полуостров, и ведущая роль в развитии переводной письменности снова переходит к Болгарии, а затем и к Сербии. Наконец, со второй половины XIV в., когда начинает формироваться мощное централизованное государство на северо-востоке Руси, вокруг Москвы, к Московской Руси, Великодержавии переходит и эстафета первенства в развитии общеславянской культуры.

Таким образом, фонд древнеславянской переводной письменности создан усилиями всех ответвлений славянской языковой семьи, и в этом общем культурном наследии до наших дней сохраняется вклад, внесенный каждой из ветвей славянства, служа общим целям славянского просвещения.

В соответствии с этим целесообразно подразделять и основные периоды развития славянской переводной письменности.

Первый, начальный период — появление славянских переводов, — связанный с деятельностью великих славянских первоучителей Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников, охватывает приблизительно время шестидесятых-восьмидесятых годов IX столетия (точнее, с 863 г., когда Константин Философ направляется в Моравию, до 885 г., года смерти Мефодия в Паннонии). В этот период переводческая деятельность, начатая, возможно, еще в Византии, сосредоточивается в Моравии и Паннонии.

От начального периода славянской письменности до нашего времени не дошло ни одного письменного памятника в подлиннике. Произведения, которые могут быть приписаны славянским первоучителям, существуют лишь в более поздних списках, подвергшихся естественным текстологическим и языковым изменениям. Возникает вопрос: по каким признакам и приметам мы можем определить принадлежность того или иного памятника именно к кирилло-мефодиевской эпохе, к начальному периоду развития славянской письменности?

В ответ на поставленный вопрос могут быть приведены данные как экстралингвистического (внеязыкового) характера, сведения и факты, извлекаемые из исторических и литературных свидетельств, так и данные, выявляемые при изучении языка самих письменных памятников. Например, в “Житии Мефодия”, древнейший список которого содержится в “Успенском сборнике”, русском памятнике письменности, датируемом XII—XIII вв., сообщается, что Мефодий, будучи поставлен архиепископом в Паннонию, избрал из числа своих ближайших учеников “попов-скорписцев”, с их помощью в короткий срок (въ бързѣ) переложил на славянский все (библейские) книги полностью, за исключением Маккавейских книг. Это важное внеязыковое свидетельство. Но в данном же памятнике обнаруживаются и некоторые характерные черты языка, позволяющие нам сделать вывод о том, что оригиналом русского списка (или его более раннего протографа—первосписка) могла служить рукопись, оформленная глаголическим письмом, которое, по-видимому, обслуживало славянскую письменность именно в начальный период ее развития.

В списке “Жития Мефодия” мы читаем: “прѣже же от оученикъ своихъ посажъ дѣва попы скорописьцѣ зѣло”. В этой фразе

обращает на себя внимание необычное употребление числительного *дѣва* в сочетании с существительным мн. числа попы (вин. падеж).^[11] Это можно было бы объяснить тем, что протограф списка написан глаголицей. Число, видимо, было обозначено буквой *в*, а в глаголическом письме эта буква называла число 3, а не 2, как в позднейшем кириллическом письме, т. е. в подлиннике речь шла о трех полах-сорописцах, ближайших помощниках Мефодия. Из этого следует, что “Житие” было первоначально написано глаголицей и составлено в раннюю эпоху славянской письменности.

В том же “Житии” сообщается, что работа эта была произведена переводчиками за 6 месяцев, начиная с марта по 26-й день октября. И в календарном несоответствии снова можно усматривать отражение первоначального глаголического оригинала памятника. Число 6 здесь заменило собою ранее читавшееся число 8, обозначенное глаголической буквой *ѣ*, которая при переводе текста на кириллическое письмо могла быть прочитана как число 6.^[12]

А далее текст “Жития” сообщает о том, что в самый начальный период славянской письменности, т. е. непосредственно при Кирилле, имелись переводы Псалтири, Евангелия с Апостолом, избранных церковных служб; затем были выполнены переводы Номоканона, т. е. сборника церковных законов, и “Отъчские книги”, в которых сейчас ученые усматривают сборники произведений типа патериков (сборники изречений древних монахов и рассказов о них). Возможно, что это был, например, перевод так называемого “Патерика Синайского”, древнейший список которого хранится ныне в ГИМ в Москве. Так Экстралингвистические и собственно лингвистические данные в их совокупности помогают решать сложные текстологические проблемы.

Второй период в развитии древнеславянской переводной письменности падает на X в. и начинается с момента изгнания учеников Мефодия из Паннонии. Они находят себе приют и новое поле для просветительской деятельности в Болгарском княжестве, которое именно тогда начинает христианизироваться. Болгарский князь Борис (Михаил) делает христианство государственной религией своего княжества и вводит в болгарских церквях богослужение на славянском языке. Особого расцвета славянская переводная и оригинальная письменность достигает при преемнике Бориса— болгарском царе Симеоне (893—927), когда наступает так называемый “золотой век” древнеболгарской литературы; К этому времени относятся переводы четырех книг Евангелия и Апостола (см. гл. 3

настоящей книги), толковых библейских книг, древнейших хроник и другой литературы. К названному периоду развития славянской письменности относится деятельность таких оригинальных авторов, как Черноризец Храбр, Константин Преславский, Иоанн Экзарх, Козьма Пресвитер, Климент Охридский и др. В качестве переводчиков становятся известны Иоанн Экзарх, переведший произведения Иоанна Дамаскина, пресвитер Григорий, который перевел библейскую книгу Царств, а также, возможно, и Хронику Иоанна Малалы. Переводы древнеболгарского периода могут быть определены по данным языка, по чертам характерной болгарской фонетики и морфологии и частично по лексике памятников.

Третий период—расцвет древнеславянской переводной письменности—датируется временем около середины XI в., связывается с деятельностью киевского князя Ярослава Мудрого и с территорией Киевской Руси. Как показали исследования А. И. Соболевского и В. М. Истрина, в данный период были переведены многие памятники хроникального и агиографического жанра. Наиболее выдающимся произведением, переведенным в это время на этой территории, следует признать “Историю Иудейской войны” Иосифа Флавия. Переводы, выполненные в Киевской Руси до времени татарско-монгольского завоевания, могут быть распознаны и выделены из общего фонда переводной письменности также по ряду языковых примет, преимущественно лексических и отчасти синтаксических (см. об этом в § 3 настоящей главы).

Четвертый период развития переводной письменности снова возвращает нас к славянскому Югу, к Балканскому полуострову, славянское население которого в XIII в. добивается освобождения от власти Византийской империи и переживает культурное возрождение, связанное с образованием независимых славянских царств—Болгарского и Сербского (так называемый “серебряный век” болгарской письменности). В это время, в XIII—XIV вв., выполняются новые переводы с греческого языка, преимущественно произведений церковных писателей аскетической и мистической направленности, связанных с идеологическим движением исихазма (молчальничества). Язык и стиль переводов характеризуются наличием в них среднеболгарской орфографии, разработанной по почину Тырновского патриарха Евфимия, стремившегося возродить древнеболгарские языковые черты, уже исчезнувшие к этому времени из живой речи. Стиль произведений отличается приподнятостью и

витиеватостью, обычно означаемой как “украшенный слог” или стиль “плетения словес”.^[3]

Наконец, следующий, пятый период в развитии древнеславянской переводной письменности может быть назван Московским, так как он совпадает по времени с процессом становления централизованного великорусского государства вокруг Москвы и охватывает конец XIV—XV вв.^[4] В этот период языковые и стилистические черты, выработавшиеся на столетие раньше у южных славян, переносятся на Северо-Восток России и здесь находят своё воплощение в виде так называемого “второго южнославянского влияния на русскую письменность”.^[5]

Мы заканчиваем наш обзор древней славяно-русской переводной письменности XV—XVI веками, так как в это время на Руси начинает особенно ощущаться сильное воздействие Запада Европы. Переводная литература утрачивает былую общеславянскую принадлежность, удовлетворяя лишь потребности великороссов, в связи с чем происходит переключение письменности на иной культурно-исторический ориентир, каким постепенно становится западноевропейская образованность.

Таким образом, в создании и разработке древней славянорусской письменности раннего периода, складывавшейся постепенно на протяжении более полутысячелетия, с конца IX по XV в., принимали участие представители различных славянских народностей, сохранявших в то время многие черты исходной культурно-исторической общности.

---

^[1] Для существительного ожидалась бы форма двойственного числа, т. е. дѣвѣ попа.

^[2] Это объяснение дал в 1912 г. проф. Решетар (Resetar M. Zur Ober-setzungsthatigkeit Methods. — Archiv fur slavische Philologie, Bd 34, S. 205— 208). См. также статью: Иванова Т. А. У истоков славянской письменности (к переводческой деятельности Мефодия).—В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Л., “Наука”, 1976, с. 24—27.

^[3] См. подробнее об этом: Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894, и др.

^[4] См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси. М., 1903, с. 1—37.

^[5] Лихачев Д. С. 1) Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., Изд-во АН СССР, 1958; 2) Культура Руси времени Андрея Рублева и Елифания Премудрого. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962; 3) Человек в литературе Древней Руси. М., “Наука”, 1970, гл. 4 и 5, с. 72-96.

§2. Язык древнеславянской переводной письменности. Культурно-историческая общность восточных и южных славян поддерживалась на протяжении IX—XV вв., а частично и позднее, вплоть до середины XVIII в., при посредстве общего литературно-письменного языка, каким в тот исторический период являлся древний церковнославянский, иначе древнеславянский литературно-письменный язык, бывший во “всеобъемлющем” употреблении и в Болгарии, и в Сербии, и в Киевской, и в Московской Руси. В течение относительно недолгого времени этим же литературно-письменным языком пользовались и западные славяне: в IX—XI вв.—в Моравии и в Чехии, по-видимому, совсем недолго; в конце X—самом начале XI вв. этот общеславянский письменный язык нашел свое применение и в Польше, но очень скоро был оттуда вытеснен латинским языком. Некоторое время древнеславянский язык был в употреблении и у венгров, а затем уже значительно сильнее и крепче укоренился и у восточно-романских народов — молдаван и валахов (предков нынешних румын),—использовавших этот язык в качестве языка официальной письменности и церкви с XIV по XVII в.

Сложившийся в результате деятельности представителей разных славянских народностей и на территории различных славянских стран, древнеславянский письменно-литературный язык в начальную эпоху своего общественного функционирования представлял собою единую и общую фонетическую, грамматическую и лексико-стилистическую систему, понятную для всех носителей славянских наречий. Однако в частности этот язык расходился в зависимости от территориальной и этнографической зоны распространения, образуя региональные варианты, или изводы, древнеславянского языка: восточнославянский (древнерусский), древне- и среднеболгарский, сербский, молдаво-валахский и др.

Однако перечисленные варианты не настолько отличались друг от друга, чтобы между их носителями возникало взаимное непонимание. Поэтому до XIV в. письменные памятники, созданные в Болгарии, на Руси или в Сербии, могли обслуживать весь славянский ареал и при переходе от одного народа к другому не нуждались в

переводе. Их адаптация к тем или иным вариантам языка происходила без каких-либо кардинальных видоизменений текста — лишь с относительно незначительными отклонениями в фонетике, орфографии, морфологии и изредка в лексике — при сохранении существа языковой основы. Поэтому в памятниках переводной письменности мы можем различать и разграничивать списки болгарского, сербского, русского или молдаво-валашского изводов того же самого литературно-письменного языка.

Будучи разработанной главным образом на материале переводных памятников и преимущественно переводов с греческого, древнеславянская языковая и стилистическая система входила в состав культурно-исторического круга языков, сформировавшегося в начале нашей эры в Восточном Средиземноморье на ареале восточных провинций античной Римской империи. В центре этого культурно-исторического языкового круга стоял греческий литературный язык позднеимперской и византийской эпохи. Это был язык общегреческий, предназначенный для междиалектного и международного общения многих народностей Восточного Средиземноморья и поэтому постепенно впитавший в себя достижения речевой культуры разных народов Востока и Запада. В нем отразились заметнее всего отдельные черты семитских языков (арамейского, сирийского) и латинского языка, как языка империи. Впрочем, и сам этот греческий язык в течение многих столетий осуществлял функции государственного языка в восточных провинциях Римской, а позднее на всей территории Византийской империи. Греческий язык византийской эпохи в своей официальной письменной форме видоизменялся от близкого новозаветной письменности койнэ (наддиалектная разновидность греческого языка в период эллинизма) до возрождения античных форм классического аттицизма и до разговорного варианта языка — «димотики» — к концу государственного существования Византийской империи. Однако при всех этих стилистических видоизменениях греческий литературный язык продолжал занимать ведущее положение среди других языков восточносредиземноморского культурного круга.

Если греческий язык образывал центр круга, то на периферии располагались такие литературно-письменные языки, как коптский в Египте и эфиопский (гээз) в Абиссинии (с юга); сирийский в Сирии и Месопотамии (с юго-востока). Позднее, в X—XII вв., сюда примыкает также арабский письменный язык в христиано-арабском изводе. С востока к тому же кругу примыкали языки армянский (грабар) и

древнегрузинский. В IV в. в пределах того же восточносредиземноморского культурно-исторического круга формируется готский литературно-письменный язык, образовавшийся на основе перевода Библии с греческого языка. В IX в. на северо-востоке данного ареала, как уже сказано, возникает древнеславянский литературно-письменный язык. Наконец, уже в XVI—XVII вв. создается литературно-письменный старорумынский язык для народностей, до того пользовавшихся древнеславянским языком молдаво-валашского извода. Таков состав восточносредиземноморского языкового культурно-исторического круга на протяжении более чем полутора тысячелетий.

Греческий язык византийского периода, составлявший центр круга, оказывал влияние в разных аспектах на все периферийные языки. Самым существенным представляется нам воздействие греческого языка в области лексики. Слова греческого происхождения заимствуются всеми этими языками в различных количествах и через различные понятийные сферы, но преимущественно и в подавляющей степени через сферу религии и морали, церковного устройства, быта и культа. Естественно, что круг таких заимствований не совпадает полностью в различных языках,—например в коптском и в сирийском, в армянском и в грузинском, в готском и в славянском,—однако многие заимствования являлись общими и наличествовали во всех языках данного культурного круга. Нужно отметить, что обогащая свою лексику заимствованиями из греческого, периферийные языки сами передавали ему кое-что из своего словарного состава. Таково происхождение, например, арамеизмов и вообще семитизмов, встречающихся в греческом языке библейских книг. Через посредство библейских книг подобные заимствования греческого языка переходили в лексические фонды всех остальных языков того же круга.

В качестве общего фонда во всех языках восточносредиземноморского культурно-исторического круга в эпоху средневековья фигурировала и антропонимика, пополнявшаяся за счет христианского церковного календаря-месяцеслова. Таким образом сирийские по происхождению или коптские имена вместе с греческими, латинскими и еврейскими проникали к славянам, а некоторые славянские—к грузинам или к грекам.

Кроме собственно лексических заимствований, т. е. греческих слов, оставленных без перевода, в результате взаимодействия с греческим во многих из периферийных языков

восточносредиземноморского культурного круга появляются лексические кальки, т. е. буквальные морфологические переснимки греческих слов, типа *благоутробие, злонравный, добропобедный*; (ср. греч. *εὐσπλαγχνία, какоφρών, καλλίνικος*) и т. п. Сильное воздействие греческого ощущалось и в семантике, поэтому во всех периферийных языках усваиваются многие значения греческих слов, свойственные концептам идеологического и религиозно-этического содержания (*вера, закон, грех* и т. п.).^[11]

Заметным было и фразеологическое влияние греческого языка. Из него или через него все периферийные языки воспринимают выражения, восходящие к библейской письменности, так называемые “библеизмы”, в языковой структуре которых заметно проявляется семитоязычный субстрат, проникший в греческий вместе с переводом ветхозаветной Библии из древнееврейского языка или из живой речи сирийско-арамейского населения римско-византийского Востока. Сюда мы отнесем такие выражения, дошедшие в русском языке до наших дней, как *святая святых, суета сует, как зеницу ока, предел, его же не преjdeши* и многие другие подобной же стилистической окраски и исторической судьбы.

Наконец, греческий язык оказывал на языки, принадлежавшие к его культурно-историческому кругу, заметное влияние и в сфере синтаксиса. Так, известная в древнеславянском литературном языке конструкция дательного самостоятельного (ср. “Спешду же ему съ горы, вслѣдъ его идяху народи мнози” — Мф. 8, 1), если и не возникла, то, во всяком случае, получила сильный стимул к употреблению под влиянием родительного независимого в греческом.^[12]

Параллельно с восточносредиземноморским культурно-историческим языковым кругом в тот же исторический период развивались и функционировали на соседних географических ареалах другие аналогичные языковые конгломераты. Так, на европейско-африканском Западе в ту же эпоху подобная роль принадлежала латинскому языку, к которому в культурно-историческом отношении примкнули в средневековую эпоху языки западноевропейских народов, принявших католичество. Это были не только романоязычные народы — итальянцы, французы или испанцы, но и германцы, и кельты, и (после X—XI вв.) западные славяне (чехи и поляки). Следует заметить, что древне-славянский язык, территориально наиболее близкий к языкам западноевропейского цикла, воспринял в начальный период своего развития отдельные

черты латинского языка (в лексике и в синтаксисе), по-видимому, через германские языки. См., например, такие слова, как *олтарь*, *олъи* (растительное масло), *оцъть* (уксус), *вино*, а также *кръсть*, *църкъвь*, *мъша* (месса— церковная служба) и некоторые другие.^[1]

---

^[1] Интересной в данном отношении может быть признана написанная более 120 лет -назад диссертация Ф. И. Буслаева “О влиянии христианства на славянский язык” (М., 1848), где рассмотрены многие примеры лексического и семантического воздействия греческого языка на древнеславянский сопоставительно с готским языком.

^[2] Заметим при этом, что в употреблении древнеславянских книжников дательный самостоятельный не превращался в рабскую копию греческой конструкция, но употреблялся осмысленно и к месту. См. об этом подробнее: Мещерский Н. А. О синтаксисе древнеславянских переводных произведений. — В кн.: Теория и критика перевода. Л., Изд-во ЛГУ 1962 с. 83-103.

^[3] Попытку объяснить происхождение славянских слов подобного рода мы находим в статье венгерского слависта Э. Моора (Moór E. Spuren des Jothischen Arianismus im Altbulgarischen.—In: Dissertationes slavicae, t. II. zeged,1964,S.10—14). См.: Мещерский Н. А., Соколова М. А. [Рец. на кн.:] Исследования венгерских ученых по славянским языкам и литературам. — Вести. Ленингр. ун-та, 1966, № 8, с. 54; Мещерский Н. А. К вопросу о культурно-исторической общности литературно-письменных языков. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1973, № 14, с. 103—110.

§ 3. Региональные ответвления древнеславянского литературно-письменного языка; определение славянской страны, в которой был осуществлен перевод.

Как мы уже сказали, древнеславянский литературно-письменный язык, будучи единым и общим для различных ветвей славянства, тем не менее на различных славянских территориях имел отличия в деталях, образуя варианты, или изводы, этого единого в своей основе письменного языка. Поскольку вопрос о западном, моравском, изводе еще недостаточно исследован, практически при изучении древнеславянской переводной письменности приходится иметь дело преимущественно с такими изводами, как южнославянский (древнеболгарский) и восточнославянский (древнерусский). Фонетические,

орфографические и морфологические отличия этих изводов, или вариантов, древнеславянского языка хорошо известны. Они изучаются и в курсе старославянского языка, и в курсе истории русского языка, и здесь мы не будем их касаться. Сложнее обстоит дело с критериями различения изводов в отношении лексики и синтаксиса, а именно данные аспекты их изучения в первую очередь могут быть использованы для решения проблемы локализации древнеславянских переводов, иными словами, определения того, на какой из древнеславянских территорий и людьми какой этнической принадлежности осуществлялся перевод того или иного древнеславянского памятника переводной письменности.

Впервые названная проблема была поставлена А. И. Соболевским в его докладе 1893 г. “Особенности русских переводов домонгольского периода”,^[1] затем разрабатывалась в монографии В. М. Истрина о Георгии Амартоле (1922 г.), а в относительно недавнее время—в работах западноберлинского слависта Г. Бройера (1958 г.) и в ряде наших исследований.^[2]

А. И. Соболевский писал тогда, что в отношении данных языка все произведения древнеславянской переводной письменности, которыми располагают наши рукописные хранилища, в их русских списках однотипны, особенно по чертам их фонетики и морфологии. Списки этих произведений, переписывавшиеся на Руси и русскими переписчиками, содержат восточнославянские черты фонетики и морфологии, независимо от того, что сам памятник может восходить к Болгарии или к Моравии. Это объясняется тем, что именно на названных уровнях легче всего производилась адаптация древнеславянских памятников письменности восточными славянами.

В связи с указанной языковой однотипностью переводных памятников нередко бывает весьма затруднительно отличить переводы, выполненные на Руси, от славянских переводов иного происхождения по данным фонетики и морфологии, особенно если эти переводы относительно невелики по объему. Однако, по мнению А. И. Соболевского, мы всегда имеем возможность отличить древнерусские переводы от инославянских, когда переводное произведение имеет более или менее значительный объем.

В качестве более надежного критерия, которым следует руководствоваться в подобных случаях, им признаются не фонетика или морфология памятника и списка, а данные лексики в языке перевода. Словарный материал, по мнению А. И. Соболевского, может иметь особенно важное значение для определения того, где

именно был осуществлен перевод. Он выделяет четыре группы слов, которые могут считаться показательными в данном отношении.

Это, во-первых, слова, общеславянские по происхождению, но приобретающие в древнерусском языке специальные значения: названия должностных лиц, монетных единиц, мер и весов, обозначения расстояния, названия морских и речных судов, предметов одежды, кушаний, напитков и других предметов быта, характерных именно для восточных славян древнейшей -эпохи их самостоятельного существования. Сюда А. И. Соболевским отнесены слова *посадник, староста, куна, кань, резана, насад, кожух* и др.

Как полагал этот исследователь, большая часть подобных слов вовсе не встречается в древнеславянских письменных памятниках нерусского происхождения (южнославянских или моравских); некоторая же часть таких слов если там иногда и обнаруживается, то в иных, специальных значениях. Так, слово *зривна* может быть встречено в значении 'ожерелье', однако никогда не имеет значения монетной или весовой единицы, как это обычно в памятниках восточнославянских. Слово *пиво* может находиться и в южнославянских по происхождению памятниках, но в значении питья вообще (ср. "приидите, пиво пиимь новое"—в Пасхальном каноне), в памятниках же восточнославянских это слово применяется к обозначению известного хмельного напитка.

Ко второй группе слов А. И. Соболевский отнес такие, которые были заимствованы именно древнерусским языком из языков других народов, в том числе и из греческого, но изустным путем, минуя воздействие древнеславянской письменности. Например: *тиун, шелк, плуг* (из германских языков), *женьчюг* (из китайского языка через тюркские), *сабля* (из тюркских языков), *уксус, скамья, кадь* (из греческого языка), *корста* или *перста* ('ящик, гроб'—из германских языков), *пъря* (из финских или из балтийских языков) и др. В старославянском языке (южнославянского извода) им обычно соответствовали какие-либо иные слова: *плуг*—*рало*; *женьчюг*—*бисърь*; *уксус* — *оцъть* и т. п. Слова данной группы также обычно не встречаются в памятниках южнославянского происхождения.

К третьей группе А. И. Соболевским отнесены названия стран, народов, городов, хорошо известных восточным славянам и не известных или мало известных на славянском Юге. Как правило, они отличаются от обычных, свойственных византийско-славянской письменной традиции. Например: *Кърчева* (Керчь), *Сурожь, Судь*

(пролив, Босфор), *мурманинь* (норманн, варяг), *обезь* (абхазец, абазинец, грузин) и т. п.

Четвертую группу слов, по А. И. Соболевскому, составляют такие, которых или совсем нет в памятниках южнославянского происхождения, или они встречаются там чрезвычайно редко, но вместе с тем вполне обычны и достаточно распространены в памятниках заведомо восточнославянских или до наших дней употребительны в восточнославянских народных говорах: *хвост*, *глаз*, *пирог*, *ковер*, *думати* (в значении 'советоваться, держать совет'); такие выражения, как *учили грамоте*, *въ ть чинь* (в то время) и др.

К этой группе А. И. Соболевским присоединены и те немногие слова, значения которых в несомненно русских по происхождению текстах одни, в южнославянских же—другие, например: существительные *село* (в древнерусском — 'населенный пункт', в южнославянских памятниках—'поле'); сено (в древнерусском—'сухая трава', в южнославянском—просто 'трава'); *скоть* (в древнерусском не только 'сельскохозяйственные животные', но и 'деньги', в южнославянских — только 'животные'); глаголы *лаяти* (в древнерусском и в южнославянских памятниках—'брехать' (о собаке), только в древнерусском — 'бранить, ругать' (о людях), только в южнославянских памятниках—'охотиться, подстергать'); *страда*ти и производные от него образования (в древнерусском не только 'испытывать страдания, мучиться', но и 'трудиться, работать', ср. совр. русское ; *страда*), и некоторые другие.

Лексический критерий различения переводных памятников по месту их происхождения, выдвинутый А. И. Соболевским, был позднее поддержан и несколько уточнен В. М. Истриным, этот критерий может быть признан в общих чертах правильным и в наши дни, хотя в отдельных частностях, несомненно, нуждается в усовершенствованиях.

Согласно вышеназванному лексическому признаку А. И. Соболевским тогда было выделено около двух с половиной десятков переводов, относящихся, по его мнению, к сделанным в Киевской Руси до нашествия татаро-монголов. Среди названных А. И. Соболевским памятников в первую очередь следует обратить внимание на те, которые носят в какой-то мере светский характер. Это в большинстве своем произведения исторического или энциклопедического содержания, а также отдельные повести. У А. И. Соболевского к ним отнесено "Житие Андрея Юродивого", византийский памятник X в. (списки славянского перевода

датируются XIII—XIV вв., а само произведение отразилось в начальной части Киевской летописи), “Космография” Космы Индикоплова, “История Иудейской войны” Иосифа Флавия, сборник изречений “Пчела”, “Александрия” (роман об Александре Македонском Псевдокаллистеноса), “Физиолог” (книга о животных) так называемой второй редакции, ряд апокрифов, вошедших в “Палею”, по-видимому, переведенных с древнееврейского, каноническая ветхозаветная книга “Есфирь”, также переведенная с древнееврейского, и др. К этому списку могут быть добавлены еще некоторые переводы, например перевод книги “Иосиппон” (поздней еврейской хронографии X в.).^[3]

А. И. Соболевский причислил к древнерусским переводам поры Ярослава Мудрого также “Повесть об Акюре Премудром”, оригиналом которой могла послужить сирийская обработка этого мирового литературного сюжета.^[4]

Не так давно наряду с рассмотренным лексическим критерием был предложен еще один—синтаксический критерий для определения лингво-этнографических ареалов, к которым могут быть отнесены те или иные древнеславянские переводы. Его выдвинул западногерманский славист Герберт Бройер в своей диссертации о конъюнктиве в старославянском и древнерусском языке,^[5] а также в докладе на IV Международном съезде славистов в Москве в 1958 г.^[6] Сущность названного критерия заключается в следующем. Как показали историко-грамматические наблюдения Г. Бройера, в старославянском и древнерусском языках придаточные предложения цели и так называемые “косвенно-побудительные” предложения могли связываться с главными предложениями двояко: союзом *да* при глаголе-сказуемом в изъявительном наклонении и тем же союзом *да* при глаголе-сказуемом в сослагательном наклонении. Мы можем в качестве условного образца рассмотреть синтаксические модели: 1) “молю, да приидеши” и 2) “молю, да бы пришел”. По мнению Г. Бройера, первый вид модели в косвенно-побудительных предложениях характерен для старославянского языка (южнославянский тип), второй же (со сказуемым—глаголом в конъюнктиве) — примета восточнославянского происхождения памятника. В докладе на съезде славистов Г. Бройер применил свой критерий к изучению языка таких переводных произведений, как Хроника Георгия Амартола и “История Иудейской войны”, которые причислялись В. М. Истриным и другими русскими исследователями к переводам восточнославянского происхождения. Г. Бройер

обнаружил в том и в другом переводе оба типа конструкций. Из данного факта Г. Бройер сделал вывод о том, что оба текста, перевод которых, по его мнению, мог быть осуществлен в Киеве в эпоху Ярослава, переводились не одним переводчиком каждый, а комиссией или коллективом переводчиков, в составе которых могли быть как носители болгарского языка, так и уроженцы Киевской Руси. Те места текста, где обнаруживаются конструкции первого рода, переводились, полагает Г. Бройер, болгарами; те же отрывки, в которых обнаруживаются конструкции второго рода, переведены русским переводчиком. Это предположение немецкий славист пытался подкрепить и наблюдениями над лексикой памятников. Он находит, что характерная восточнославянская лексика преобладает именно в тех отрезках текстов, где им обнаружены синтаксические конструкции с конъюнктивом.

Гипотеза Г. Бройера была подвергнута критике на том же съезде славистов.^[7] Затем мне пришлось возражать ему и в двух печатных работах.^[8] Сущность возражений состояла в том, что, хотя и можно признать синтаксическую конструкцию первого типа (с формой индикатива) старославянской (или южнославянской) по происхождению, ее, без сомнения, могли использовать и русские по рождению и родному языку авторы, притом не только в древний период, но и в новое время развития русского литературного языка (Державин, Пушкин, Рылеев, Лермонтов и др.) как своеобразное стилистическое средство. Так что вовсе не обязательно приписывать появление подобных синтаксических построений в древних переводах творчеству именно болгарского переводчика. Что же касается предположения о коллективе переводчиков, то оно находится в резком противоречии с наблюдаемым безукоризненным стилистическим единством текста, в котором прослеживаются одни и те же редкие слова, идентичные стилистические приемы на всем его протяжении (речь, в частности, идет об «Истории Иудейской войны»).

Таким образом, применение синтаксического критерия, предложенного Г. Бройером для определения локальной приуроченности древнеславянских переводов, не может быть принято как надежный исследовательский прием. Мы можем рассчитывать на этот прием лишь как на дополнительное средство; основным же критерием мы продолжаем признавать критерий лексический, выдвинутый в свое время А. И. Соболевским и поддержанный В. М.

Истриным, хотя применение и этого критерия требует большой исследовательской осторожности и осмотрительности.

В течение самых последних лет вышли в свет работы, базирующиеся на недавно опубликованном академическом издании такого выдающегося памятника древней славяно-русской письменности XI в., как “Изборник 1076 года”.^[10] До сих пор не может считаться окончательно установленным, насколько названный памятник являлся оригинальным произведением древнерусской литературы. Композиция его и состав статей, несомненно, восходят к более ранним византийско-греческим и древнеболгарским образцам. Большая часть источников правильно отождествлена исследователями, подготовившими академическое издание. Может лишь возникнуть вопрос о том, были ли источники заранее переведены (уже в X в.) в Болгарии или их переводили на Руси непосредственно в период подготовки самого “Изборника”. Этой проблемы касается статья немецкого слависта Д. Фрейданка, а также одна из наших работ.^[10]

Специальный интерес представляет та языковая, и в особенности лексическая переработка, которую претерпевали древне-болгарские переводные тексты при их включении в “Изборник 1076 года”. В этом отношении особенно показательна заключительная часть “Изборника”, получившая в нем заглавие “О милостивомъ СозоменѢ”. Названная повесть, как заметил уже в 1875 г. Н. И. Петров, а затем подтвердили исследования французского слависта Жака Леписье и американского историка Византии Игоря Шевченко,^[11] представляет собою переделку одной из глав древнеславянского перевода “Жития Нифонта Констанцского”.

Это “Житие”—своеобразный памятник византийской агиографии подчеркнуто аскетического и мистического направления, широко распространенный как в греческом оригинале, так и в болгарском переводе, который, как показали работы К. И. Ходовой,^[12] был осуществлен в Восточной Болгарии не позднее X в. Сохранились древние списки “Жития”, наиболее полный и совершенный из них был переписан в Ростове Великом в 1219 г.^[13]

Сравнение текста “О милостивѣмъ Созоменѣ” по “Изборнику” с главой 69 “Жития” по данному списку позволили сделать вывод о существенных изменениях, внесенных и в композицию, и в идейное содержание, и в стилистику, и в язык памятника. Изменения в содержании, названные Ж. Леписье лаицизацией (обмирщением) сюжета, могут быть объяснены стремлением древнерусского

редактора устранить сугубо монашеские, аскетические установки, смягчить ригористические требования строгой морали, заменив их призывом к богатым быть милостивыми к беднякам. Языковые же и стилистические изменения, которые отмечались исследователями в этой переработке, были названы своеобразным термином — “киевизация языка”, имеющим в виду приближение его к древнерусской лексической, грамматической и фонетической норме.^[14] Особенно важны отдельные лексические замены. Так, например, слово *ковчезьць* по тексту “Жития”, встречающееся там 6 раз в соответствии с греческим *λαμψάμιον*, систематически заменено на слово *ларь* (заимствованное древнерусским из скандинавского со значением ‘ящик’), оформляемое специфическими восточнославянскими флексиями: *ларть* (вин. пад. мн. числа), *ларевь* (род. пад. мн. числа) и др.; сочетание *златомь покровену* — на *золотомь покровену*; слово *нощь* — на *ночь*; причастия *грядьги* — на *идьги*, *спьюще* — на *идууще*.

Значит, древнерусские редакторы и переписчики достаточно свободно могли относиться к перерабатываемым ими древнеболгарским оригиналам, заменяя элементами родной восточнославянской речи не только фонетические и морфологические, но и лексические элементы редактируемых памятников. Тем самым лексический критерий тоже оказывается уязвимым в смысле бесспорной доказательности и потому требует величайшей осмотрительности при использовании для определения места перевода древних памятников.

---

^[1] Опубликовано, в кн.: Труды девятого археологического съезда в Вильне 1893 г: М., 1897, т. II, с. 53—61. Перепечатано: Сборник ОРЯС, т. 88. СПб., 1910, с. 162—177.

^[2] См.: Мещерский Н. А. 1) Искусство перевода Киевской Руси.—ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, с. 54—72; 2) Древнеславянский — общий литературно-письменный язык на раннем этапе культурно-исторического развития всех славянских народов.—Вести. Ленингр. ун-та, 1975, № 8, с. 132—140.

^[3] См. об этом: Мещерский Н; А. К вопросу об источниках “Повести временных лет”. -- ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 57—63.

^[4] См.: Мещерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы.—ТОДРА, т. XX, 1964, с. 205—206.

^[5] Brauer I. Untersuchungen zum Konjunktiv im Altkirchenslavischen und Altrussischfn. T. 1. Wiesbaden, 1957.

^[6] Бройер Г. Значение синтаксических наблюдений для определения оригиналов древнерусской переводной литературы. Тезисы. — В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. II. М., 1962, с. 248—250.—Текст доклада опубликован по-немецки: Brauer H. Zur Frage der altrussischen Übersetzungsliteratur (Der Wert syntaktischer Beobachtungen für die Bestimmung der altrussischen Übersetzungsliteratur). Heidelberg, 1958.

^[7] Мещерский Н. А. Выступление по докладу Г. Бройера “Значение синтаксических наблюдений для определения оригиналов древнерусской переводной литературы”. — В кн.: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Т. 11, с. 261—262.

^[8] См.: Мещерский Н. А. 1) О синтаксисе древнеславянских переводных произведений. — В кн.: Теория и критика перевода. Л., Изд-во ЛГУ, 1962, с. 98—101; 2) Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРА, т. XX. М.—Л., 1964, с. 192—198.

^[9] “Изборник 1076 года”. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., “Наука”, 1965.

^[10] Freybank D. Interpretation einer griechisch-kirchenslawischen. Ober-setzung im Izbornik 1076. — Zeitschrift für Slawistik, 1967, Bd. XII, S. 126—129; Мещерский Н. А. К изучению лексики “Изборника 1076 года”. — В кн.: Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1972, с. 3—12.

^[11] Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875, с. 219; Lepissier J. Une source de l'Izbornik de 1076. — Revue des études slaves, t. 45, 1966, p. 39—47; Sevcenko I. Ony some source of prince Svjatoslavs Izbornik of the year 1076.—Orbis scriptus. Munchen, 1966, p. 723—728.

^[12] Ходова К. И. 1) Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника (Житие Нифонта |β русском списке 1219 г.). Авто-реф. канд. дне. М., 1952; 2) Из наблюдений над лексикой древнерусского списка Жития Нифонта 1219 г.—Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, 1954, т. 9, с. 182—204.

^[13] ГБЛ, Троицкое собрание № 35.

^[14] См.: Мещерский Н. А. 1) К вопросу об источниках “Изборника 1076 года”. — ТОДРА, т. XXVII. М.—Л., 1972, с. 321—328; 2) О некоторых источниках “Изборника 1076 года” в связи с вопросом о

происхождении их переводов.—В кн.: Культурное наследие Древней Руси. Л.: “Наука”, 1976, с. 34-38.

§ 4. Установление языка оригинала переводных произведений.

Установление языка оригинала, с которого выполнен тот или иной перевод, может производиться по экстралингвистическим признакам, если нам известна история создания текста из каких-либо литературных источников или об этом есть упоминание в самом переводе. Если же это неизвестно, то исследователю приходится опираться прежде всего на данные языка перевода.

подавляющее большинство древнеславянских переводов произведено было с греческого языка, и чаще всего наличие греческого оригинала не требует специального доказательства. Однако в отдельных случаях возможны сомнения. Одни из подобных примеров—древнерусский перевод “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия. Этот выдающийся памятник древнеславянской переводной литературы содержит настолько много существенных отличий от известных нам списков греческого текста, что у первых исследователей перевода А. Берендса и Р. Эйслера возникло предположение, что оригиналом послужил не общепринятый греческий, а тот первоначальный вариант книги Иосифа Флавия, который, согласно сообщению автора в предисловии, был якобы написан им на “отечественном” (по-видимому, арамейском) языке для восточных единоплеменников.

Названные ученые пытались обосновать выдвинутое ими предположение, указывая в языке переводного памятника следы мнимых (как это потом показал В. М. Истрин) арамеизмов. Более пристальное изучение текста перевода заставило нас не только полностью отказаться от гипотезы Берендса—Эйслера, но и установить, к какой именно текстологической группе греческих списков мог принадлежать греческий текст “Истории”, находившейся перед глазами древнерусского переводчика.¹¹

Непосредственным доказательством установленного факта послужили для нас многие греческие слова в славянском переводе, обнаруженные именно в тех местах “Истории”, где они стоят в греческих списках текста. Приведем некоторые наиболее показательные примеры: *адоксите* — ἀδοξεῖτε — “оказываете непочтение, бесчестие” (кн. II, гл. 16, § 361); *салтинкъ* — σάλπιγξ —

“труба” (кн. III, гл. 5, § 29; то же в кн. IV, гл. 9, § 582); *салтиньскы кличюще*—μετὰ σαλπίγγι (кн. IV, гл. 1, § 20); *пастофории* — παστοφόριον — “верхнее помещение в башне” (кн. IV, гл. 9, § 582) и др.

Иногда переводчик использовал греческие слова и в тех местах текста, где им не находится соответствий в оригинале (в так называемых “дополнениях”), а также порою вместо древнегреческого слова, содержащегося в оригинале,—равнозначное греческое же, но более позднее слово, характерное для народно-разговорного языка византийского периода XI—XII вв. Так, например, вместо классического греческого θρίαμβος (триумф) в кн. III, гл. 1, § 5 или кн. VI, гл. 8, § 418—*проелипись* (с глоссой: *побѣдное прохождение*); вместо классического φρούραρχος (начальник гарнизона)—*дука* (кн. I, гл. 6, § 137); в кн. VII, гл. 13, § 562 при классическом πίναξ (блюдо) находим *дискось* (название церковного сосуда) и др. Отмеченное обстоятельство заставило нас признать, что, по-видимому, древнерусский переводчик хорошо знал живой греческий язык своей эпохи и свободно использовал его лексику для передачи понятий, выраженных в оригинале словами классического периода.^[2]

Иногда нет необходимости доказывать, что оригиналом для перевода служил именно греческий текст, однако сопоставление с ним может помочь в прояснении порою затемненного смысла в переводе. Таким проблемам посвящены работы В. Ф. Дубровиной, опубликованные в 1963—1964 гг. в связи с подготовкой издания “Изборника 1076 года”.^[3] То, что при несовершенном издании этого памятника было прочтено В. Шимановским как: “и на послѣдѣкъ пороугаеть ти ся шютомь оузьрить тя и оставить тя” (л. 150 об.),^[4] может быть правильно понято при сопоставлении с греческим оригиналом, где читается сочетание μετὰ ταῦτα—*потомъ* (вместо загадочного *шютомъ*). В том же издании читалось: “Моудрость сѣмѣренааго | възнесеть главою его | и по средѣ вельможъ поса | дить ю” (л. 147 об.). Сопоставление с греческим оригиналом “Премудрости Иисуса сына Сирахова” показывает, что последнее слово в приведенной фразе должно быть прочитано как и (местоимение 3 л., ед. числа, муж. рода в вин. пад., в греческом αὐτόν—*его*).^[5]

Греческий оригинал перевода может быть распознан и по ряду синтаксических примет. К последним относится, в частности, употребление в славянском относительных слов *иже, яже, еже* для

передачи греческого артикля, например, при субстантивированном инфинитиве: “въ еже святити его” (Исход, гл. 20, ст. 21) — “чтобы святить его”. В. М. Истрин признавал синтаксическим грецизмом оборот с союзом *яко* и неопределенной формой глагола, например: “И постави лодия далече края, яко и дрѣво видѣти” (“История Иудейской войны”, кн. II, гл. 21, § 8) — “и он поставил лодки вдали от берега, чтобы можно было видеть мачту”—в соответствии с греческим придаточным предложением, вводимым союзом *ὡς*, и сказуемым в инфинитиве. Однако заметим, что в подобных случаях может иметь место и параллельное развитие синтаксических моделей в различных языках.^[6]

Древнеславянские переводы выполнялись не только с греческого, но и с латинского языка. На это обратил внимание А. И. Соболевский в начале нашего столетия. Правда, и до того указывалось на латинское происхождение таких памятников, как, например; “Киевский миссал” (текст литургии по католическому обряду).^[7]

А. И. Соболевский рассматривал перевод достаточно распространенного произведения — “Бесед на Евангелие” Григория Великого (Двоеслова), папы римского.^[8] Этот перевод представлен несколькими списками XIII—XIV вв. Однако анализ языка доказывает, что моравские переводчики вполне подчинили себя славяно-византийской литературной традиции, почти не изменяли ей и не оставили в переводе следов латинского оригинала. Практически язык названного перевода ничем не отличается от древнеславянских переводов, сделанных с греческих оригиналов.

Позже А. И. Соболевский расширил круг своих наблюдений и привлек другие переводные памятники, в частности материалы житийной литературы. В статье, посвященной анализу перевода таких житий, как “Мучение святого Вита” (древнейший список в “Успенском сборнике XII—XIII вв.”), и ряду других, А. И. Соболевский находит следующие следы латинского оригинала: 1) наличие буквы *ц* в соответствии с латинским *c* или *t* и в противоположность греческой письменной традиций, например, имя святой: *Кръстьяница*—*Crescentia*; 2) грамматические особенности латинского языка, отраженные в названии местности *Алефарум* и в форме *Минервам* (сохранение флексии сущ. жен. рода, ед. числа, вин. пад.); 3) характерные ошибки переводчика, например, он принял латинский предлог-наречие *gratia* за существительное и перевел *благодатию*. Однако и в этом переводе встречаются места, говорящие о приверженности переводчика греческо-славянской литературной

традиции, что проявляется, например, в частом употреблении греческих географических названий: “земля Ликияньска” (а не Лицийская). Находятся греческие обозначения языческих божеств: “церковь Диева” (а не *Иовис*, как мы ожидали бы при следовании латинскому оригиналу). Встречаются отдельные греческие слова: *килик*—название одежды *кѣлѣков*, *кимвал* (а не *цимбал*) — название музыкального инструмента. Не только соответствия латинскому оригиналу, но и отступления от него поучительны. Они доказывают, что переводчик владел обоими классическими языками, впрочем, по-видимому, латынь знал хуже, чем греческий. Поэтому, — как определил А. И. Соболевский, у перевода “достоинства более чем скромные”.^[9]

Тот же ученый обнаружил еще одну группу произведений, переведенных с латинского.^[10] Это памятники, появившиеся в конце XII—XIII вв.: “Троянская история”, “Сказание об Индийском царстве”, “Сербская Александрия”, образующие своеобразный цикл и имеющие одинаковый беллетристический характер. Они также отличаются заметным сходством языка и стиля. В. М. Истрин признавал эти переводы восходящими к греческим оригиналам,^[11] но работы А. И. Соболевского показали ошибочность такого взгляда. Приметами латинского оригинала в этих повестях можно считать в первую очередь передачу собственных имен. Даже греческим именам здесь придается латинизированная форма: *Парис*—*Париж*, *Менелай*—*Менелаоуш*, *Ахилл*—*Ацилеш*. В переводах с греческого подобного рода транслитерация была бы невозможна. Повести эти, как полагал А. И. Соболевский, могли предварительно подвергнуться итальянской или какой-либо иной романской переделке. Ряд слов в повестях воспроизводится вопреки их греческому произношению с фонетическими особенностями, свойственными речи юго-западных славян: *крижма* вместо *хрисма*—‘рубашка, надеваемая на ребенка после крещения’, *папеш* вместо *папас*—‘папа римский’, *криж*—*крест* (католического образца) и др.^[12] По-видимому, местом, где были осуществлены переводы повестей, следует признать Далмацию, побережье Адриатического моря.

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о переводах с древнееврейского языка. До относительно недавнего времени принято было мнение, что они могли появиться только в конце XV в., в период так называемой “ереси жидовствующих”. К указанному времени, действительно, можно отнести многие переводы, восходящие к древнееврейским оригиналам: “Логика” Авиасафа, “Тайная тайных”, “Шестокрыл” и другие; астрологические

сочинения.^[13] Однако кроме этих, относительно поздно появившихся переводов с еврейского имеются и такие, которые либо идеологически, либо хронологически не могут быть связаны с названным еретическим движением. К ним относится, в частности, так называемая Псалтирь Феодора Жидовина, представленная несколькими списками. Из летописных свидетельств нам известно, что Феодор Жидовин был крещен в 1461 г. при Московском митрополите Ионе, а в 1473 г., при митрополите Феодосии, занялся этим переводом. Произведение ничего общего не имеет с ветхозаветной Псалтирью. По определению П. К. Коковцова, переданному им А. И. Соболевскому, это сборник, состоящий из 65 талмудических молитв. Перевод на церковнославянский язык отразил второе южнославянское влияние.^[14]

Наибольший интерес с данной точки зрения представляет собою древний перевод библейской книги “Есфирь”, сохранившейся во многих списках, начиная с XIV в. А. И. Соболевский, определяя перевод как древний, одновременно признавал его сделанным с какого-то, греческого оригинала.^[15] Другие исследователи: А. Х. Востоков, А. В. Горский, Д. Н. Рождественский, И. Е. Евсеев, Н. Н. Дурново—отстаивали еврейское происхождение оригинала, однако, за исключением А. Х. Востокова и Н. Н. Дурново, не считали возможным признать перевод древним, относящимся к Киевской Руси. Этому переводу была посвящена кандидатская диссертация автора настоящей работы, защищенная в Институте востоковедения АН СССР в 1946 г., а также статья, опубликованная несколько позже.^[16]

В действительности перевод “Есфири” оказался точным воспроизведением древнееврейского масоретского (см. с. 35—36) текста и может быть датирован временем не позднее XII в., так как он вошел в состав хронографического свода, содержащего запись, указывающую на 1193 г. Собственные имена в переводе транслитерируют древнееврейские архетипы: *Ахашверош* (а не *Артаксеркс*), *Васти* (а не *Астинь*), *Шушан-град* (а не *Сузы*) и т. д. Весьма показательны некоторые ошибки переводчика, в частности он принял древнееврейское прилагательное *rabbim* (многие) за одинаково звучащее существительное старейшины. Еврейский оригинал отражен также в необычных синтаксических конструкциях с местоименным значением таких существительных, как *лицо*, *душа*, *рука* и др.

Перевод книги Есфирь был не единственным, выполненным в древнюю эпоху с древнееврейского оригинала. Аналогичными языковыми признаками характеризуются и переводы хронографической книги “Иосиппон” и некоторых ветхозаветных апокрифов, в том числе книги Еноха^[17] и “Откровения Авраама”. В последнем из названных памятников, представленных наряду с другими списками в рукописи “Сильвестровского сборника” XIV в.,^[18] находим оставленное без перевода древнееврейское наименование бога *Эль*, а также имя отца Авраама в форме *Тера* (а не $\Theta\alpha\rho\alpha$), как в памятниках византийско-славянской традиции).

Вопрос о древнеславянских переводах с других языков Востока пока еще мало разработан. В начале века А. Д. Григорьев (а вслед за ним Н. Н. Дурново) подняли вопрос в связи с изучением “Повести об Акире Премудром”, представляющей собою переработку мирового литературного сюжета, восходящего к древней Ассирии и первоначально воплощенного на арамейском языке (роман об Ахикаре). А. Д. Григорьев считал славянский перевод сделанным с сирийского языка и относил его появление к эпохе Киевской Руси.^[19] Н. Н. Дурново не поддержал, но и не опроверг этого предположения.^[20] Передача в этом памятнике имени и титула ассирийского царя *Сенахериба* как “Синагрипъ царь адорский и наливский” позволяет нам поддержать гипотезу А. Д. Григорьева. Написание *наливский*. (вместо *ниневийский*) может быть объяснено палеографическими особенностями древнесирийского письма “эстрангело”, в котором начертания букв “нун” и “лямед” в общем сходны, отличаясь друг от друга только длиной косой черты, наклоненной влево.^[21]

История текста некоторых переводных памятников, как, например, “Снов царя Шахаиши” и др., почти не исследована, но можно предположить, что они восходят к негреческим оригиналам.

Подводя итог всему сказанному, мы должны еще раз отметить, что при определении языка оригинала, с которого сделан тот или иной перевод, необходимо обратить внимание на следующие языковые особенности текста переводного памятника:

- 1) оставленные без перевода иноязычные слова;
- 2) транслитерацию собственных имен (как личных, так и топонимических);
- 3) необычные для языка перевода синтаксические конструкции;
- 4) ошибки переводчика, возникшие из-за неправильного понимания оригинала.

Руководствуясь всеми перечисленными признаками вместе взятыми,

можно подойти к решению этой сложной и важной проблемы с определенной надеждой на успех.

---

^[1] См.: Мещерский Н. А. Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов (на материале 'древнерусского перевода "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия). Доклад IV Международному съезду славистов. М., Изд-во АН СССР, 1958. Переиздано в кн.: Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. М., 1960, с. 61—94.

^[2] См.: Мещерский Н. А. Значение древнеславянских переводов..., сс. 30-32.

^[3] 25 Дубровин а В. Ф. 1) О привлечении греческих параллелей для прочтения переводных славяно-русских текстов.—В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., "Наука", 1963, с. 36—42; 2) Из наблюдений над употреблением грецизмов в переводном тексте русской рукописи XI века.—В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., "Наука", 1964, с. 44—58.

^[4] См.: Шимановский В. "Изборник Святослава 1076 г.". Варшава, 1849, с. 150.

^[5] См.: Дубровина В. Ф. О привлечении греческих параллелей..., с. 39—40.

^[6] См. об этом в статье: Маковский М. М. Об определении автохтонности синтаксических моделей при анализе отклонений от оригинала (на материале германских языков).—"Вопросы языкознания", 1961, № 1, с. 99—105; см. также: Мещерский Н. А. О синтаксисе..., с. 86—89.

^[7] Oblak V. Zur Provenienz der Kijever und Prager Fragmente. —:"Archiv fur slavische Filologie", 1896, XVIII.

^[8] См.: Соболевский А. И. Церковнославянские тексты моравского происхождения.—"Русский филологический вестник", 1900, № 1, с. 24—38.

^[9] Соболевский А. И. 1) Жития святых в древних переводах на церковнославянский с латинского языка. СПб., 1904; 2) Мучение св. Вита в древнем церковнославянском переводе. — ИОРЯС, 1903, т. 8, кн. 1, с. 195 и сл.

^[10] Соболевский А. И. 1) Из истории заимствованных слов и переводных повестей.—ИОРЯС, 1905, т. X; 2) Материалы и

исследования в области славянской филологии и археологии.— Сборник ОРЯС, т. 88, № 3. СПб., 1910, с. 182—192.

^[11] См.: Истрин В. М. 1) Сказание об Индийском царстве.—В кн.: Древности, I. М., 1895, с. 1—75 (тексты); 2) К истории заимствованных слов и переводных повестей. По поводу статьи Соболевского.—В кн.: Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете, т. XIII. Одесса, 1905, с. 175—186.

^[12] Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии..., с. 190—191.

^[13] Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси М., 1903, с. 396—428.

^[14] Там же, с. 400.

^[15] Там же, с. 433—436.

^[16] Мещерский Н. А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода.—Учен. зап. Карело-финляндского пединститута, 1956, т. 2, вып. 1, с. 196—219.

^[17] Мещерский Н. А. К истории текста Славянской книги Еноха (Следы памятников Кумрана в византийской и старославянской литературе).— В кн.: Византийский временник, т. 24. М., 1964, с. 92—108.

^[18] Сильвестровский сборник середины XIV в. (ркп. ЦГАДА, ф. 381, № 53), содержащий ряд древнерусских оригинальных и переводных произведений. См.: Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., "Наука", 1969, с. 77.

^[19] Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. Исследования и тексты. М.: 1913, с. 257-539, 544.

^[20] Дурново Н. Н. Материалы и исследования по старинной литературе. Ч. I. К истории повести об Акире. М., 1915, с. 128—131.

^[21] См. подробнее: Мещерский Н. А. Проблемы изучения славянорусской переводной литературы, с. 203—205.

Глава вторая

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ ВЕТХОЗАВЕТНОЙ БИБЛЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. Общая характеристика переводимых оригиналов. Ветхим заветом принято называть ту часть свода библейских книг, которая сложилась еще до нашей эры. Ветхозаветные библейские произведения представляют собою единственный в своем роде всеобъемлющий свод литературы древнего еврейского народа за почти тысячелетний период его исторического существования. Древнейшие части ветхозаветных книг складывались около XI в. до н. э. (отдельные главы книги Судей), наиболее поздние (книга Даниила) — во II в. до н. э.

По содержанию и характеру изложения, по языку и слогу ветхозаветные книги чрезвычайно различны. Здесь мы находим и кодексы древнейшего законодательства (книга Второзаконие), и кодификацию жреческого ритуала (книга Левит), встречаем эпические сказания о героях (книга Судей) и летописные книги Царей и Паралипоменон, учительные изречения (Притчи) и любовную лирику (Песнь Песней), гимнологию (Псалтирь) и бытовую новеллу (книга Руфь), обнаруживаем обличительные речи пророков и философские диалоги (книга Иова). Тексты ветхозаветных книг в том их виде, в каком они представлены сейчас в библейском каноне, создавались и образовывались одновременно и постепенно, впитывая в себя многочисленные, первоначально бытовавшие отдельно источники. Естественно предположить, что в состав ветхозаветного канона вошла далеко не вся литература древнего еврейского народа; в современном виде многие тексты библейских книг предстают перед исследователями как конгломерат обломков. Однако и то, что сохранилось, смело может быть признано неповторимой культурно-исторической ценностью.¹¹

Канон Ветхого завета, т. е. список произведений, официально признанных почитаемыми как в древней иудейской, так и в христианской религиозной традиции, образовывался постепенно и нередко в процессе ожесточенной идеологической борьбы между отдельными группировками и направлениями. При окончательной стабилизации канона ряд произведений не был в него включен: это те книги, которые получили название апокрифических (тайных, потаенных), или псевдоэпиграфов, и отношение к которым со

стороны официальных церковных кругов было неодинаково в различные эпохи. В настоящей книге мы не касаемся апокрифических текстов. Им посвящена наша специальная статья.^[2] Здесь будут рассмотрены только те из произведений ветхозаветной письменности, которые издавна оказались внесенными в число канонических.

В завершенном виде ветхозаветный канон к началу нашей эры состоял из 22 признававшихся отдельными произведениями, или “книг”. Заметим, что названное число рассматривалось древними иудеями как священное, поскольку оно совпадало с числом букв древнееврейского алфавита. Все книги ветхозаветного канона, согласно еврейской традиции, подразделялись на три основных раздела. Первый—книги Закона (по-древнееврейски—“Тора”); это пять книг, надписанных именем легендарного вождя и законодателя еврейского народа Моисея. Вторая часть носила общее наименование—книги Пророков (еврейское—“Небиим”). И, наконец, третий раздел в своей совокупности именовался Писания (еврейское—“Кетубим”).

Начальные пять книг ветхозаветного канона — книги Закона, или Моисеевы книги,—получили общее название Пятикнижия. В древнееврейской традиции каждая из этих книг не имела особого заглавия, а именовалась до первым словам своего текста. Так, первая книга, начинавшаяся фразой “В начале сотворил бог небо и землю. . .”, по-еврейски получила обозначение книги “Берешит”, т. е. “В начале”. Вторая книга, открывавшаяся словами “Вот имена сынов Израилевых, которые вошли в Египет...”, на древнееврейском языке называется “Ва элле шемот”, т. е. “И вот имена”. Третья книга, начало которой читается “И возвал господь к Моисею. . .”, носит еврейское заглавие “Вайикра”, т. е. “И возвал”. Книга четвертая, в первом стихе которой читается “И говорил господь Моисею в пустыне. . .”, названа по-древнееврейски “Бемидбар”, т. е. “В пустыне”. И, наконец, книга пятая, начальные слова которой “Сии суть слова, которые говорил Моисей...”, известна в еврейской традиции под заглавием “Элле хадебарим”, т. е. “Вот слова”.

В христианской практике книги Моисея получили каждая свое особое заглавие (на греческом или на латинском языке) в зависимости от их основного содержания. Книга первая озаглавлена “Генезис”, или книга Бытия; вторая получила название “Экзодос”, книга Исход; третья книга названа Левит (латинское *Leviticus*) по этнониму израильского племени, выделенного для выполнения культовых

обязанностей; книга четвертая озаглавлена по-латыни *Numeri*, а в славяно-русской традиции—Числа. Пятая книга, по-гречески названная “Девтероно-мион”, стала именоваться в древнеславянском переводе Второзаконием.

Следующий раздел Ветхого завета — Пророки — открывается в еврейской Библии книгой Иисуса Навина, возглавившего поход еврейского народа после смерти Моисея (древнеевр. “Иехошуа”); затем следует книга Судей Израилевых (еврейское название “Шепатим”); далее идут две книги Самуила (первая и вторая), книги Царей (также первая и вторая). Следующие три книги, надписанные именами древнейших пророков Исая, Иеремии и Иезекииля, получили в древнееврейской традиции название книг “великих” пророков. Затем идут 12 книг “малых” пророков: Осии, Иоиля, Амоса, Авдия (евр. Обадия), Ионы, Михая (евр. Миха), Наума, Аввакума (евр. Хабакук), Софонии (евр. Цефания), Аггая, Захарии и Малахии. Иногда все вместе книги Пророков именовались Восьмикнижием.

Остальные книги Ветхого завета по древнееврейской традиции относились к разделу Писания. Среди них назовем Псалтирь (иначе—книга Песен, Псалмы; евр. “Техилим”—“Хваления”), книгу Притчей (пословиц; евр. “Мишле”), книгу Иова, Песнь Песней, книгу Руфь, книгу Экклезиаст (евр. “Кохелет”— “Проповедник”), книгу Есфирь, книгу Даниила.

Вне общего счета в древнееврейском каноне стоят еще книга Неемии и книги Паралипоменон (первая и вторая), иначе книга Хроник, параллельная в своем изложении книгам Царей.

В последующей греческой христианской традиции происходит перегруппировка произведений между отдельными частями Ветхого завета. Так, книга Даниила из раздела Писаний перешла в разряд книг Пророков в качестве четвертой книги “великих” пророков..

Первоначальный язык громадного большинства ветхозаветных произведений — древнееврейский, принадлежащий к семитской семье языков. Лишь отдельные части книги Даниила и книга Неемии написаны были на другом семитском языке — арамейском, получившем широкое распространение в качестве основного разговорного языка среди населения Палестины и других стран Передней Азии после так называемого Вавилонского пленения евреев, т. е. после VI в. до н. э.

К этому времени древнееврейский язык уже вышел из устного речевого употребления, сохранившись лишь в качестве культового

священного языка, и сделался непонятен для основной массы иудеев. Особенно стало ощущаться и осознаваться это устарение древнееврейского языка после завоевания стран Переднего Востока Александром Македонским в конце IV в. до н. э. Тогда многие члены иудейской религиозной общины оказались рассеянными в пределах различных эллинизированных государств. Господствующим языком в этих странах был греческий (в форме так называемого койнэ, общего для всех племенных диалектов), и поэтому приблизительно к тому времени, когда завершилось формирование ветхозаветного канона в его оригинале, появилась насущная потребность в переводе книг Библии на греческий язык. Такой перевод и был осуществлен в третьем столетии до нашей эры, получив название перевода Семидесяти, иначе, по-латыни, Септуагинта (по числу легендарных переводчиков, часто сокращенно обозначается LXX).

К началу христианской эры перевод Семидесяти был уже во всеобщем употреблении у евреев диаспоры (рассеянных по эллинистическим странам восточного Средиземноморья) и приобрел авторитет священного текста наряду с древнееврейским оригиналом. Происхождение перевода Семидесяти уже в древнюю эпоху стало предметом легенд и приданий; самый ранний рассказ об этом событии мы читаем в книге Иосифа Флавия “Иудейские древности” (книга XII, гл. 2).^[3] Согласно этому рассказу, организация перевода связана с деятельностью царя эллинистического Египта Птолемея Филадельфа, прославившегося основанием знаменитой Александрийской библиотеки. По приказу Птолемея из Палестины были вызваны 72 мудреца—знатока Писания (по 6 от каждого из 12 “колен” еврейского народа), и им был поручен перевод книг Закона. Число 72 впоследствии было округлено до 70.

Текстологическая ценность перевода Семидесяти весьма велика. В нем отразилось то состояние текста библейских книг, в котором они находились к началу нашей эры, тогда как текст первоначального древнееврейского оригинала засвидетельствован лишь относительно более поздней, так называемой “масоретской” рукописной традицией. Одна из древнейших рукописей еврейского текста ветхозаветных книг датируется IX в. н. э., отстоя, таким образом, от времени сложения текста более чем на тысячелетие. Эта рукопись хранится сейчас в Ленинграде в ГПБ (шифр: Евр. В 19 А).

Рукописная традиция еврейского текста Библии сложилась в результате деятельности так называемых “масоретов”—ученых иудейских раввинов, проводивших редактирование всего текста в то

время, когда после войны с римлянами 66—73 гг. н. э. государственная самостоятельность Иудеи была окончательно уничтожена, а древнееврейский язык давно вышел из повседневного устного употребления. Основная задача масоретов заключалась в том, чтобы закрепить на века то состояние текста Библии, которое сложилось к середине I в. н. э. При этом следует заметить, что древнееврейское письмо вначале было слоговым, т. е. обозначало только согласные звуки в слове, а масореты снабдили его огласовкой, поскольку принцип слогового письма в их эпоху был уже оставлен. Между масоретским еврейским текстом Библии и текстом перевода Семидесяти существуют заметные расхождения, объясняемые главным образом тем, что перевод, созданный приблизительно на два столетия ранее, чем протекала деятельность масоретов, отразил более древнее состояние текста ветхозаветных книг. Это стало особенно очевидным после 1947 г., когда в пещерах близ Мертвого моря были обнаружены многочисленные древнееврейские рукописи от эпохи около начала нашей эры. Эти находки получили название текстов Кумрана, по наименованию развалин, около которых производились раскопки.¹⁴

Значительные фрагменты ветхозаветной литературы в составе этих рукописей, например тексты книги Исаии, оказались во многом более близки к переводу Семидесяти, чем к масоретской редакции. Таким образом, находки в Кумране подтвердили в глазах филологов-библеистов значительность и ценность перевода Семидесяти для реконструкции первоначального вида древнееврейских текстов.

Однако Септуагинта, приобретая особо сильный авторитет с момента возникновения христианских общин, в какой-то мере перестала соответствовать потребностям и запросам иудеев, оставшихся верными ветхозаветным традициям. И тогда были предприняты другие переводы еврейского текста Библии на греческий. Эти переводы, сделанные в I—III вв. н. э. Симмахом, Феодотионом, Аквиллой и др., в некоторых чертах более близкие к масоретскому тексту, оказались менее совершенными в литературном отношении, чем перевод Семидесяти, и поэтому не могли соперничать с ним. Септуагинта уже в раннехристианскую эпоху претерпела различные редакционные обработки, в результате чего образовались две основные ее текстологические редакции. Одна из них — Восточная, — названная по имени ее редактора Лукиановской, сложилась в Антиохии. Другая — Западная, — названная также по имени редактора Исихиевской, — в Александрии. Эти две редакции текста Септуагинты получили распространение в средневековый

период. В частности, в употреблении византийской церкви к IX в. окончательно закрепилась Лукиановская рецензия греческого текста ветхозаветных книг, но возможности сближавшая этот текст с масоретским.

К первым столетиям нашей эры относятся переводы ветхозаветных произведений на другие языки народов Востока и Запада. Так, к III в. н. э. в Месопотамии был выполнен перевод на сирийский язык с древнееврейского оригинала; этот перевод получил название “Пешитто” (по-сирийски—“простой”). Несколько ранее появился древнейший латинский перевод, так называемый “Ветус латина”, выполненный с Септуагинты и засвидетельствованный в практике Римской церкви в первые века христианства.

К рубежу IV—V столетий восходит новый перевод Библии на латинский язык. Оригиналом для него послужил масоретский текст. Осуществил этот труд Иероним, монах, происходивший из Далмации, но проживший многие годы в Палестине. Перевод Иеронима получил по-латыни наименование Вульгата (простая) и был широко распространен во всех странах Запада вплоть до эпохи реформации. Текст Вульгаты признан католической церковью единственной канонической редакцией Библии.

К III—IV вв. н. э. относятся переводы Библии на коптский, армянский, а затем и на грузинский языки, делавшиеся, по-видимому, с греческого. На готский язык Библия была переведена в конце IV в. епископом Ульфилой тоже с греческого текста Септуагинты.

^[1] Общую характеристику Библии как исторического источника и как произведения литературы см. в кн.: Литература древнего Востока М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 77—93.

^[2] Мещерский Н. А. Апокрифы в древней славяно-русской письменности (ветхозаветные апокрифы).—В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. I, М., 1976, с. 181—210.

^[3] См. в кн.: Иосифа Флавия древности Иудейские... на российский язык преложенные... Михаилом Самуйловым. Ч. II. Изд. 4-е СПб 1818 с 237— 240.

^[4] О находках рукописей Кумрана см.: Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. М., Изд-во АН СССР, 1960, а также: Тексты Кумрана. Вып. 1. М., “Наука”, 1971.

§ 2. Переводы Ветхого завета на древнеславянский язык.

Переводы ветхозаветных библейских книг на древнеславянский язык были сделаны еще в начальный период развития славянской письменности. Основываясь на свидетельстве древнейшего “Жития Мефодия” (см. выше, гл. 1, § 1), можно утверждать, что первый библейский перевод был осуществлен под руководством Мефодия его ближайшими учениками в 80-е годы IX в. Однако никаких непосредственных свидетельств или рукописных следов этого первоначального перевода до наших дней не дошло. Мы не можем утверждать с уверенностью, что именно тогда были переведены все библейские книги.

Изучение рукописной традиции славянских текстов ветхозаветных частей Библии, производившееся учеными в XIX в.,^[1] показало, что вплоть до конца XV в. на славянском языке не существовало полного свода ветхозаветных библейских книг. Собрание такого свода связано с деятельностью новгородского архиепископа Геннадия: около 1490 г. по его почину и под его руководством были собраны и обработаны все ранее имевшиеся в обращении славянские тексты библейских произведений. Недостающие тексты были тогда же восполнены текстами из Вульгаты, специально переведенными с латинского. Подлинный список этого Геннадиевского свода славянской Библии ныне хранится в ГИМ в Москве (Синод, собр., № 1). До времени Геннадия на древнеславянском языке имелись лишь частичные тексты отдельных ветхозаветных книг, различавшиеся по своему целевому назначению и по текстологическим особенностям.

Трудами И. Е. Евсеева, А. В. Михайлова^[2] и других ученых было установлено, что тексты славянских переводов ветхозаветных книг имеются в наших рукописных фондах в трех основных видах, образование которых было тесно связано с конкретными нуждами древних славянских церквей, прежде всего с употреблением этих текстов при богослужении.

Первую группу древнеславянских ветхозаветных текстов составляют так называемые паремийники (иначе паремейники). Это сборники тех отрывков из Ветхого завета, которые читаются во время совершения литургии или вечерни в православных церквях. Такие отрывки в практике славянских церквей получили название “паремий”, (т. е. притчей—от греч. *παροιμία*— по наименованию одной из самых популярных ветхозаветных книг—Притчи

Соломоновы). В греческой церковной практике аналогичные сборники называются “Профитологии”, т. е. книги Пророков.

В составе паремийных отрывков тексты ветхозаветных книг представлены далеко не равномерно. Некоторые книги, как, например, книга Бытия, книга Притчей и книга Исаяи, читаемые во время служб великого поста, вошли в паремийники почти полностью; другие, как книга Исхода или книга Иова,—значительно меньшим количеством отрывков. Многие же библейские книги вовсе не представлены в составе паремийников, как, например, книга Есфирь, текст которой никогда не читался за богослужением. Кроме отрывков из Ветхого завета паремийники включают отдельные отрывки из новозаветных апостольских посланий, положенных для чтения в дни церковного празднования апостолам, а также, согласно древнейшим русским спискам, отрывки из “Жития князей Бориса и Глеба”, которые полагалось читать в церкви за вечерней в день памяти этих русских святых. Отметим, что отрывки из “Жития” для придания им авторитетности озаглавливались “От Бытия чтения”.^[3]

Паремийники богато представлены в древнем славяно-русском рукописном наследии. Самые старшие южнославянские списки таких сборников дошли до нас лишь в отрывках и восходят к XII в. (см., например, ГИМ, собр. Шукина № 31— 4 пергаменный листа; Архив ЛОИИ № 5/678 XII в.—1 лист пергамента).

Древнейший русский и полный список паремийника — это так называемый Захарьинский псковский паремийник 1271 г. с характерными записями трудившихся над изготовлением этой книги писцов: попа церкви св. Димитрия в Новгороде и его сына Онуфрия. Рукопись предназначалась для церкви в селе Матигоры в Заволочье. Список состоит из 264 пергаменных листов. Рукопись хранится в ГПБ (Q п. 1, 13). Есть и древнейшие списки паремийников болгарского происхождения: один из них носит имя нашедшего его Григоровича. Список датируется приблизительно XII в., хранится в ГБЛ (Музейное собр. № 2 [1685]). Другой, датируемый 1294—1320 г., получил название “Лобковского” и хранится в ГИМ (собр. Хлудова № 142).

В “Предварительном списке”^[4] отмечено свыше 30 рукописей паремийника, относимых к XII—XIV вв. От XV—XVI вв. таких рукописей дошло также несколько десятков. Например, в книге И. Е. Евсеева указан 41 список, причем, как он сам пишет, перечень его далеко не полон.^[5]

Как показывает сопоставление славянских паремийников с греческими профитологиями, в основу перевода был положен извод

Септуагинты по Лукиановской рецензии, поскольку эта последняя была принята Византией в богослужебном употреблении. Перевод, очевидно, мог быть сделан в начальный период славянской письменности (IX в.).

Вторую текстологическую группу древнеславянских переводов ветхозаветных книг составляют списки так называемых “толковых” редакций, в которых тексты ветхозаветных произведений, преимущественно пророческих, сопровождаются толкованиями, составленными раннехристианскими и византийскими богословами.

Такие произведения появляются начиная с первых веков христианства. Сложные и трудные для понимания тексты Ветхого завета объясняются, подвергаются экзегезе, т. е. истолкованиям, частично филологического, главным же образом богословского характера. При этом обычно содержание ветхозаветных пророчеств рассматривалось как прямое предсказание христианства, как предзнаменование событий, излагаемых в Новом завете. Подобного рода экзегетические произведения надписываются именами общепризнанных церковных авторитетов: Ипполита Римского, Афанасия Александрийского, Василия Великого, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста и др. На византийской почве экзегетические тексты нередко объединялись в сборники, получившие по-латыни общее наименование “Катены” (т. е. цепи).

С момента христианизации славянских народов возникает настоятельная потребность в переводе толкований. Таким образом, очевидно, уже не позднее X в. в Болгарии появляются тексты древнеславянских толковых Пророчеств и других ветхозаветных книг. В Новгороде самый старый список толковых Пророчеств существовал уже в первой половине XI в. Запись, сделанная в 1047 г. и сохранившаяся до наших дней в позднейших копиях XV—XVI столетий, так свидетельствует об этом: “Слава тебе, господи, царю небесный, яко сподоби мя написати книги си ис куриловицѣ князю Владимиру Новѣгородѣ княжящю, сынови Ярославлю Болшему. Почях же е писати въ лѣто *ФНЕ, мѣсяца мая въ *ДІ, а кончяхъ того же лѣта мѣсяца декабря в *ӨІ. Азь попъ Оупирь Лихый”.^[6] Новгородец поп Упирь, по прозванию Лихый, переписал эту книгу при князе Владимире Ярославиче в 1047 г. по нашему календарному счету.

Книга толковых Пророчеств включает в себе тексты 12 “малых” пророков в древнем переводе, а вслед за тем и “великих” пророков с

толкованиями на них различных авторов, вставленными в текст. Они послужили важнейшим источником при собирании полного свода Геннадиевской Библии в XV в.

Несколько списков толковых библейских книг дошло до нас в отрывках или в целом виде от XII—XIV вв. Так, в “Предварительном списке” поименованы следующие древние рукописи: “Толкование Исполита Римского на книгу пророка Даниила”, иначе “Московские” или “Погодинские” листки (ГПБ, шифр Погод. № 68, 2 пергаменных листа, XII в.); отрывок из книги пророка Исайи в редакции “Толковых пророчеств”, датируемый концом XII—началом XIII в. (ГБЛ, Музейное собр. № 64, 1 лист пергамена). Ко второй половине XIII в. относят список Песни Песней с толкованиями Филона Карпофийского (ГБЛ, собр. ОИДР № 172, список русский, 92 листа пергамена). Есть и еще несколько списков XIII—XIV вв. Что же касается рукописей толковых библейских книг, датируемых XV—XVI в., то они в изобилии встречаются почти во всех наших хранилищах. И. Е. Евсеев насчитывает таких списков свыше четырех десятков.^[7]

По текстологическим приметам тексты славянских толковых Пророчеств восходят к греческой Исихиевой рецензии перевода Семидесяти. Перевод же, как мы уже отметили, осуществлен в Болгарии не позднее X в. Переводчики, как показало исследование И. Е. Евсеева, были, вероятно, знакомы с ранее сделанным переводом паремийной редакции.^[8]

Третью текстологическую группу древнеславянских переводов ветхозаветных книг составляют списки, которые иногда называют “четьими”, мы же предпочитаем именовать их хронографическими, так как они обычно входили в состав хронографических сводов всемирно-исторического содержания и не предназначались ни для чтения в церкви, ни для богословского истолкования.

Подобно “четьим” книгам Евангелия или Апостола (см. об этом в следующей главе), данные книги предназначались для домашнего чтения. Это были по преимуществу тексты тех ветхозаветных произведений, в которых содержались эпические или хроникальные повествования, представлявшие интерес для читателей своей образовательной стороной, так как являлись канвой для изложения событий мировой истории. В названную текстологическую группу входили Пятикнижие Моисея, книга Иисуса Навина, книга Судей, книга Руфь, книги Самуила, именуемые в византийско-славянской традиции первой и второй книгой Царств, книги Царей, соответственно получившие у славян название третьей и четвертой

книги Царств; к этому перечню присоединялись также книга Есфирь и книга Даниила. Тексты библейских произведений в данной текстологической группе могли иногда сопровождаться вставками, выдержками из византийских хроник Малалы и Амартола и других подобных. Таким образом, события, о которых рассказывалось в Библии, вводились в цепь всемирно-исторической хронологической последовательности и находили свое место в общем ряду с событиями истории стран Древнего Востока и античности.

Списков четых, или хронографических, библейских книг от древнейшей поры славянской письменности до нас дошло сравнительно немного. Возможно, подобные книги не пользовались широким распространением, а списки их не так тщательно оберегались, как книги богослужебные или богословские. В “Предварительном списке” зарегистрировано лишь 2 рукописи данного типа, датируемые XIV в. или самым началом XV в. Первая— “Пятикнижие Моисеево” с хронографическими записями в конце (вторая половина или конец XIV в., ГБЛ, Троицкое собр. № 1, 166 листов пергамента).^[9] Второй древней рукописью хронографических текстов славянской Библии является список, датируемый концом XIV—началом XV в. (ГБЛ, Троицкое собр. № 2 (2027), 166 листов). Рукопись включает тексты книг Иисуса Навина, Судей, Руфь, Есфирь и дополнительные статьи из хронографов. Заметим, что среди последних содержится копия записи, позволяющей установить, что тексты этих библейских книг переписывались уже в 1193 г., при правлении владими́ро-суздальского великого князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо.^[10]

Рукописи хронографических изводов библейских книг, датируемые XV—XVI вв., представлены в наших хранилищах в достаточном числе. Назовем, например, список из собр. Ундольского № 1 в ГБЛ; список Архивского хронографа в ЦГАДА (XV—XVI вв.) и тождественный с ним по содержанию своей начальной части список Виленского хронографа XVI в. в библиотеке АН Литовской ССР; список Уваровского хронографа в ГИМ (№ 3—18) XV в. и тождественные с ним Академический хронограф в БАН и Троицкий в ГБЛ (оба XVI в.) и многие другие.^[11]

С хронографическими списками библейских книг по своему практическому назначению сходны во многих своих чертах и списки так называемой палеи, в которой изложение ветхозаветных рассказов перемежается с Их символическими истолкованиями и с отрывками апокрифических легенд. Палеи (от греческого *παλαιά*—древняя)

принято подразделять на два типа: палея толковая и палея историческая, иначе палея хронографическая. От ранней эпохи до нас дошло несколько списков: Александро-Невская, Псковская, Коломенская и др. Последний из названных списков переписан в г. Коломне в 1406 г. и содержит самую раннюю редакцию толковой палеи (ГБЛ, фонд быв. Костромской библиотеки, № 320, 169 бумажных листов; другая часть этой рукописи находится также в ГБЛ в составе Музейного собрания). Особенностью палеи толковой является противоиудейская направленность содержащихся в ней толкований. См., например: “Послушайте же и вы, оканьнии жидове, комоу прообразовася Исакъ, ида на жьртву, не ономоу о немъ же пророчествова Исаіа, яко овча на заколенье ведеса, яко агньць прямо стргоущему безгласнь, тако же не отверзаеть оустъ своих в смирение его”.^[12]

---

^[11] См.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел I. М., 1855.

^[12] См.: Евсеев И. Е. 1) Книга пророка Исаяи в древнеславянском переводе. СПб.. 1897; 2) Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты. М., 1905, и др.; Михайлов А. В. 1) Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1900; 2) Греческие и древнеславянские паремийники. Варшава, 1908.

^[13] См.: Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916, с. 115—121.

^[14] Предварительныи список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. — В кн.: Археографический ежегодник за 1965 г. М., “Наука”, 1966, с. 127—172.

^[15] См.: Евсеев И. Е. Книга пророка Исаяи..., с. 34—36.

^[16] Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882, с. 17.

^[17] Предварительный список..., с. 196, 201, 210.

^[18] Евсеев И. Е. Книга пророка Исаяи..., с. 52—60. . . Там же, с. 74—78.

^[19] Предварительный список. . ., с. 259.

^[10] Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка.

^[11] См.: Мещерский Н. А. “История Иудейской войны” Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, с. 15—21.

^[12] Палея толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892, с. 71.

§ 3. Переводы Псалтири. Особого рассмотрения заслуживает перевод такой ветхозаветной книги, как Псалтирь.^[1] Эта книга в ее еврейском оригинале представляет собою собрание гимнов религиозно-лирического содержания и настроения, которые исполнялись при богослужении в древнем Иерусалимском храме в эпоху государственной самостоятельности Иудейского царства. Поэтому они получили необыкновенно широкое распространение как в дохристианскую эпоху, так и особенно во время раннего христианства. Тексты 150 псалмов, составляющих Псалтирь, были переведены на греческий язык вместе с другими частями Септуагинты. К ним был прибавлен дополнительно 151-й псалом, раскрывающий жизнь Давида, царя и поэта, именем которого надписана значительная часть псалмов. До недавнего времени этот псалом не был известен в древнееврейском оригинале, однако среди рукописей Кумрана в последние годы обнаружен и первоначальный древнееврейский оригинал 151-го псалма, признававшегося апокрифическим.^[2]

Уже в раннехристианскую эпоху греческий перевод Псалтири лег в основу христианской литургии и гимнологии. В составе так называемых “вседневных” служб (полунощницы, утрени, часов, вечерни и повечерия) используется около 50 отдельных псалмов. Кроме того, Псалтирь, разделенная на 20 частей— “кафизм”,— должна еженедельно прочитываться вся целиком. Псалтирь полагалось читать над покойниками. С особой тщательностью и подробностью надлежало выполнять устав о чтении Псалтири в течение великого поста. Наконец, Псалтирь служила не только культовой книгой, но и главным учебником. По ней до XIX в. включительно учили читать и писать, что хорошо известно и что лишний раз доказывают недавно найденные грамоты на бересте: одна из них принадлежит новгородскому мальчику Онфиму, учившемуся в XIII в. и выписавшему на бересту текст службы “великого повечерия”.^[3] Все это неизменно поддерживало популярность Псалтири в средневековом обществе, и поэтому количество древних рукописей Псалтири значительно больше, чем всех остальных текстов, и уступает только спискам Евангелия.

Псалмы насыщены подлинным поэтическим чувством, сохранным и в их славянском переводе. Они служили источником вдохновения для всех без исключения русских авторов вплоть до XVIII в.—от митрополита Илариона и авторов “Повести временных лет” до Ломоносова и Державина, да и в XIX—

XX вв. отзвуки поэзии псалмов слышатся в стихах и Пушкина, и Лермонтова, и Языкова, и Федора Глинки, и Бунина.

Сущность поэтического строя псалмов — смысловой и синтаксический параллелизм (прямой или обратный) каждого составляющего их стиха. Эта поэтическая структура легла в основу всей древневосточной поэзии, а затем стала ведущей и в византийской гимнологии, и в славяно-русской оригинальной поэзии.

Приведем отрывок из псалма 138, церковнославянский текст которого точно воспроизводит первоначальный стихотворный склад:

Камо поидоу от духа твоего
И от лица твоего камо бѣжю?
Аще въздоу на небо, ты тамо еси —
Аще снидоу въ адъ — и ты тамо.
Аще возмоу крилѣ мои рано
И вселюся .въ послѣднихъ моря, —
И тамо бо роука твоя наставитъ мя
И оудержитъ мя десница твоя (Ст. 7—10).

Псалтирь и ее поэзия оказывали воздействие на древнерусскую оригинальную письменность. Покажем это на примере из Послания Ивана Грозного к князю Андрею Курбскому. Там мы находим: “Почто, о княже, аще мнишия благочестие имети, единородную свою душу отвергл еси?”^[4] На первый взгляд может показаться, что прилагательное единородную здесь совсем не подходит. В обычном употреблении это слово значит ‘единственный из рожденных в семье (сын или дочь)’. Однако Иван Грозный хочет сказать здесь другое: самое важное, самое дорогое, самое ценное, что в тебе есть. Здесь он опирается на текст Псалтири: “Изми от оружия душу мою, и из роуки песня единородную мою” (пс. 21, ст. 21). В данном случае славянский перевод через контекст греческого воспринял идиоматику древнееврейского языка: в первооригинале читается слово “йе-хида”, которое, имея прямое значение ‘единственный’, идиоматически употреблялось в качестве стилистического синонима к существительному душа.

Иногда в славянском переводе Псалтири могут встретиться отдельные словосочетания, нелегко понимаемые или даже прямо бессмысленные. Так, в псалме 127 находим следующий стих: “Труды плодъ твоихъ сынѣси, блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ” (ст. 2). В еврейском оригинале сказано: “Ты будешь питаться плодами рук твоих”. Но, несмотря на явный нонсенс, славянский перевод не теряет своей поэтичности и не вносит дисгармонию в общее лирическое настроение, выраженное псалмом.

Псалтирь, несомненно, была переведена на славянский в первоначальный период развития письменности при Кирилле и Мефодии—ведь без ее текста невозможно было совершать ни одной церковной службы. Поскольку еще в раннехристианскую эпоху Псалтирь удовлетворяла различным потребностям, существовали редакции этой книги, зависящие от практического назначения. Так возникли основные типы псалтирных текстов: Псалтирь следованная (или “с воследованием”), применявшаяся при церковном служении, и Псалтирь толковая (с толкованиями текста, составленными Афанасием Александрийским, Феодоритом Киррским и другими раннехристианскими авторами).

К богослужебной редакции Псалтири уже в первые века нашей эры были присоединены так называемые “пророческие песни” — отдельные отрывки из других произведений библейского канона, которые по содержанию и стилю близки к псалмам.

Эти 9 библейских песен впоследствии послужили основой при развитии византийской гимнологии. По мотивам каждой из песен были сложены в VII—X вв. каноны как один из самых распространенных типов гимнологической литературы.^[5]

В качестве первой библейской песни была присоединена к Псалтири глава 15 книги Исход (стихи 1—20, “Песнь Моисея при переходе через Чермное море”); вторую песнь образовала глава 33 из книги Второзаконие (отметим, что эта песнь, имеющая особенно печальный характер, полагалась к исполнению лишь во время великого поста, раз в неделю по вторникам); третья представляет собою вторую главу из Первой книги Царств (молитва Анны, матери пророка Самуила); четвертая песнь—глава 3 из книги Аввакума (в рукописях Кумрана эта глава фигурирует еще как особое произведение, вне связи с текстом книги Аввакума); песнь пятая заимствована из книги Исаяи (гл. 26, ст. 9—19); шестая—из книги пророка Ионы (гл. 2); седьмая и восьмая песни взяты из книги Даниила (гл. 3, ст. 26—35 и 53—88, составляющие так называемые

“Песни отцев и песни трех отроков”, существовавшие только в греческом тексте Семидесяти); наконец, песнь девятая была извлечена из новозаветной книги евангелия от Луки (гл. 1, ст. 46—55—“Песнь богоматери”, ст. 68—75 — “Песнь Захарии, отца Иоанна Предтечи”). Библейские песни стали необходимой принадлежностью всех списков Псалтири следованной. Кроме того, в состав этой разновидности Псалтири включены еще чинопоследования основных дневных служб, объединяемых общим обозначением “Часослов”, или “Часовник”. Замыкаются списки Псалтири следованной краткими месяцесловами — календарями, указывавшими дни памяти святых.

Списки толковой Псалтири аналогичны составу толковых Пророчеств. Эти книги не использовались для богослужения, а употреблялись для справок или для домашнего чтения. К текстам толковой Псалтири издавна стали присоединять списки малопонятных иноязычных слов и собственных имен с этимологическими пояснениями. Так постепенно сложилась одна из ветвей русской средневековой лексикографии.^[6]

Наконец, на византийской и на русской почве развился еще один тип псалтирных текстов — это так называемая Псалтирь гадательная. Рукописями Псалтири пользовались при гадании: желая узнать судьбу, открывали наугад книгу и читали открывшуюся страницу, толкуя ее слова, как символы. В подобного рода текстах гадательные приписки либо помещались внизу или сбоку, на полях, либо добавлялись в форме специальных толковательных примечаний. В связи с тем, что церковь рассматривала такое гадание как грех и ересь, гадательные приписки на полях рукописей нередко зачеркивались или стирались. И если на полях рукописи обнаруживаются следы подчисток, то весьма вероятно, что она служила первоначально для гадания. Например, рукопись так называемой “Типографской псалтири” XIII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 27) содержит на полях гадательные приписки.^[7] Приведем также образец дополнительной гадательной статьи по рукописи ГБЛ (собр. Пискарева № 156, начало XV в.): “Псалом 1. Сказание челоуѣче. Спасъ вседержитель въсяде и бѣден и нищъ. Таково твое, челоуѣче, орудие: о чем ты, челоуѣче, мыслиши, и то все твое помышление скоро збудется”.^[8]

Древнеславянские списки различных типов псалтирей дошли до нас уже от XI в. Старейший глаголический список, Синайская псалтирь, переписан в XI в. в Болгарии и хранится в монастыре св. Екатерины на Синайском полуострове. Он опубликован С. Северьяновым в 1922 г.^[9]

В “Предварительном списке” зарегистрировано 68 рукописей, цельных или сохранившихся в отрывках, с текстами различных типов Псалтири. Назовем некоторые из них. К XI в. восходят такие толковые псалтири, как Чудовская (ГИМ, Чуд. № 7, 1,76 листов пергамена, с толкованиями Феодорита Киррского),^[10] Евгенийевская, части которой хранятся в Ленинграде (ГПБ, Погод. № 9—20 листов пергамена и БАН 4. 5.7—2 листа);^[11] Толстовская псалтирь датируется XI—XII вв. (ГПБ, F п. 1, 23, текст с толкованиями Афанасия Александрийского на 270 листах пергамена и на 1 бумажном). К XII в. восходит также рукопись Погодинской толковой псалтири (ГПБ, Погод. № 8, список болгарский на 279 пергаменных листах).

Одна из древнейших рукописей следованной Псалтири датируется концом XIV — началом XV в. Этот список получил название “Псалтири митрополита Киприана” по имени известного церковного деятеля того времени. Список болгарский, содержит 410 бумажных листов и находится сейчас в ГБЛ (Собр. МДА, ф. № 142). Рукопись снабжена иллюстрациями-миниатюрами. Отметим еще замечательную рукопись Псалтири с миниатюрами, датируемую 1397 г. и происходящую из Киева.^[12] Из числа списков гадательной Псалтири, кроме названных выше, укажем еще русский список в ГПБ (Соф. № 60, 236 листов пергамена, XIV в.).

Число списков различных типов Псалтири, относимых к XV—XVI вв. и к более позднему времени, едва ли поддается точному учету. Они имеются в любом собрании древнерусских рукописей и представлены в каждом хранилище. Скажем еще о том, что в первой половине XVI в. в Москве был сделан новый перевод с греческого языка толковой Псалтири Максимом Греком (Триволисом).^[13]

---

^[1] Срезневский В. И. Древнеславянский перевод Псалтири Спб., 1874.

^[2] См.: Тексты Кумрана, с. 45.

^[3] См.: Арциховский А., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 28, грамота № 207.

^[4] Цит. по кн.: Переписка кн. Андрея Курбского с царем Иоанном Грозным. Изд. Археографич. комиссии. Спб., 1914, с. 13—14.

[5] О канонах как о жанре византийской гимнологии см.: Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРА, т. XXVII. М.—Л., 1972, с. 120-149.

[6] См.: Ковтун А. С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963, с. 162—209.

[7] См.: Истрин В.М.К вопросу о гадательных псалтирях. Одесса, 1901, с. 11 и сл.

[8] Там же, с. 33. — О гадательных псалтирях см. также: Сперанский М. Н. Гадания по псалтири. СПб., 1899.

[9] Синайская псалтирь, глаголический памятник XI века. Подготовил к печати Сергей Северьянов. Пг., 1922.

[10] Издано: Погорелов В. 1) Чудовская псалтирь XI в. СПб., 1910; 2) Толкования Феодорита Киррского на Псалтирь в древнеболгарском переводе. Рассмотрение списков и исследование особенностей псалтырного текста. Варшава, 1910.

[11] См.: Гринков а Н. П. Евгеньевская Псалтырь как памятник русской письменности XI века. — ИОРЯС, 1924, т. XXIX, с. 239—306; Евгеньевская псалтирь. -, Dissertations Slavicae, VIII. Szeged, 1973.

[12] Розов Н. Н. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтири.— ТОДРА, т. XXII. М.-Л., 1966, с. 65—82.

[13] См.: Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Л.. “Наука”, 1968, с. 40—44.

§ 4. Переводы библейских книг с древнееврейского языка. В заключение главы упомянем о тех древнеславянских переводах ветхозаветных книг, источником для которых послужили не Септуагинта или Вульгата, а древнееврейский текст масоретской редакции Библии. Как уже сказано (см. гл. 1, § 4), к переводам этого рода относится прежде всего перевод книги Есфирь. О еврейском оригинале говорят такие семитизмы текста, как “по руцѣ Егаевѣ” — через Егая, при его посредстве, “задѣти руцѣ” — совершить покушение, а также транслитерация имен и ошибки, вызванные неверным пониманием еврейской лексики. О древности перевода, выполненного в Киевскую эпоху (XII—XIII вв.), говорят сложная рукописная традиция, грамматический строй текста и — в известной мере — характерные восточнославянизмы (*полонити, росполон* и др.), легче проникавшие в более ранние памятники.¹¹

Кроме книги Есфирь, никогда не употреблявшейся в церкви за богослужением и представлявшей для читателей чисто

беллетристический интерес, к древнееврейскому оригиналу может быть возведен (по-видимому, более поздний) перевод книги Даниила, отличающийся и от паремийного, и от текста толковых Пророчеств, и от хронографической редакции. Этот перевод был в свое время детально исследован И. Е. Евсеевым, обосновавшим и соответствие его древнееврейскому оригиналу, и датировку второй половиной XV в.^[2]

---

^[1] Это позволяет не согласиться с мнением А. В. Горского и И. Е. Евсева, относивших перевод к эпохе "жидовствующих". См.: Мещерский Н.А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода. — Учен. зап. Карело-финского пединститута, 1956, т. 2, вып. 1, с. 196—219.

^[2] Евсеев И. Е. Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI века. М., 1902.

Глава третья

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЫ НОВОЗАВЕТНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. Общие сведения об источнике переводов. Новый завет составляет вторую главную часть единого свода Библии. В количественном отношении — это его меньшая часть (около 1/4 всего объема). Однако по числу отдельных памятников Новый завет превосходит ветхозаветную часть Библии—в нем выделяется 27 независимых произведений.

Сам термин "Новый завет" восходит к аналогичному названию "Ветхий завет" и противостоит ему. Словосочетание "Новый завет" читается в ветхозаветной книге пророка Иеремии (гл. 31, ст. 31—34). Использовали его и члены кумранской общины, они называли себя сынами "Нового союза" (завета), противопоставляя свою общину традициям Ветхого завета. Раннее христианство адаптировало этот термин и сделало его символом своего учения.

27 отдельных произведений новозаветного канона подразделяются на четыре части. Первая из них—евангелия (см.

ниже, с. 51—53). Евангелий четыре, и надписаны они именами своих создателей — евангелистов: от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна. В греческом здесь употреблен предлог *κατά*, который точнее было бы перевести современным русским предлогом *по*: *евангелие по Матфею, по Марку* и т. д.

Второй раздел Нового завета представлен лишь одной книгой — это книга Деяний апостолов. Третий раздел включает в себя 21 апостольское послание, 7 из них называют “Соборными посланиями”, так как они направлены не к какому-либо одному лицу, но обращены ко всей церкви; остальные 14 надписаны именем апостола Павла и содержат точное обозначение адресата: к римлянам, к коринфянам, к галатам, к Тимофею, к Титу, к Филимону и т. д. Четвертый раздел Нового завета также представлен лишь одним произведением — Апокалипсисом (или Откровением) апостола Иоанна.

По сравнению с Ветхим заветом, который создавался в течение почти целого тысячелетия, Новый завет был создан в относительно короткий срок — за время около полустолетия в середине и во второй половине I в. н. э. Это было время бурных событий мировой истории, время глубокого кризиса античного рабовладельческого общества. Произведения, объединенные впоследствии в новозаветный канон, отразили общественный кризис. Ф. Энгельс, датирующий в своих работах (соглашаясь с Фердинандом Бенари) появление Апокалипсиса Иоанна Богослова 69 г. н. э., подчеркивает кризисное состояние рассматриваемой эпохи.¹⁴ Однако надо учесть еще одно важное обстоятельство. 69 г. был не просто временем кризиса, но и временем, когда достигло расцвета национальное самосознание еврейского народа, когда восстание иудеев против римских рабовладельцев дошло до наивысшей точки своего подъема. Книга Откровения создавалась тогда, когда готовился окончательный штурм римлянами иерусалимских твердынь. Мятельный противоримский дух Откровения, в котором запечатлены мечты угнетенных о торжестве тысячелетнего царства Правды, соответствует настроениям и переживаниям народных слоев в это полное тревоги время.

В исторических и филологических трудах, издававшихся у нас несколько десятилетий тому назад, было распространено мнение о том, что новозаветные произведения возникли позднее, только во II—III столетии н. э. Вслед за Бруно Бауэром некоторые авторы склонны были доказывать, что первоначальное христианство

создалось и организовалось как церковь не в Палестине, согласно утверждению традиции, а далеко от нее: в Риме, в Египте, в Малой Азии — и спустя полтора-два века после изображаемых в Новом завете событий. Высказывалось мнение, что Новый завет создавался людьми, не знавшими и не понимавшими того, о чем они рассказывали в своем увлечении мифотворчеством.^[2]

Ныне точка зрения историков изменилась, и одной из причин этого изменения оказались открытия археологов в районе Мертвого моря. Рукописи Кумрана показали, что они и новозаветные произведения — это документы одной и той же или близкой эпохи и общественной среды. Новый завет начал создаваться там же, где и рукописи Кумрана, т. е. в Палестине, и не позднее I в. н. э. В 1969 г. вышла в свет книга М. М. Кубланова, посвященная историческому приурочению Нового завета.^[3]

Автор близок к принятию основных традиционных датировок, признает историческую основу этих повествований.

Сравнение памятников Кумрана с Новым заветом идет по линии не только сопоставления, но и противопоставления друг другу. И последнее весьма поучительно. Наиболее отдаленные от начала нашей эры в хронологическом отношении новозаветные произведения — евангелие от Иоанна и Послание к евреям — оказываются в наибольшей степени “кумранскими”, наиболее близкими по своей фразеологии и семантике к памятникам Мертвого моря. Если даже поздние произведения Нового завета так тесно примыкают к кумранским, то тем более это касается ранних.^[4]

Появление Нового завета относится, как уже сказано, к кризисному периоду Римской империи. Именно в Палестине сосредоточились с наибольшей остротой все общественные противоречия тогдашней эпохи.^[5] Новозаветные произведения легли в основу складывавшейся в этот период идеологии угнетенных масс, а затем после падения Римского государства способствовали разработке идеологии средневекового общества в бассейне Средиземного моря и в Европе. До наших дней культурное воздействие этого мировоззрения не может быть признано изжитым. Особенно заметно проявляется его культурное наследие в языках народов Европы, в их фразеологии.^[6]

Новозаветный канон, т. е. список признанных “подлинными” произведений, сформировался уже к середине II в. н. э. Доказательством является, цитирование новозаветных книг в трудах раннехристианских писателей этого периода (например, у Иринея

Лионского, Поликарпа Смирнского и др.), а также находки отдельных отрывков из общепризнанных канонических текстов в папирусах. Так, например, папирус Райландс (30-е годы II в. н. э.), найденный при раскопках в Верхнем Египте в 30-х годах и хранящийся сейчас в Манчестере, содержит отрывок из общепринятого текста главы 18 евангелия от Иоанна (ст. 32—34).^[7] К концу II в. относится составление в Сирии, в Антиохии, писателем Тацианом так называемого “Диатессарона”, или свода четырех канонических евангелий с расположением текстов по событиям.

Наряду с каноническими произведениями новозаветной письменности в ту же эпоху складывалось немало и других произведений с той же тематикой, близких по языку и стилю к ним, но оказавшихся в конце концов за пределами канона. Эти произведения стали рассматривать как апокрифические, их признавали ложными и “отреченными”. К таким относится, например, произведение, известное под заглавием *λόγια Ἰησοῦ* (Речения Иисуса), найденное еще в начале нынешнего века среди папирусных отрывков в Египте; евангелие Фомы, обнаруженное в коптском переводе III в.; евангелие Иакова, евангелие евреев, евангелие Никодима, Послание к лаодикийцам, различные Апокалипсисы и т. п. Уже во II в., несомненно, отделяли произведения канонические от апокрифов и противопоставляли первые последним. Деятели раннего христианства стремились выбрать из многих произведений именно такие, в которых с наибольшей определенностью и ясностью и вместе с тем в наиболее доступной языковой форме излагались идеи их учения.^[8]

Новый завет выражал идеологию масс, поэтому язык новозаветных произведений лишен изысканности и вычурности, преобладавших в литературе позднего эллинизма. В языке Нового завета—общегреческом (койнэ)—преобладают слова и синтаксические построения, наиболее близкие к тогдашней разговорной речи демократических слоев населения на востоке Римской империи, знавших греческий, но не владевших им в его изысканных формах. Язык евангелий—это разговорная речь низших классов.

Новозаветный канон включает в себя четыре евангелия. Первое из них—евангелие от Матфея—традиция признает первоначально написанным на арамейском языке;^[9] но уже очень скоро оно было переведено на греческий. Однако и в греческом тексте сохранилось немало число семитизмов. Остальные евангелия с самого начала

писались по-гречески. Впрочем, и в их языке встречаются семитизмы, отражающие двуязычие их авторов. После находок Кумрана это двуязычие стало особенно ощутимо и легко объяснимо.

Канонические евангелия принято подразделять на две группы. Первая группа — это евангелия синоптические (буквально — “смотрящие в одну точку”): евангелие от Матфея, от Марка, от Луки. Четвертое — евангелие от Иоанна — отличается от них и по содержанию, и по стилю, и по времени создания. Оно, несомненно, написано позднее других: вероятно, около рубежа I и II столетий. Синоптические евангелия повторяют и дополняют друг друга. В них жизненный путь Иисуса Христа изображается в основном в одних и тех же хронологических и географических рамках: его проповедническая деятельность ограничивается главным образом Галилеей и укладывается в один год. Авторы этих трех евангелий как бы смотрят на Иисуса Христа с одной точки зрения и отличаются друг от друга лишь в передаче подробностей. Образ Иисуса Христа в них воспроизводится тождественно. Синоптические евангелия по своей жанровой принадлежности примыкают к так называемым “народным книгам” (немецкое — *Volksbuch*) — сборникам рассказов и поучений: рассказы о жизни Иисуса Христа, о совершаемых им чудесах и исцелениях перемежаются с изложением его учения и притчами. Апологи (притчи) как жанр распространены во многих литературах Востока. Притчи на древнееврейском — это краткие тематически самодовлеющие афоризмы (см. ветхозаветную книгу Притчей). В Евангелии это сюжетные повести, мораль которых часто не высказывается прямо, в чем можно видеть обновление формы. Кроме того, в текст евангелий входят и несомненно стихотворные отрывки: песнь Богородицы, молитва Захарии — отца Иоанна Предтечи (от Луки, гл. 1), так называемые “Заповеди блаженства” (от Матфея, гл. 5), и др.

Евангелие от Иоанна значительно отличается от других прежде всего особым подходом к событиям. Это не столько рассказ, сколько философская поэма в духе и стиле произведений Филона Александрийского (философа I в. н. э.). Начинается поэма вдохновенным изложением учения о Логосе (предвечном разуме). Своим началом оно возвращает читателя к ветхозаветной книге Бытия, открываясь теми же словами: “В начале. . .”. В трактовке образа Иисуса Христа здесь имеются отличия от того, что дается в синоптических евангелиях. Такому расхождению в обрисовке образа главного персонажа есть известная и поучительная для исследователя

аналогия в античной литературе: повествование о Сократе его учеников—Платона и Ксенофонта. Сам афинский философ, как позже Иисус Христос, ничего не писал, его жизнь и учение стали известны благодаря трудам его учеников. И между изложением Платона и изложением Ксенофонта замечается большое и местами существенное различие. Продолжая аналогию, можно сказать, что трактовка образа Сократа у Платона сопоставима с изображением Иисуса Христа в евангелии от Иоанна, трактовке же Ксенофонта больше соответствует по своему характеру изложению “синоптиков”.

Образ Христа-Мессии, каким он предстает в евангелиях, в своих существенных чертах сложился еще в предшествующую образованию христианства эпоху. Образ этот двоился в дохристианской традиции: с одной стороны, помазанник “Мшиха”, наследник царя Давида, торжествующий над всеми врагами еврейского народа и обеспечивающий ему нескончаемое царство правды, но с другой— это Мессия страдающий, “слуга Господень”, предающий себя на мучение и гибель за народ. Последняя трактовка намечена уже в книге Исаяи. К периоду образования христианства целая серия ветхозаветных текстов истолковывалась в мессианском смысле, в результате чего и складывался этот внутренне противоречивый образ Мессии (страдающего и торжествующего). В евангельском образе Иисуса Христа мы видим наложение такого традиционного представления на живую личность. Главный смысл раннехристианской проповеди: “Он, распятый вами, и есть тот, которого вы, иудеи, ждали и ждете”.

Характерен и сам термин “евангелие”. Этим словом (буквально— доброе известие, благая весть) обозначалось в Римской империи извещение населения о воцарении нового императора. Именно так в “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия народу сообщается о восшествии на престол императора Веспасиана в 69 г. н. э. (“История Иудейской войны”, кн. IV, гл. X, § 6). Термин государственной жизни был адаптирован христианством и стал заглавием новозаветных произведений, как бы возвещавших народу о начале нового царствования.

Вторая и третья части новозаветного канона в византийско-славянской традиции объединились под названием “Апостол”. Это обобщающее название охватывает как Деяния, так и Послания апостолов. Наконец, совсем отдельно стоит последняя книга в новозаветном каноне—Апокалипсис (Откровение) Иоанна Богослова. Это произведение последним по времени было внесено в

канон, и то лишь после долгих споров; оно нигде и никогда не читалось в церкви, а распространялось среди читателей лишь в сопровождении толкований.

Несколько слов о содержании и стиле книги Апостол. Первая ее часть—Деяния—стоит особо среди новозаветных произведений. В первых главах книги рассказывается о проповеди апостола Петра и о деятельности первоначальной христианской общины в пределах Палестины. Начиная с 9-й главы повествование переключается на обращение Савла из гонителя в ревностного распространителя христианства—апостола Павла, на его проповедь и миссионерские путешествия. Часть глав сохраняет форму дневникового изложения от первого лица. Завершается все сообщением о прибытии Павла в Рим по вызову на суд императора Нерона. На этом повествование обрывается. По всей вероятности, Деяния представляют собой собрание разновременных записей. Есть основания думать, что они были выполнены тем же автором, который написал третье евангелие,—Лукою. Предисловия к нему и к Деяниям свидетельствуют о том, что произведения были написаны одним и тем же лицом. Характерно и наименование общего адресата — Феофил (возможно, кстати, что это нарицательное обращение к читателю — “боголюбцу”).

Во второй части Апостола—Посланиях—находим характерные черты эпистолярного этикета: в начале приветствия адресату, в заключительной части — поклоны с перечислением лиц, которым они передаются. Внутри этой эпистолярной формы находим и богословские трактаты, и моральные наставления, и отдельные автобиографические воспоминания, например, в Послании к галатам (гл. 1 и 2). Входят в текст посланий и поэтические отступления, например, гимн Любви в гл. 13 Первого послания к коринфянам или песнь о “послушливости” сына божия во второй главе Послания к филиппийцам, и др. Во Втором послании к коринфянам рисуется внутреннее состояние ранних христианских общин.^[10]

Текстология произведений Нового завета начала развиваться уже в XVI в. и достигла большой изощренности. Если текстологию большинства произведений античности можно сравнить с работой кузнеца, то текстологию Нового завета — с трудом мастера-ювелира, оттачивающего каждую деталь. Исследовано каждое слово текста, и все же остается много неясностей, число которых неуклонно возрастает по мере накопления новых находок и открытий.

Например, часть 16-й главы в евангелии от Марка, со стиха 9-го по 20-й бесспорно признавалась присоединенной впоследствии. Эти стихи отсутствуют в ряде древнейших кодексов. Между тем без них глава и книга в целом воспринимаются как незавершенные: мирноносицы в страхе идут от опустевшего гроба Иисуса и ничего никому не говорят (ст. 8). Но в содержании ст. 9—20, признаваемых позднейшим добавлением, есть подробности, помогающие уточнить датировку этого отрывка. В ст. 18 в уста воскресшего Христа, беседующего с апостолами, вложена фраза: “...и если выпьют ядовитое—это не повредит им”. А в произведении Папия Иерапольского, одного из раннехристианских авторов II в., сообщается о том, что апостол Иуст-Варсава выпил чашу с ядом и остался жив. Папий опирался на Евангелие. Значит, ст. 9—20 существовали уже во II в., так как упоминания о питье яда нет ни в одном другом месте Нового Завета.^[11] Таким образом, прежде ясное суждение о датировке текста, оказывается неясным в свете новых исследований.

Другой пример—“Заповеди блаженства” из так называемой Нагорной проповеди Иисуса Христа. В евангелии от Матфея эти заповеди начинаются словами *блаженны нищие духом*, а в греческом тексте евангелия от Луки (гл. 6, ст. 20) при прилагательном *нищие* отсутствует зависимое существительное *духом*, как и далее при прилагательном *алчущие* нет зависимого существительного *правды*, читаемого в евангелии от Матфея. Поэтому предполагалось, что текст евангелия от Матфея сложен позднее: перенос высказывания в морально-отвлеченный план (*алчущие* и *жаждущие правды*.) мыслится как результат проникновения в раннехристианские общины богатых рабовладельцев, которые заняли там господствующее положение, в связи с чем будто бы постепенно притуплялась социальная заостренность направленной к народным массам Нагорной проповеди. Однако найденные в Кумране материалы показали, что для кумранской общины именно сочетание *нищие духом* (смиренные) было широко употребительным и характеризовало идеологическую направленность общины. Таким образом, первичной оказывается формулировка, которая читается в евангелии от Матфея.^[12] Подобного рода экскурсы могут быть продолжены.

^[11] Энгельс Ф. 1) Книга Откровения.—Маркс К. и Энгельс Ф. Ст. т. 2), с. 7—13; 2) К истории первоначального христианства.—Там же, т. 22, с. 467—492; 3) Бруно Бауэр и первоначальное христианство.—Там же, т. 19, с. 306—314.

^[12] Вишпер Р. Ю. 1) Возникновение христианской литературы. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1946; 2) Рим и раннее христианство. М., Изд-во АН СССР, 1954.

^[13] Кубланов М. М. Новый завет. Поиски и находки. М., “Наука”, 1969.

^[14] См.: Амусин И. Д. Рукописи Мертвого моря. М., Изд-во АН СССР, 1960, с. 217—258.

^[15] См.: Пигулевская Н. В. Из истории социальных и религиозных движений в Палестине в римскую эпоху.—В кн.; Пигулевская Н. В. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., “Наука”, 1976, с. 94—109.

^[16] См. об этом: Успенский Б. А. Влияние языка на религиозное сознание. — Учен. зап. Тартуского ун-та, 1969, вып. 236, с. 159—168; Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848.

^[17] Кубланов М. М. Новый завет.. ., с. 85.

^[18] См.: Жебелев С. А. Евангелия канонические и апокрифические. Пг., 1919.

^[19] В “Церковной истории” Евсевия Кесарийского, написанной около 325 г. (кн. III, гл. 39, § 292—цит. по изданию: Eusebius Kirchengeschichte, herausgegeben von Eduard Schwarz (kleine Ausgabe). Leipzig, 1955, S. 122), сообщается, что евангелие от Матфея первоначально “написано на еврейском диалекте”. Однако следует иметь в виду, что в то время практически не различали древнееврейский и арамейский языки. По-видимому, оно было написано все же по-арамейски. Об этом свидетельствуют отдельные речения, вложенные в уста Иисуса Христа: “талифа, куми” (девица, встань!), “этпатах” (откройся!) и др. Очевидно, текст Евангелия сохранил эти высказывания, запомнившиеся в оригинале и закрепленные в устном бытовании рассказов об Иисусе.

^[10] Ф. Энгельс сопоставляет состояние ранних христианских общин с первоначальными рабочими союзами в XIX в.: много было неурядиц в ранней христианской общине — “членские взносы не поступали”. См.: Энгельс Ф. К истории первоначального христианства.—Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 469.

^[11] См.: Eusebius. Kirchengeschichte, S. 121 (Евсевий Кесарийский. Церковная история, кн. III, гл. 39, § 289).

^[12] См.: Амусин И. Д. К определению идеологической принадлежности кумранской общины.—“Вестник древней истории”, 1961, № 1, с. 3—22.

§ 2. История древнеславянских переводов Нового завета. Почти сразу же после формирования новозаветного канона появляются переводы его произведений на другие языки, что явилось следствием широкого распространения первоначального христианства.

Уже во II в. был осуществлен перевод Нового завета на латинский язык; приблизительно тогда же появился и сирийский перевод (по-видимому, сначала перевели Диатессарон). К III в. существовал перевод на коптский язык. Затем создаются переводы на армянский, готский, грузинский и другие языки народов Востока и Запада. К началу средневековья достаточно широкий круг народов получил возможность читать Новый завет на своем языке. К тому времени, когда делался перевод на славянский язык, в византийской практике сложились определенные прогрессивные принципы переводческого дела. Есть основание полагать, что Константин (Кирилл) и Мефодий были знакомы с предшествующими переводами, во всяком случае, они знали латинский, сирийский и коптский переводы.

Со времен первоначального христианства новозаветные тексты стали неотъемлемой частью литургии. Подобно тому как в иудейском синагогальном богослужении обязательно было чтение отрывков из ветхозаветных книг Библии, так и при христианском богослужении стали читаться части Евангелия и апостольских Деяний или Посланий. Для чтения подбирались места, подходившие по содержанию и смыслу к отмечаемой в данный день памяти. Так уже к III—IV вв. сложилось то, что в последующее время в византийско-славянской практике получило название “столпа евангельских чтений”. Создался тип евангельских и апостольских текстов, расположенных не по отдельным произведениям и главам, а в порядке следования церковных чтений, так называемых “зачал”. Такой тип книги получил название “лекционариев”, или “евангелариев”, а у греков и славян стал называться “апракос” (от греч. ἀπρακτος - недельный). Обозначение “апракос” соединялось как с Евангелием, так и с Апостолом. Приурочение тех или иных мест новозаветных произведений к определенным дням в практике различных “поместных” церквей установилось не сразу; окончательно состав и порядок апракосов сложился лишь к XIV—XV вв. Наряду с

апракосным типом новозаветных текстов использовался и иной тип, при котором евангелия и другие произведения располагались в хронологической последовательности, в порядке их глав. Этот тип получил (в применении к Евангелию) наименование “тетра” (евангелие-тетр, или тетроевангелие, четвероевангелие), так как все четыре евангелия следовали в такой книге одно за другим. По аналогии с Евангелием “тетрами” стали называть и списки Апостола, расположенные в порядке глав составляющих их произведений. В противоположность апракосам тетры не предназначались для литургического чтения в церкви, а служили книгой для домашнего чтения, поэтому такие списки иногда называют еще и “четырьмя”.

Евангелие, как наиболее ценная и почитаемая книга христианской религии, стало не только использоваться при совершении культовых обрядов, но и сделалось предметом религиозного почитания в качестве материального объекта. Так называемые “напрестольные” евангелия роскошно украшались и оформлялись, помещались в главной части церкви, в алтаре, на престоле в ряду других “священных” предметов. Такие евангелия, подобно иконам, заключались в золотые и серебряные оклады, выложенные драгоценными камнями и художественной инкрустацией. Образцом может служить роскошный оклад так называемого Мстиславова евангелия, изукрашенный золотом, серебром и камнями в Константинополе, куда эту книгу по окончании ее переписки специально возил по поручению князя Мстислава, сына Владимира Мономаха, после 1117 г. княжеский тиун Наслав.^[1]

Когда же именно мог быть сделан перевод Евангелия и других новозаветных текстов на древнеславянский язык? Несомненно, это произошло в самые первые годы развития славянской письменности. Возможно, что какие-то переводы Евангелия были у славян еще до Константина и Мефодия, ведь славянские поселенцы уже с VI в. массами проникали на территорию Византийской империи, расселяясь там вплоть до Малой Азии и Северной Африки и постепенно христианизируясь. Для них могли выполняться отдельные переводы. Когда же Константином и Мефодием было введено для славян упорядоченное совершение богослужения, без книг, и без Евангелия в частности, оно обойтись не могло. Вопрос заключается лишь в том, какой именно тип евангельского текста был переведен прежде всего и явился первой славянской книгой. На этот вопрос дала ответ в ряде своих работ Л. П. Жуковская.^[2]

Дело в том, что исследование списков евангелий-апракосов, греческих и славянских, позволяет установить внутри этого типа несколько разновидностей. Существуют апракосы полные и краткие. В первых представлены все евангельские чтения на все дни церковного года как в его переменной части, начиная от праздника пасхи до конца великого поста, так и на все “памяти” месяцеслова. Таким древнейшим списком полного апракоса является вышеупомянутое Мстиславово евангелие 1117 г.

Апракос краткий помещает полные тексты евангельских чтений лишь для той части переменного церковного календаря, которая охватывает время от праздника пасхи до праздника пятидесятницы (Троицына дня), в дальнейшем помещаются чтения только на субботние и воскресные дни. В месяцесловных чтениях кратких апракосов имеются отсылки к вышеупомянутым чтениям из переменной части церковного года. Из числа древнейших списков краткого апракоса назовем Ассеманиево евангелие—глаголический список XI в., названный по имени нашедшего его ученого, кардинала Ассемани, хранящийся в Ватиканской библиотеке в Риме. Список неоднократно издавался за рубежом. Лучшим изданием признается публикация, подготовленная чешскими славистами Й. Вайсом и Й. Курцем в Праге (т. I, дающий фототипическое воспроизведение текста, в 1929 г.; т. II, дающий кириллическую транслитерацию, в 1955 г.).^[3] Вторым и самым известным списком краткого славянского апракоса является всемирно известное Остромирово евангелие, древнейшая датированная славянская книга, переписанная в 1056—1057 гг. дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира и хранящаяся ныне в Ленинграде в ГПБ (шифр рукописи F п. 1, 5).^[4]

Естественно было бы предположить, что первой славянской книгой, переведенной с греческого языка Кириллом и Мефодием, мог быть именно краткий тип апракоса-евангелия. Однако наблюдения Л. П. Жуковской показали, что, по всей вероятности, это был даже не краткий апракос, а еще более сокращенный вариант данного типа, названный ею “воскресным апракосом”, в котором помещались евангельские чтения только для воскресных и праздничных дней. Такой состав текста сохранился в нескольких списках, относимых к более позднему времени. Затем уже появляется краткий апракос. Перевод евангелий-тетр был сделан, вероятно, не ранее X в. в Болгарии. При составлении полного апракоса использовался уже готовый перевод тетра.

Как показали наблюдения Л. П. Жуковской, текст евангелия-тетр при его включении в полные списки апракосов подвергался некоторой переделке. Вносились, в частности, в начале каждого чтения особые стандартные формулы, вводившие и предварявшие читаемые отрывки. Начальные формулы были различными в зависимости от содержания и целевой направленности чтения: “въ врѣмѣ оно ...”, если текст чтения повествовательного характера, “рече Господь своимъ ученикомъ.. .” или “...къ пришьдѣшимъ къ нему юдеомъ...”, если текст содержал речи Иисуса Христа.^[5]

Рукописная традиция древнеславянских переводов Евангелия восходит, несомненно, к древнейшей поре письменности и исключительно богато представлена. Только в рукописных хранилищах СССР зарегистрировано свыше 500 списков евангельских текстов, восходящих ко времени не позднее конца XIV в. Что же касается списков XV—XVI вв. и более поздних, то они едва ли поддаются точному учету. Назовем кроме отмеченных выше важнейшие и древнейшие рукописи. Кратким апракосом является так называемая Саввина книга, написанная в значительной части в Болгарии не позднее конца X в. кирилловским письмом. Недостающие листы были переписаны позднее, в XI в. на Руси (хранится в Москве — ЦГАДА, ф. 381, № 14).^[6]

Концом XI в. (1092 г.) датирована рукопись Архангельского евангелия, написанная кириллицей несколькими писцами на Руси (хранится в ГБЛ, ф. 178, № 1666).^[7] Что касается типа текста в этом памятнике, то первая его половина является кратким апракосом, относительно же второй до сих пор ведутся споры: представляет ли она полный апракос или, может быть, сложилась в результате независимой от полного апракоса нарочитой выборки текстов чтений из списков евангелий-тетр.^[8]

К типу полных апракосов причисляются кроме названного выше Мстиславова евангелия 1117 г. близкое к нему по времени и также исследованное Л. П. Жуковской Юрьевское евангелие, датированное 1120—1128 гг. и получившее название по новгородскому Юрьеву монастырю, где прежде находилось. Список русский (хранится в ГИМ, Синод. № 1003).^[9] Из списков русской редакции полных апракосов отметим еще Добрилово евангелие 1163 г., переписанное в Юго-Западной Руси (хранится в ГБЛ, ф. 256, № 103); Сийское евангелие 1340 г. (БАН, собр. Археогр. комиссии, № ЮУ), и др. В Древней Руси именно этот тип евангельских текстов был наиболее распространенным. Из южнославянских списков евангелий-апракосов

полного типа назовем Мирославово евангелие XII в. и Вуканово евангелие XIII в. сербского извода.^[10] Южнославянским, болгарского извода, является Боянское глаголическое евангелие конца XI в. Оно представляет собою палимпсест, т. е. такую пергаменную рукопись, в которой поверх смытого или соскобленного текста нанесен другой. Прочесть Боянское евангелие оказалось возможным только благодаря особой технике фотосъемки.^[11]

Древнейшие списки евангелия-тетр—глаголические, болгарского извода: Зографское евангелие XI в., хранящееся в Ленинграде (ГПБ, шифр—глаг. 1),^[12] и Мариинское евангелие, тоже XI в., хранящееся в Москве (ГБЛ, ф. 87, № 6).^[13] Наиболее древний русский датированный список относится к 1143—1144 гг.—Галицкое тетроевангелие, переписанное в Юго-Западной Руси, в Галицком княжестве.^[14]

Назовем еще русский извод текста Евангелия и Апостола-тетр, писанный, по преданию, Алексием, митрополитом Московским (ум. в 1378 г.). Список хранился в Чудовском монастыре в Кремле, где находится сейчас — неизвестно.^[15]

Укажем также на древнейшие списки Апостола. Болгарский список XI в.—Енинский апостол.^[16] Ко второй половине XII в. относится Христианопольский апостол, хранящийся во Львове; часть рукописи—8 пергаменных листов—в Киеве (Львовский Исторический музей, ркп. № 39, ЦБАН УССР, М. 3/22).^[17] 1307 годом датируется по известной записи, содержащей выписку из “Слова о полку Игореве”, Псковский апостол, хранящийся в Москве (ГИМ, шифр—Синод. № 722).^[18]

Подобно тому как толковались тексты ветхозаветной письменности, с начала христианской эры подвергались объяснениям со стороны церковных авторитетов-экзегетов, “отцов церкви”, и произведения Нового завета. Так постепенно развился третий тип новозаветных текстов — Евангелие и Апостол толковые. аналогичные толковым Пророчествам и толковой Псалтири. Сводка толкований на Евангелие была составлена византийским писателем середины XI в. Феофилактом, архиепископом Болгарии. Он писал по-гречески, и книга его, по-видимому, очень скоро была переведена славянами; ее списки, относящиеся к XIII—XIV вв., встречаются в наших хранилищах.^[19]

Составлялись также и специальные сборники бесед на темы евангельских текстов. Такие сборники назывались “Учительным евангелием”. Древнейший русский список подобного сборника,

составленного болгарским писателем IX—X вв. Константином Преславским (пресвитером), датируется XII в. и хранится в Москве (ГИМ, Синод. № 262).

Списки толкового Апостола появляются у славян также в относительно ранний период. Один из древнейших — Ростовский апостол с толкованиями — датирован 1220 годом. Рукопись частично издана Г. Воскресенским в 1892, 1906 и 1908 гг.^[20]

Что касается Апокалипсиса, замыкающего собою новозаветный канон, то его текст дошел до нас вместе с толкованиями, которые были составлены в VI в. Андреем, епископом Кесарийским. Толковый Апокалипсис, по-видимому, мог быть переведен в начальный период славянской письменности, как полагал А. И. Соболевский, с латинского оригинала в Моравии.^[21]

---

^[1] Запись тиуна -Наслава, рассказывающую о том, что он сделал для украшения книги, см.: Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882, с. 52. Рукопись Мстиславова евангелия хранится в ГИМ (Синод, собр. № 1203).

^[2] Жуковская Л. П. 1) Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием. — В кн.: Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 73—81; 2) Древнерусские пергаменные рукописи как лингвистический источник. Автореф. докт. дис. Л., 1969.

^[3] См.: Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 1 М., Учпедгиз, 1952, с. 70.

^[4] Издание списка: Востоков А.Х. Остромирово евангелие 1056—1057 годов с приложением греч. текста евангелий с грамматическими объяснениями. СПб., 1843. Фотолитографические издания текста выполнены И Савинковым (СПб., 1883 и 1887 гг.).

^[5] 17 См.: Жуковская Л. П. 1) Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников.—В кн.: Исследования по истории русского языка и письменности. М., “Наука”, 1966, с. 44—76; 2) О возможном родстве Юрьевского евангелия и галнцко-вольских полных апракосов XII—XIII вв.—В кн.: Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., “Наука”, 1965, с. 36—141.

^[6] Текст Саввиной книги издан В. Н. Щепкиным: “Памятники старославянского языка”. I, вып. 2. М., 1903.

^[7] Список был издан с помощью трехцветной цинкографии: Архангельское евангелие 1092 г. Издание Публичного и Румянцевского музея. М., 1912.—Издание это настолько точно, воспроизводит рукописный оригинал, что может быть принято за древнюю рукопись.

^[8] 20 См.: Соколова М. А. К истории (русского языка в XI веке.— ИОРЯС, т. XXIX. Л., 1930, с. 75—135; Жуковская Л. П. Новые данные о русской рукописи 1092 г.—В кн.: Источниковедение и история языка. М., “Наука”, 1964, с. 84—119.

^[9] Жуковская Л. П. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников, с. 44—76.

^[10] Врана Ј. Вуканово Јеванђеље. Београд, 1967.

^[11] Добърев И. Глаголическият текст на Боянския палимпсест от края на XI век. София, 1972.

^[12] Издано И. В. Ягичем: *Quatuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis*. Berlin, 1879.

^[13] Издано И. В. Ягичем: *Quatuor evangeliorum versione palaeoslavicae codex Marianus*. Berlin — S.-Petersburg, 1883.

^[14] Издано (кроме частей, написанных позднее): Арх. Амфилохий. Четвероевангелие Галичское 1144 г., исправленное по древним славянским памятникам, согласно греческому подлиннику, с изображениями. Т. I. М., 1882; т. II. М., 1883.

^[15] митр. Леонтий. Новый завет. Труд Алексия митр. М., 1892.

^[16] Мирчев К., Кодов Хр. Енински апостол—старобългарски паметник от XI век. София, 1965.

^[17] См.: Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., “Наука”, 1969, с. 58—59.

^[18] См.: Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., Учпедгиз, 1953, с. 323—324.

^[19] См., например: ГИМ, Барс., № 115, 1348 год.

^[20] Воскресенский Г. А. Древнеславянский апостол. Послания св. апостола Павла по основным спискам четырех редакций рукописного славянского апостольского текста. Вып. 1. Сергиев Посад, 1892; вып. 2, 1906; вып. 3, 1908. См. также: Лихачева О. П. Славяно-русский апостол XI—XIV в.—В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2, ч. II. М., “Наука”, 1976, с. 420—447.

^[21] См.: Соболевский А. И. Церковнославянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900. Список толкового

Апокалипсиса XII—XIII вв. хранится в Ленинграде (БАН, собр. акад. Н. К. Никольского, № 1).

§ 3. Текстологические типы новозаветных текстов. Изучение текста и языка древнеславянских переводов Нового завета было успешно начато еще в XIX в. Отметим громадную работу, проделанную в данном направлении авторами известного “Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки”.^[1] Продолжил эти изыскания Г. А. Воскресенский. Им было проведено, во-первых, детальное текстологическое изучение перевода Евангелия по 180 спискам XI—XVI вв. (правда, он успел охватить своим исследованием лишь перевод евангелия от Марка),^[2] а, во-вторых, текстологическое исследование переводов Посланий апостола Павла.^[3]

В наши дни археографическое, текстологическое и лингвистическое исследование древнеславянского перевода евангельских текстов успешно продолжено Л. П. Жуковской.^[4] В ее работах основное внимание уделяется лексическому варьированию перевода как по различным редакциям текста, так и по отдельным спискам. Наряду с неисчислимым количеством разночтений, орфографических, фонетических и морфологических, списки содержат также немало число разночтений, отражающих отличия в словоупотреблении. На происхождение подобного рода лексических вариантов в евангельских переводах и в других письменных памятниках переводного происхождения существовали различные точки зрения. Согласно одной из них, первоначальные переводчики с большой бережностью относились к лексике греческого оригинала, нередко оставляя ее без перевода: *архитриклин*, *гора Елеонская* и т. п. При дальнейшей обработке перевода в тетрах и в полных апракосах неперевоенную греческую лексику часто заменяли славянскими эквивалентами: *архитриклин* — *старейшина пира*; *гора Елеонская* — *гора Масличная*.

Наблюдения подобного рода можно найти у А. В. Горского и К. И. Невоструева и у других авторов. Множество наблюдений произведено Л. П. Жуковской, обычно связывающей лексическую вариантность текста с его типологией. Так, в русских рукописях полных апракосов, по сравнению с южнославянскими, списками апракосов кратких, встречаются следующие замены:

русские	южнославянские	
на брегоу,	на поморий	(МФ, XIII, 2)
на мори	ноуждъници	(XIII, 12)
бѣдъници	врѣтище	(XI, 21)
власяница	на вѣтвѣхъ, на вѣтви	(XIII, 22)
въ вѣяхъ	въ врѣмя	(XIII, 30)
в годъ	храмъ	(XII, 44)
домъ	ароуги	(XI, 16)
ароужина	дрѣво	(XII, 33—2)
доубъ	отроковици	раза; XIII, 32)
дѣвици		(XIV, 11)

Список подобных разночтений, занимающий в книге Л. П. Жуковской много страниц, можно было бы продолжить.^[5]

Наблюдения Л. П. Жуковской привели исследовательницу к следующим выводам: “Древнеславянские писцы, в том числе и древнерусские, свободно обращались со словарем переписываемых оригиналов и заменяли своими диалектными или лучше усвоенными словами литературного языка лексику даже и богослужебных памятников, к тексту которых, как ошибочно думают, писцы должны были бы относиться с большим пиететом”.^[6]

В течение самых последних лет проблемам языка и стиля древнейших славянских переводов Евангелия в связи с переводческой техникой Кирилла и Мефодия были посвящены две монографии Е. М. Верещагина.^[7] В первой из них показывается, что знаменитые славянские переводчики стремились воспроизвести переводимый греческий оригинал с возможной вероятностью и точностью, следуя при этом принципу так называемого “пословного перевода”. Однако в противоречии с этим положением сам автор далее отмечает, что вернее было бы его назвать принципом перевода словосочетаний по их опорным словам; последние передавались переводчиками с семантической достоверностью и точностью, зависимые же элементы словосочетания подбирались по характеру лексической сочетаемости, и в их подборе сказалось высокое языковое и художественное мастерство Кирилла и Мефодия.

Вторая монография Е. М. Верещагина ставит задачу выяснить и объяснить происхождение многих лексических вариантов, которые обнаруживаются во всех древнейших списках славянских переводов Евангелия. В них греческое слово иногда оставляется без перевода, а

тут же рядом, через несколько стихов, ему находится славянское соответствие. Нередки случаи, когда одному и тому же греческому слову в одном и том же тексте отвечают различные славянские слова или словосочетания. Так, например, в евангелии от Луки (гл. 1, ст. 5) по Мариинскому списку читается “отъ ефимѢрия Авиеня”, а через три стиха это же греческое слово переводится “въ чину чрѢды своя”.

В тексте евангелия от Матфея (гл. 17, ст. 25) в списках Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом греческое слово *κηνσον* оставлено без перевода — “отъ кыхъ приемлють дани, ли кинсь”, а в списке Саввиной книги на месте грецизма *кинсь* стоит славянское *оброкы*. Казалось бы, перед нами словарный вариант, свойственный только данному списку. Однако в евангелии от Матфея (гл. 22, ст. 17) все списки, в том числе и Саввина книга, приводят “достойно ли есть дати кинсь кесареви”.

[8] В отличие от ранее высказывавшихся мнений о том, что в фактах лексического варьирования перевода следует видеть либо указания на бытование списков в различные исторические периоды на различных территориях славянского диалектного ареала, либо словоупотребление разных переводческих школ и редакторов, Е. М. Верещагин выдвигает предположение о том, что источником подобного лексического варьирования мог быть первоначальный авторский текст славянского перевода и что внесение в него лексических разновидностей произошло по почину самих переводчиков, славянских первоучителей Константина и Мефодия, глубоко проникших в синонимику славянских наречий. Это, безусловно, справедливое предположений, однако оно не должно противопоставляться двум другим объяснениям причин лексической вариантности, наблюдаемой в списках евангелий, поскольку 3 способа объяснения относятся к разным случаям лексических замен, а в совокупности направлены на то, чтобы охватить весь материал лексической вариантности. ^[9]

---

[1] Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Ч. I. М., 1855, с. 138—166, 209—261.

[2] Воскресенский Г. А. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакции рукописного славянского евангельского текста из ста восьмидесяти рукописей Евангелия XI—XVI вв. М., 1894.

[3] Воскресенский Г. А. Древнеславянский Апостол. Вып. 1. Послание к римлянам. С разночтениями по 51 рукописи Апостола XII—XIII вв. М., 1892; вып. 2. Послание к коринфянам 1-е. С разночтениями по 57 рукописям XII—XVI вв. М., 1906; вып. 3—5. Послание к коринфянам 2-е, к галатам и к ефессянам. С разночтениями из 56 рукописей Апостола XII—XVI веков. М., 1908. См. также: Воскресенский Г. А. Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до 15 века. Опыт исследования языка и текста славянского перевода Апостола по рукописям XII—XV веков. М., 1879.

[4] Кроме вышеназванных работ см. еще: Жуковская Л. П. 1) Памятники письменности традиционного содержания как исторический источник. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., Изд-во АН СССР, 1963; 2) Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. — В кн.: Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. М., “Наука”, 1968, с. 199—332; 3) Сербские пергаменные евангелия-апракос в книгохранилищах СССР в их связи с инославянскими рукописями.—В кн.: Исследования по сербохорватскому языку. М., “Наука”, 1972, с. 208—239; 4) О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода. — “Вопросы языкознания”, 1972, № 5, с. 62—76; 5) Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., “Наука”, 1976.

[5] Жуковская Л. П. Текстология и язык..., с. 134—203 и сл.

[6] Жуковская Л. П. О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода, с. 73.

[7] Верецагин Е. М. 1) Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., Изд-во МГУ, 1971; 2) Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., Изд-во МГУ, 1972.

[8] Верецагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения..., с. 41.

[9] См.: Алексеев А. А., Мещерский Н. А. [Рец. на кн.:] Новое исследование Кирилло-Мефодиевской проблемы. — “Советское славяноведение”, 1973, № 2, с. 100—103.

§ 4. **Стилистическая характеристика переводов.** Остановимся на стилистической стороне древнейших славянских переводов Евангелия, начав с синтаксических явлений.

Одаренность переводчиков проявилась и в том, что они смогли с полной точностью передать смысл и стиль оригинала, не совершая ни в чем насилия над славянским языком. Сохраняя структуру греческих предложений в целом, они свободно видоизменяли ее в частностях. Так, родительный определительный (или посессивный) греческого текста систематически передается на славянский формами согласованных определений, выраженных относительными или притяжательными прилагательными, например: евангелие от Иоанна гл. 20, ст. 19: διὰ τὸν φόβον τῶν Ἰουδαίων — “за страх иудейскъ” (Остр. ев. л. 10 об.); от Матфея гл. 1, ст. 18: Ἰησοῦ Χριστοῦ ἡ γέννησις — “*Иис христово рожьство” (Остр. ев. л. 247).

Подобное же неполное совпадение синтаксических моделей наблюдается и при передаче греческого родительного независимого при помощи славянского дательного самостоятельного, хотя данная конструкция могла бы быть передана и иным способом. Переводчики обычно не копировали синтаксических моделей оригинала, а создавали аналогичные им по смыслу и функции словосочетания в согласии с духом и силой славянского языка. Так, в греческом оригинале евангелия от Иоанна гл.4, ст. 39 читаем: διὰ τὸν λόγον τῆς γυναικὸς μαρτυροῦσης, чему соответствует в переводе “за слово женѣ, свѣдѣтельствуѣшти” (Остр. ев. л. 32). В данном случае замена греческого родительного принадлежности дательным для сочетания существительного жена с причастием *свѣдѣтельствуѣшти* создает своеобразную смысловую двуплановость перевода, так как в славянском это словосочетание совпадало с оборотом дательного самостоятельного и потому приобрело дополнительные значения времени или даже причины: самаряне поверили слову, в то время как жена свидетельствовала (или даже лучше: потому что жена свидетельствовала).¹¹

Несколько иной семантический оттенок при подобной же замене дательным падежом греческого родительного принадлежности можно наблюдать в тексте евангелия от Луки гл. 10, ст. 36: τὶς τούτων τῶν τριῶν πλησίον δοκεῖ σοι γεγόνεσθαι τοῦ ἐμπροσθέντος εἰς τοὺς ληστὰς — “Къто оубо тѣхъ трии искрнии мнѣти ти ся были въпадъшюмоу въ разбоиники” (Остр. ев. л. 103 об.). В приведенном предложении дательный падеж субстантивированного причастия *въпадъшюмоу*

соответствует греческому родительному и зависит от также субстантивированного прилагательного *искрѣнии*. Тем самым проявляется характерная именно для славянских языков, в том числе и для современного русского просторечия, особенность употребления зависимого имени в дательном при обозначении степени родства, дружбы или других отношений между лицами. Ср. у Пушкина: “—Ты ей знаком?—Я им сосед”.

Укажем еще на следующее соответствие: в греческом языке при подлежащем, выраженном существительным среднего рода во мн. числе, сказуемое ставится в единственном, в славянском тексте в таком же случае—во мн. числе, согласно требованию грамматической правильности. Ср., например, евангелие от Иоанна гл. 1 ст. 3: *πάντα δι αὐτοῦ ἐγένετο* — “тѣмь вьса быша” (Остр. ев. л. 1), и мн. др.

Наконец, обратим внимание на структуру отрицательных предложений. В то время как в оригинале по законам греческого синтаксиса систематически употреблено одиночное отрицание, в славянских текстах уже с начальной поры развития письменности наблюдается сосуществование и борьба между двумя типами передачи отрицания: в одних списках евангелия от Луки гл. 15, ст. 16 мы читаем в полном соответствии с греческим “*ὅτι νικῆτο* дааше [е]моу” (Зогр. ев. л. 190), в других— “и никтоже не даѣше емоу” (Мариинск, ев. л. 93); “никто же не даяше емоу” (Остр. ев. л. 118). И только к середине XVII в. в ходе никоновской правки текста окончательно утверждается вариант с одиночным отрицанием.^[2]

Проанализируем некоторые стилистические черты первоначальных славянских переводов в сравнении с оригиналом. Мы имеем в виду ритмическую организованность текста. Она, как нам кажется, проистекала прежде всего из основного принципа древневосточной поэтической организации речи—из смыслового и синтаксического параллелизма. В произведениях Нового завета эта организованность присутствовала с самого начала. Особенно она давала себя знать в тех местах текста, где явно ощущается взаимодействие книжности с устно-поэтической стихией: при использовании афористических выражений, близких по строю к пословицам, наставлений, выражаемых в афористической форме, и т. п.

Приведем пример из текста Деяний апостолов (гл. 8, ст. 301. Рассказывается о встрече апостола Филиппа с вельможей эфиопской царицы Кандакии. Вельможа, важно восседая на своей колеснице, углубился в чтение книги Исаяи. И апостол обращается к нему с

вопросом: ἄρα γε γινώσκεις ἃ ἀναγινώσκεις? В славянском это передано фразой: “разумѣши ли еже чѣтеши?” В оригинале за явно пословичной формой вопросительной фразы ощущается не только метрически организованная, но и рифмованная речь. В переводе рифмовка не воспроизводится: задача переводчика состояла в том, чтобы наиболее точно передать смысл оригинала. Однако можно заметить параллелизм в построении фразы, сходство морфологических форм. Подобный же пример встречаем и в тексте евангелия от Матфея (гл. 22, ст. 14). В греческом читаем: πολλοὶ γὰρ εἰσὶν κλητοί, ὀλίγοι δὲ ἐκλεκτοί; в славянском по текстам евангелия-тетр находим: “Мънози бо соуть зъвани. Мало же избъранныхъ”. При полном смысловом и синтаксическом параллелизме обоих полустийшей точная рифма, проступающая в оригинале, переводчиком не передана. Возможно, что в данном случае получило преобладание стремление переводчика придать второй половине стиха (с отрицательным предложением) синтаксическую форму, наиболее свойственную славянским языкам (безличная конструкция), тем не менее и здесь следует обратить внимание на экспрессивный параллелизм причастных форм. В этой группе примеров рифмовка, присутствующая в оригинале, в переводе не передана.

В других случаях мы можем наблюдать и обратное соотношение перевода с оригиналом. Мы располагаем более чем 50 примерами из греческого и славянского текстов евангелия от Матфея, в которых параллелизм структуры предложения приводит к непроизвольно возникающей рифмованной концовке полустийшей. Вот иллюстрация из евангелия от Матфея гл. 13, ст. 22:

καὶ ἡ μερίμνα τοῦ αἰῶνος τούτου καὶ ἡ ἀπάτη τοῦ πλοῦτου συμπνίγει τὸν λόγον, καὶ ἄκαρπος γίνεται, славянское соответствие: “и печаль вѣка сего и льсть богатства подавляет слово и бес плода бывает”. В оригинале случайное звуковое совпадение в концах слов и словосочетаний τοῦ αἰῶνος τούτου и τοῦ πλοῦτου; естественно, что такое совпадение не получает отражения в переводе. Однако здесь возникла глагольная морфологическая рифмовка в последней части стиха, на что нет намека в оригинале.

Иногда морфологические и звуковые соответствия оригинала находят более или менее' точное отражение и в переводе. Евангелие от Матфея гл. 11, ст. 17: ἠυλῆσαμεν ὑμῖν, καὶ οὐκ ὠρχήσασθε; ἐθρηνήσαμεν ὑμῖν, καὶ οὐκ ἐκόψασθε. В славянском этому отвечает более или менее точная рифмовка в концах фраз: “пискахомъ вамъ и

не плясаете, плакахомъ вамъ и не рыдаете”. Грамматические формы в переводе не только не препятствуют, но и прямо способствуют передаче рифмовки. Евангелие от Матфея гл. 27, ст. 29: *καὶ πλέξαντες βτέφανον ἐξ ἀκανθῶν, ἐπέθηκαν ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ, καὶ κάλαμον ἐπὶ τὴν δεξιὰν αὐτοῦ*. В славянском: “И съплѣтъше вѣньць от трѣнїа възложиша на главу его, и трѣсть в десницу его”. Здесь в переводе точно передается рифмовка в конечных словосочетаниях. В тексте евангелия от Матфея гл. 21, ст. 35 мы читаем по-гречески: *καὶ λοβόντες οἱ γωργοὶ τοῦς δούλους αὐτοῦ, ὃν μὴν ἔδειραν, ὃν δὲ ἀπέκτειναι, ὃν δὲ ἐλίθοβούλησαν*. В славянском находим: “И емъше дѣлателе рабъ его, ового оубо биша, ового же оубиша, ового же каменїемъ побиша”. В последнем случае переводчик подчеркивает троекратным повтором морфологическую рифмовку, не подсказываемую оригиналом.

В отдельных случаях славянский переводчик добивается больших морфологических и ритмических соответствий между частями текста, вставляя дополнительные слова, отсутствующие в оригинале. Так, в евангелии от Матфея гл. 10, ст. 24 находим: *οὐκ ἔστι μαθητὴς ὑπερ τὸν διδάσχαλον, οὐδὲ δοῦλος ὑπερ τὸν κύριον αὐτοῦ*. В переводе: “Нѣсть оученикъ над оучителя [своего], ниже рабъ над господина своего”. В гл. 9, ст. 7: *καὶ ἐγερθεὶς ἀπήλθεν εἰς τὸν οἶχον αὐτοῦ*. В переводе: “И въставъ [възмъ одръ свои] иде въ домъ свои” (в квадратных скобках даем слова, введенные в перевод и отсутствующие в оригинале). Именно такой способ наиболее ярко отражает общую тенденцию славянских переводчиков к сохранению ритмической организованности текста при переводе.

На русской языковой почве эта тенденция явно усиливается с течением времени, что доказывается, например, текстологической историей евангелия от Матфея гл. 27, ст. 24. В греческом: *Ἰδὼν δὲ ὁ Πλάτος, ὅτι οὐδὲν ὠφελεῖ, ἀλλὰ μᾶλλον θόρυβος γίνεται ...* В славянском по спискам Зогр. и Остр.: “Видѣвъ же Пилатъ яко ничто же оуспѣеть, нѣ паче мѣлва бѣваетъ”; в Мариинском: “Видѣвъ же Пилатъ ѣко ничесоже не оуспѣать. Нѣ паче мѣлва бѣваатъ”. К XVII в. в тексте развивается полная морфологическая рифмовка: “Видѣвъ же яко ничтоже оуспѣваетъ, но паче молва бѣваетъ”. Именно в этой своей зарифмованной обработке евангельский текст приобретает характер “крылатого слова” и широко распространяется как поговорочное выражение. Ср., например, в “Житии протопопа

Аввакума”: “Да так-то я полгода жил, да вижу, яко церковное ничтоже успевае, но паче молва бывает ...”^[1]

Вот глубокие исторические корни той книжной поэзии с ее морфологической рифмовкой, которая распространяется в русской литературе в XVII в.

Что же касается первоначальных славянских переводчиков, то, как показал произведенный анализ, они проявили себя не только выдающимися филологами, знатоками и греческого, и славянского языков, но и видными мастерами слова, одаренными тонким поэтическим слухом.

---

^[1] См.: Мещерский Н. А. О синтаксисе древнеславянских переводных произведений.—В кн.: Теория и критика перевода. Л., Изд-во ЛГУ, 1962, с. 89.

^[2] Там же, с. 88—89.

^[3] Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М ГИХЛ 1960, с. 92.

Глава четвертая

ПЕРЕВОДНЫЕ ХРОНИКИ

§ 1. Общие сведения о византийских хрониках. В предшествующих частях книги мы рассмотрели древнеславянские переводы канонического, традиционного содержания, характерные для всей средневековой церковно-религиозной письменности. В настоящей главе предметом изучения служат переводные произведения относительно “светского” содержания и стиля, не имеющие прямого отношения к религии и церкви. Это прежде всего произведения исторического характера, которые способствовали расширению умственного кругозора средневековых читателей, обогащали их знаниями о прошлых эпохах и помогали установлению идейной и культурной связи прошедшего с настоящим, давали возможность осознать место и значение славянских народов во всемирно-историческом процессе.^[1]

Источником переводной письменности этого рода являлась византийская историография. В византийском литературном на-

следии принято различать два типа историографических трудов. К первому типу относятся собственно исторические, продолжающие античную традицию произведения. Их авторы сознательно следовали древнегреческим классическим образцам, подражая повествованиям таких историков античности, как Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Полибий и др. Византийскими авторами, державшимися названной традиции, были Прокопий Кесарийский (VI в.), Лев Диакон (X в.), Анна Комнина (XII в.), Никита Хониат (XIII в.) и другие (всего около 30 авторов с V по XV вв.),^[2] Произведения этих писателей охватывают относительно короткие хронологические отрезки: например, Анна Комнина в “Алексиаде” касается лишь времени правления своего отца, императора Алексия Комнина (1081—1118); Лев Диакон в 10 книгах “Истории” описывает время с 959 по 975 г.; Никита Хониат повествует о событиях конца XII—начала XIII в., связанных с захватом Константинополя крестоносцами в 1204 г. Освещая сравнительно короткие периоды, авторы собственно исторических произведений углубленно трактуют события, вскрывая причинно-следственные связи между ними, не чуждаясь исторического прагматизма. Язык и стиль этих произведений отличаются изысканностью и отточенностью. Их характер зависит от того, какого именно литературного предшественника избрал автор для подражания — Ксенофонта, Фукидида или Полибия. Стиль таких произведений назывался в Византии “аттическим” и был очень далек от народно-разговорной речи своей современности.

Иной характер носили исторические труды, получившие наименование “хроник”. Этот тип исторического повествования отсутствовал в греко-римской античности и развился в раннехристианский и византийский период, отчасти из подражания “историческим” книгам Библии. Авторы хроник обычно не ограничивали своего рассказа каким-либо узким хронологическим отрезком. Они начинали повествование “от бытия мира”, “от Адама” и продолжали его до дней своей современности, причем они систематически опирались на труды своих предшественников, заимствуя у них материал. Благодаря этому средневековые хроники представляют серьезную источниковедческую ценность, так как во многих из них сохранились следы исчезнувших исторических произведений о предшествующих эпохах.

В хрониках легко заметить признаки религиозного прагматизма, когда общественные бедствия рассматриваются как следствие греховности людей. Это понятно, так как авторы большинства хроник

были монахами и сочинения свои предназначали в качестве руководства по мировой истории для простых читателей. Поэтому и язык хроник отличался простонародностью, ориентируясь на библейские образцы и приближаясь к киннэ, т. е. к языку обычного разговорного общения в Восточно-римской и Византийской империях. Отметим, что вместе с тем хроникам как историческому жанру принадлежит первенство в постановке вопроса о непрерывности и преемственности во всемирно-историческом процессе. Эта идея была целиком чужда античной философии истории. В хрониках же впервые выдвигается мысль об историческом развитии, понятие исторического прогресса.

Переходя к славянской переводной письменности, мы должны прежде всего заметить, что ни одно из произведений первого типа не было переведено славянами. Напротив, хроники представлены в переводной литературе достаточно богато и разнообразно. Чем может быть объяснен столь различный подход славянских переводчиков к историческим жанрам Византии? По мнению И. П. Еремина, болгары в X в. и русские в XI—XII вв. сознательно отказывались от переводов современной им

византийской литературы, оказывая предпочтение раннехристианскому и ранневизантийскому наследию (сочинениям Василия Великого, Иоанна Златоуста и др.). Из числа византийских хроник, по его мнению, были переведены лишь самые ранние: Иоанна Малалы и Георгия Амартола.^[3] Однако мы считаем этот взгляд И. П. Еремина ошибочным и основанным на неполном охвате древнеславянской переводной письменности, в которой можно найти переводы и таких византийских авторов, как Симеон Логофет и Георгий Синкелл. Иногда славянские переводы появлялись буквально “по горячим следам” византийских оригиналов. Так, Устав Студийского монастыря был утвержден в 30-х годах XI в. и уже в 60-х годах был переведен на славянский по поручению Феодосия Печерского.^[4]

Отмечая избирательный интерес славянских переводчиков, заметим, что они переводили прежде всего то, что было наиболее злободневно и отвечало нуждам культурного развития их народов. Поэтому исторические труды, посвященные собственно византийским делам, не представляли для них столь живого интереса, как хроники, которые содержали в себе обзор всемирной истории и давали тем самым возможность славянам определить свое место во всемирно-историческом процессе. Хроники сообщали отдельные сведения и о славянских народах, например, в Хронике Георгия

Амартола есть рассказ о походе киевского князя Игоря в Царьград в 943 г. Религиозно-исторические концепции авторов хроник и особенное внимание с их стороны к вопросам церковной истории и к богословским спорам могли служить пояснением к тем церковным книгам, славянские переводы которых уже существовали. Следует иметь в виду и то, что усвоение славянами собственно исторических произведений Византии затруднялось еще потому, что славяне в Константинополе не имели доступа в ученую и придворную аристократическую среду, для которой предназначали свои труды византийские историки — изысканный и усложненный язык (особенно синтаксис) этих произведений был труден для переводчиков.

---

^[1] Наиболее подробный обзор предмета настоящей главы см.: Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы (домосковского периода). Пг., 1922, с. 84—95; см. также: Veingart M. *Byzantske kroniky v literatuie cirkevnoslovanske. Prehled a rosbor filologicky*. С. I. Bratislava, 1922; С. II, 1923; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., “Наука”, 1975.

^[2] См. о трудах византийских историков в кн.: Удальцов а З. В. Идейно-политическая борьба в ранней Византии. М., “Наука”, 1974.

^[3] Еремин И. П. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах.—В кн.: Еремин И. П. Литература Древней РВСН. М.—Л., “Наука”, 1966, с. 9—18.

^[4] Мещерский Н. А. К вопросу о ранних славяно-византийских связях.—VII Всесоюзная конференция византиноведов (Тезисы). Тбилиси, 1965, с. Ю7—109.

§ 2. Хроника Георгия Амартола.

Рассмотрение древнеславянских переводных хроник мы начинаем с названной (хотя она не была первой по времени появления ее оригинала и перевода), потому что хроника эта являлась наиболее популярной в славянском мире, от нее дошло до нас наибольшее число списков я ей посвящено наибольшее количество научных исследований, изучение которых помогает пролить свет и на другие славянские переводные хроники.

Автор Хроники—Георгий Мних (монах), получивший известность по своему прозвищу Амартол (греч. ἀματόλος грешник),—жил в Византии при правлении императора Михаила III

(842—867). Первоначально изложение событий заканчивалось в его труде 842 годом. Греческое заглавие произведения переводится: “Краткая хроника, собранная и составленная по различным хронографам и толкователям Георгием Грешником”. Содержание Хроники таково: книга I—от Адама, история евреев, Ассирии, Вавилона, Египта, Александра Македонского, амазонок; книга II—библейская история, образование Римской державы; книга III—история Рима от Юлия Цезаря до Константина Великого, история раннего христианства; книга IV — история Византии от Константина Великого до 842 г. Хроника впоследствии была продолжена до 948 г., а в ряде списков и до 1143 г.—труды так называемых “продолжателей Амартола”. В греческой традиции продолжение Хроники приписывалось Симеону Логофету. Продолжения эти особенно интересны благодаря тому, что в них содержатся известия о походах древних киевских князей на Константинополь, вошедшие затем и в “Повесть временных лет”.

При изложении истории императорского Рима Амартол использовал какой-то не дошедший до нашего времени труд предшественника. Изложение византийской истории он заимствует у писавших до него хронистов, в том числе у Иоанна Малалы, не делая ссылок на их труды. Последняя часть Хроники, описывающая царствование императора-иконоборца Феофила, написана Амартолом на основании личного участия в событиях, посвящена эпизодам борьбы с так называемым вторым иконоборчеством, и Георгий весьма энергично отстаивает взгляды защитников иконопочитания. Хроника вообще содержит преимущественно морально-религиозную оценку событий. Характеристика исторических лиц дается по двум моделям: благоверный император или император-еретик. Язык хроники безыскусен, прост, не украшен, приближается (особенно у “продолжателей”) к разговорной речи народа, он представляет немалый интерес в лексическом и в синтаксическом отношении.

Рукописная традиция греческого оригинала Хроники достаточно богата; до нашего времени дошло около 40 списков X—XVI вв., представляющих три редакции: сокращенную (до 842 г.)—основной список этой редакции Коаленевский (Xв.); пространную (до 1143 г.)—список ГИМ (XII в.); третья редакция—средняя (до 948 г.). Греческий текст впервые был издан в 1685 г. в Париже. В 1861 г. греческий текст Хроники издал в Петербурге акад. Э. Муральт по списку XII в.^[1] В 1904 г. в Лейпциге К. де Боор осуществил

критическое издание греческого Амартола по 25 спискам со старейшим Коаленевским в основе.^[2]

Известны два перевода греческой Хроники на славянские языки: первый — “болгарский” (или болгарско-русский), второй — сербский.

Первый перевод в рукописях имеет заглавие “Криница”, иногда же называется “Временник”. Древнейший список этого перевода Тверской (ГБЛ, собр. Троице-Серг. № 100). Рукопись пергаменная, написанная уставом, содержит ценные миниатюры, которые, возможно, восходят к предполагаемому протографу. Палеографически список датируется временем не позднее середины XIV в., может быть отнесен и к концу XIII в. Как отмечают исследователи, рукопись писана двумя почерками, современными друг другу, однако во втором почерке больше “новизны”. Выходная миниатюра на л. 1 рукописи изображает Христа на престоле с “предстоящими”—портретами заказчика списка князя Михаила Ярославича Тверского (1272—1318), получившего ханский ярлык на великое княжение Владимирское в 1306 г., и его матери Ксении. Эта княгиня была правительницей Тверского княжества в годы малолетства сына и скончалась в 1312 г. Обстановка на миниатюре указывает, что в то время, когда изготовлялась рукопись, уже существовал в Твери собор Спаса Златоверхого, освященный в 1292 г. О. И. Подобедова считает, что изображение князя Михаила прижизненное, так как он показан без нимба, а известно, что немедленно после своей мученической смерти в Орде он был канонизирован как святой. Следовательно, вероятная дата изготовления рукописи—между 1292 и 1312 гг.^[3] В этом списке отсутствуют начало и конец Хроники. Он представляет собою первую, наиболее раннюю редакцию перевода.

Вторая редакция болгарско-русского перевода представлена семью рукописями, из которых наиболее интересны Уваровская № 1365 (ГИМ)—1465 г. и Ундольского № 289 (ГБЛ) —XV в. Все 7 списков весьма близки друг к другу и содержат полный текст Хроники, включая “продолжателя” по 948 г. Текст редакции обнаруживает следы языковой правки, произведенной в период второго южнославянского влияния.

Славянский перевод Хроники болгарско-русского извода был капитально исследован В. М. Истриным.^[4] В трех томах своего труда этот ученый поместил славянский текст Хроники по Тверскому (Троицкому) списку с дополнениями и разночтениями по спискам

второй редакции, прежде всего по списку Ундольского; греческий текст “продолжателя” по списку Ватиканской библиотеки № 153 (XII в.); исследование; славяно-греческий и греческо-славянский словоуказатели. История изучения славянского Амартола изложена в труде В. М. Истрина с достаточной обстоятельностью, поэтому мы ее опускаем, останавливаясь лишь на том, что им не было отмечено. В частности, В. М. Истрину осталась неизвестной дипломная работа Н. А. Добролюбова, написанная им при окончании Главного Педагогического института в 1856 г. под руководством акад. И. И. Срезневского.^[5] Труд Добролюбова остался вне поля зрения В. М. Истрина, так как был впервые опубликован лишь в 1934 г. Работа написана Добролюбовым лаконично, но весьма обстоятельно. Она состоит из трех глав. В первой главе освещается “литературная история открытия у нас Хроники Георгия Амартола и обзорные исследования касающихся ее исследований”. Во второй главе даны “замечания о рукописях Георгия Амартола болгарской и сербской редакции”, подробно описываются три из них. Среди рукописей, названных Н. А. Добролюбовым, есть такие, которые сейчас утрачены и не учтены в издании Истрина: рукописи Кирилло-Белозерского монастыря, XV в.; Костромского Богоявленского монастыря, XV в.; Румянцевского музея № 62, XV в. (последняя представляет собой сербский перевод). Добролюбов дает подробное палеографическое и лингвистическое описание Троицкой рукописи, которую он датирует XIV в., обращает внимание на миниатюры, подробно описывает выходную миниатюру. Далее им описаны Уваровский список (“Криница истинная”) № 1456 и список Московской Синодальной библиотеки № 177.

В третьей главе своего труда Добролюбов делает “филологические замечания о языке перевода Амартола”. Эта глава, распадающаяся на два раздела: 1) “Замечания об особенностях и достоинствах перевода в сравнении с подлинником” и 2) “Замечания о грамматических особенностях перевода”, — не утратила и сейчас научного значения, так как показывает, как по немногим деталям можно выявить наиболее характерные черты древнего языкового памятника.

Добролюбов приходит к выводу, что перевод выполнен не греком, а славянином, причем недостаточно хорошо знавшим греческий. Это доказывается случаями, обнаруживающими 1) неправильное понимание греческих слов, 2) незнание греческой мифологии и философии. Первое иллюстрируется примерами таких ошибок: *παράνοια* — беззакония (нужно—безумие); *ὕψινά τα*

σώματα —земная телеса (нужно—здоровые телеса). Второе—следующими примерами: Δημήτηρ (Деметра)—Димитр, Ζεὺς —Зевьс, Зевес, косвенные же падежи Διός приняты за другое имя. См. еще перевод собственного имени Σκύλλα (Сцилла)—псыни; подобное же непонимание обнаруживает переводчик и в именах Тритона, Кентавра.

Добролюбов подчеркивает свободу перевода. Сложные греческие слова передаются нередко сочетаниями двух или даже трех слов, а не одним словом, например: οὐρανομύστης —небесных тайн общник. Часто изменяется в переводе структура греческих предложений. Точнее и ближе к оригиналу, по наблюдениям Добролюбова, переводятся те места Хроники, в которых трактуется библейская тематика или содержатся повествования; места же философские и догматические обычно искажаются, что, правда, могло происходить и по вине позднейших переписчиков (например, учение Платона, спор апостола Петра с Симоном-Волхвом, изложение различных еретических учений). Переводчик нередко ставит рядом заимствованное слово и параллельную ему славянскую кальку: *φιλοσοφία* и *любомудръци*, *φιλόλογοι* и *любословъци*, *ιστοριци* и *образници*, *φισιολογία* и *родословие*. У него обнаруживается стремление переводить те слова, которые позднее вошли в славянские языки в качестве заимствований: ποιῆται (поэты) — *творьци*, χρονογράφοι (хронографы)—*временописьци*, γεωμετρία (геометрия)—*земночьтство*. И все же некоторые слова остаются без перевода, видимо, за неимением славянских соответствий: ἐν χαρτίᾳ —*на хартию*, στοιχεῖον — *стихия*, *стоухии*.

Добролюбов первым обратил внимание на глоссы, вводимые в перевод словом *рекъше*: *φισιολογία* *рекъше* *родословие*; *μακροβίωσις* *рекъше* *долгоживъци*. А в разделе о грамматических особенностях приводится ряд наблюдений над фонетикой и написаниями, на основе которых Добролюбов заключает, что переводчик был болгарин. Здесь же он обращает внимание на характерное употребление падежей (в частности, дательного определительного), замену греческого прилагательного существительным род. или дат. падежа, например: *целбы недоужъные*— *целбы недоуголь*; пристрастие переводчика к отвлеченным существительным на *-ие*. Наконец, как характерная особенность перевода отмечены русские отчества на *-ич*: *Александръ Филиппович* (об Александре Македонском).^[6]

Труд Добролюбова впоследствии был использован И. И. Срезневским.^[7] Выписки из Хроники Георгия Амартола, помещенные в знаменитых “Материалах для словаря древнерусского языка”, сделаны рукою Н. А. Добролюбова.

До исследования Истрина, кратко упоминал о переводе Хроники Амартола акад. А. И. Соболевский: “Одно произведение нам представляется переведенным в Болгарии в симеоновскую эпоху и затем исправленным в России по греческому оригиналу: впрочем, получившийся текст вышел во всех отношениях малоудовлетворительным. Это Хронограф Георгия Амартола, дошедший, между прочим, в списке XIV века и совмещающий в своем словарном материале яркие, южнославянизмы... с яркими русизмами”.^[8]

Исследование перевода Хроники Амартола, помещенное В. М. Истриным во втором томе монографии, содержит: историографический обзор; анализ отклонений славянского перевода от оригинала по различным славянским и греческим спискам, пропусков и дополнений в переводе (отмечается, что дополнения часто имеют характер пояснительных глосс), стилистических и синтаксических особенностей перевода (перечисляются и объясняются глоссы, слова, оставленные без перевода, характеризуются переводы сложных слов оригинала, рассматриваются отдельные явления синтаксиса), словарного материала в сопоставлении со словарями Срезневского и Миклошича (обнаруживается, что значительное число слов славянского перевода не отмечено ни одним словарем); восстановление первоначальных чтений; установление места и времени перевода; различные редакции перевода; указания на использование Хроники в древнерусской литературе. Наибольший научный интерес представляет в исследовании глава 7-я, в которой В. М. Истрин доказывает положение о том, что перевод был выполнен на Руси в XI в. на древнеславянский литературный язык.^[9] В качестве свидетельств доказываемых им положений В. М. Истрин подробно рассматривает следующие явления в языке перевода: 1) полногласие; 2) слова с приставкой *вы-* в соответствии со старославянским префиксом *из-*; 3) написания *мб* ^[1] на месте греческого сочетания букв *μλ*; 4) использование русской формы отчества на *-ичь*; 5) многочисленные глоссы переводчика.

Особенное внимание уделяет В. М. Истрин рассмотрению словарного материала: показательны, с его точки зрения, такие слова,

как *быль* (вельможа), *въдуня*, *грамотица*, *грудити*, *дружина*, *земець*, *кърста* (ящик, гроб), *кубара*, *орь* (конь), *пристроити* (снарядить войско), выражение *пол семы* (в значении 3 1/2) и др. Таких характерных слов в переводе отмечено Истриным около 50. Они широко употребляются в оригинальных русских произведениях XI в. Все эти данные приводят В. М. Истрина к выводу, что переводчик происходил из Киевской Руси. Что же касается явных болгаризмов в переводе, то они могли быть употреблены и русским переводчиком, поскольку были присущи древнеславянскому литературному языку, которым переводчик в совершенстве владел и на который перекладывал греческий оригинал.

Работа В. М. Истрина была встречена рядом критических замечаний. Между 1922 и 1925 гг. были опубликованы критические статьи М. Вейнгарта, Н. Н. Дурново, П. А. Лаврова и В. Розова.^[10] Основные возражения были направлены против признания происхождения перевода русским. Так, П. А. Лавров полагал, что перевод мог быть сделан в Болгарии в X в., но выходцем из Моравии (возможно, одним из учеников Мефодия). Этим, по мнению П. А. Лаврова, могло бы быть объяснено значительное количество слов с приставкой *вы-* в переводе, которая обычна для западославянских языков и может рассматриваться как моравизм. Н. Н. Дурново, соглашаясь с тем, что перевод Хроники был выполнен в Киеве в XI в., выдвинул предположение о том, что в качестве переводчиков участвовали в его создании не только русские книжники, но и болгары, внесшие в текст черты своего языка. Остальные рецензенты также выражали сомнение в безусловно русском происхождении перевода.

В 1930 г., в третьем томе монографии, содержащем словоуказатели, В. М. Истрин напечатал обширное предисловие (с. VI—L), озаглавленное “К вопросу о месте и времени перевода Хроники”, где дал развернутый ответ на все критические замечания, сделанные ему оппонентами. Уточнив ряд частных положений своего труда, он вместе с тем убежденно отстаивает главную мысль о том, что перевод Хроники был осуществлен в Киеве не позже первой половины XI в.

В главе 9-й исследования (т. II, с. 347—408) В. М. Истрин рассматривает памятники древнерусской литературы, связанные с Хроникой Георгия Амартола: Начальную летопись (“Повесть временных лет”),^[11] “Летописец Еллинский и Римский” (как первой, так и второй редакции). Хронограф XIII в., сохранившийся в

Архивском и Виленском списках, так называемый Академический хронограф (в трех списках),^[12] “Александрию” (первой и второй редакции) и, наконец, толковую и историческую палеи.

Наибольший интерес представляют заимствования из Хроники Амартола в Начальной летописи. Таких заимствованных мест в памятнике около 20.^[13] Все выдержки такого рода В. М. Истрин подразделяет на две группы. К первой относится рассуждение летописца по поводу нравов различных народов,^[14] ко второй— рассказы о небесных знамениях (о комете в Иерусалиме при Антиохе, о звезде при Нероне, о комете при Юстиниане, при Маврикии и при Константине, сыне Леона). В этих двух случаях текст славянского перевода Хроники воспроизводится буквально в соответствии с его первой редакцией. Все остальные выдержки опираются на текст Хроники лишь как на один из источников; какие именно источники использовал летописец кроме Амартола, остается пока не установленным. В. М. Истрин предполагал, что наряду с Хроникой Амартола здесь отразился и перевод Хроники Малалы. Вероятным представлялось ему также и то, что данные выдержки восходят к так называемому “Хронографу по великому изложению”— компилятивному памятнику, возникшему на Руси уже в XI в., соединявшему в себе тексты двух хроник (Амартола и Малалы) и не дошедшему до нас.

Еще один памятник, в котором отразился древний перевод Хроники Амартола, — “Летописец Еллинский и Римский”. Это всемирно-исторический свод, сложившийся на русской почве не позднее XIII в. Первая редакция, сохранившаяся в двух списках XV—XVI вв., представляет собою соединение лишь двух Хроник— Амартола и Малалы; вторая редакция, списков которой дошло до нас несколько больше (например, БАН № 33. 8.13, XV в. и ряд других), содержит кроме выдержек из названных хроник и другие тексты, в частности “Александрию” (второй редакции, с многими дополнениями), повесть “О взятии Иерусалиму третья, Титове”, восходящую к переводу еврейской хронографии “Иосиппон”, повесть “О Козарине и о жене его”,^[15] повесть “О взятии Царяграда фрягами” и т. п.^[16] Таким образом, воздействие перевода Хроники Амартола на оригинальную древнерусскую литературу было весьма сильным и длительным.

В заключение выскажем нашу точку зрения на вопрос о месте и времени перевода Хроники Амартола. В свете ряда исследований последних лет выводы В. М. Истрина о переводе Хроники в Киевской

Руси в XI в. нам кажутся все же не до конца убедительными. Во-первых, есть основания полагать, что Хроника Амартола была известна болгарам уже в первой половине X в. и что выдержки из нее имелись в не дошедших до нас древнеболгарских хрониках. Следы этого болгарского оригинала могут быть найдены в тех местах Начальной летописи, где рассказывается о болгарях (например, под 6366 годом (858г.)— о походе византийского императора Михаила на болгар, под 6410 годом (902 г.)—о походе болгарского царя Симеона на хорватов). В тексте Начальной летописи в упомянутых местах, по сравнению с текстом Хроники Амартола, отсутствуют оскорбительные для болгар характеристики. Исследовавший эти выдержки Э. Г. Зыков пришел к обоснованному, на наш взгляд, выводу, что данные известия вошли в “Повесть временных лет” не непосредственно из Амартола, а через болгарскую летопись времени царя Симеона.¹⁷¹ Тот же исследователь полагает, что наблюдающаяся в известиях Начальной летописи о болгарях хронологическая путаница, связанная с разницей на 8 лет, может быть объяснена тем, что Болгария в X в. держалась так называемой александрийской эры, согласно которой, в отличие от Византии, от сотворения мира до Христа считалось не 5508, а ровно 5500 лет. Это тоже подтверждает предположение о том, что болгарам в X в. была известна Хроника Амартола.

Во-вторых, сопоставление перевода одних и тех же источников в Хронике Амартола и в “Истории” Иосифа Флавия показывает, что языковое мастерство переводчиков “Истории” было выше. Так как мы признаем перевод “Истории” выполненным в Киеве не позднее XII в., то перевод Хроники Амартола датируем значительно более ранним временем и считаем, что он принадлежит другой переводческой школе. Что же касается богато представленных в переводе Амартола русских слов и оборотов, столь подробно исследованных Истриным, то эти языковые элементы могли появиться в тексте перевода при его позднейшем редактировании в XI в. в Киеве, подобно тому как подверглись языковой переработке болгарские переводы, включенные затем в состав “Изборника 1076 г.” (см. выше, с. 23— 24). Таким образом, нам кажется наиболее приемлемой точка зрения на перевод Хроники Георгия Амартола, высказанная в 1910 г. А. И. Соболевским (см. выше с. 75). Вероятнее всего, Хроника была первоначально переведена на древнеславянский литературный язык в Болгарии в X в., отразилась затем в не дошедшей до нас болгарской летописи, а в XI в. была подвергнута

основательной редакционной переработке в Киевской Руси, возможно, с использованием греческого оригинала, с внесением в ее текст собственно русских языковых особенностей.

Второй перевод этого памятника — “сербский Амартол” — сделан во второй половине XIV столетия и представлен тремя списками: Синодальный № 148 (1385 г.). Пражский 1389 г. и Афонский 1378 г. Все три списка сербского происхождения и отражают бытование памятника у южных славян в эпоху “балканского возрождения”. Обычно этот перевод озаглавляется “Летовник”.^[18]

---

^[1] Muralt E. *Georgii monachi, dicti Namartoli, chronicum ab orbe condito. . . Petropoli*, 1859—1861.

^[2] *Georgii Monachi chronicon. Vol. 1—2. Ed. C. de Boor. Lipsiae*, 1904.

^[3] Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., “Наука”, 1964, с. 22 и ел. — В противоположность этому Г. И. Вздорнов полагает, что Северо-Восточная Русь не знала прижизненных изображений князей и что, следовательно, рукопись не могла возникнуть ранее 1318 г. (Вздорнов в Г. И. Иллюстрации к Хронике Георгия Амартола. В кн.: Византийский временник, т. XXX. М., 1969, с. 205—225).

^[4] Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I. Пг., 1920; т. II. Пг., 1922; т. III. Л., 1930.

^[5] См.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 6-ти т., т. 1. М., ГИХЛ, 1934, с. 565-593.

^[6] Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 6-ти т., т. 1. М.—Л., ГИХЛ, 1961, с. 356 и ел.

^[7] Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. № 6. СПб., 1867.

^[8] Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. — В кн.: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 177.

^[9] Истрин В. М. Книги временныя и образныя..., т. II, с. 268—309.

^[10] Veingart M. *Byzantske kroniky. . .*, с I, oddil 1, s. 61—142, oddil 2, s. 500—521; Дурново Н. Н. К вопросу о национальности переводчика Хроники Георгия Амартола. — “Slavia”, t. IV, 1925, s. 446—460;

Лавров П. А. Георгин Амартол в издании В. М. Истрина.—Там же, с. 461, 657—683;

Rosov V. [Rec.:] Veingart M. Byzantske kroniky v literature circoveslovan-ske.— “Slavia”, t. IV, 1925, s. 365—368; t. V, 1926, s. 364—365.

15 См. также: Шахматов А. А. “Повесть временных лет” и ее источники.—ТОДРА, 1940, т. IV, с. 41—61.

^[11] См.: Мещерский Н.А.К вопросу о составе и источниках Академического хронографа. — В кн.: Летописи и хроники. М., “Наука”, ·1974, с. 212—219.

^[12] См.: Мещерский Н.А.К вопросу о составе и источниках Академического хронографа. — В кн.: Летописи и хроники. М., “Наука”, ·1974, с. 212—219.

^[13] В. М. Истрин отверг отдельные сопоставления, сделанные А. А. Шахматовым (например, под 866 г. и под 1096 г.), признавая их восходящими к иному источнику. Поэтому точное число выдержек пока еще не может быть учтено безоговорочно.

^[14] См.: Повесть временных лет. Под ред. В. П. Андриановой-Перетц. Т. I. М.—Л., 1950, с. 15—16.

^[15] См.: Мещерский Н.А.К вопросу о византийско-славянских литературных связях.—В кн.: Византийский временник, т. XVII. М., 1960, с. 68—69.

^[16] См.: Мещерский Н.А. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г.—ТОДРА, 1954, т. X, с. 120—135.

^[17] Зыков Э. Г. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источники. — ТОДРА, 1969, т. XXIV, с. 48—53.

^[18] Хронограф Георгия Амартола. Лѣтовникъ скращень от разноличных лѣтописьць же и повѣдателии избранъ и съставлень отъ Георгия грѣшнаа мниха. Издание Общества любителей древней письменности. Вып. 1, № LXI. СПб., 1878; вып. 2, № LXII. СПб., 1880; вып. 3, № LXIX. СПб., 1881; см. также: Veingart M. Byzantske kroniky. . . , с. II, s. 145—499.

§ 3. Хроника Иоанна Малалы. Хроника по времени создания ее греческого оригинала является более ранней—одна из наиболее древних византийских хроник,—но распространена она в славянской письменности значительно меньше, чем Хроника Амартола.

Автор Хроники — сириец по происхождению и по прозвищу Иоанн Малала (греч. Μαλάλας или Μαλέλας). По-сирийски это слово значит 'ритор' (или даже 'говорун'); по-видимому, оно было обозначением должности и социального положения "ритора"—защитника в суде или адвоката. Жил Иоанн Малала в V—VI вв., сначала в родной для него Антиохии, затем в Константинополе. Хроника его, видимо, была написана уже в столице империи.

Хроника Иоанна Малалы, состоящая из 18 книг, начинается изложение событий "от начала мира" и завершается царствованием императора Юстиниана, доводя рассказ до 568 г. или даже до 573 г. Греческий оригинал Хроники дошел до нашего времени в единственном списке XII в. (Оксфордская библиотека им. Бодлея, № 128), который к тому же фрагментарен, обрывается на 563 г. и имеет ряд лакун в начальных частях. Пропуски лишь отчасти могут быть восстановлены по немногим фрагментам других греческих списков, а также по сохранившемуся тексту древнеславянского перевода. Кроме перевода на славянский существует грузинский перевод Хроники.¹¹

По типу и стилю изложения Хроника Малалы рассматривается как специфически христианско-византийская монашеская хроника. Она примыкает к "народным" книгам своего времени. Автор стремился приравливать свое произведение к вкусам и потребностям широких масс. Он обычно не заботился о хронологической точности, уделяя внимание разрозненным, выдающимся, в его понимании, историческим событиям. На протяжении всего повествования автор дает краткие, но выразительные характеристики изображаемым историческим деятелям. Наряду с этим Малала излагает на страницах своего труда античные мифы и сказания, например о Геракле, о Троянской войне и др., повествует о первобытных верованиях. Так, он сообщает о человеческих жертвоприношениях при закладке древних городов. Заметно стремление автора Хроники выразить свое почтение "властям предержащим". При большом внимании к правлению монархов в древнейшем Риме Малала почти обходит молчанием весь республиканский период, упоминая лишь о захвате Рима галлами под предводительством Бренна (около 390 г. до н. э.). Согласно оценке известного специалиста по византийской литературе К. Крумбахера,

Малала стремился создать “простонародную” книгу без оскорбления “престолов и алтарей” в привлекательном и доступном для масс изложении.^[2] Благодаря Хронике Малалы средневековые византийские читатели (а благодаря переводу—и славяне) получали интересные для них сведения об античной литературе, науке и культуре: о философах Платоне и Аристотеле, о писателях Эсхиле и Вергилии, о “семи чудесах света”.

Не до конца выяснены источники, откуда Малала черпал сведения об античности. Как и другие хронисты Византии, он обычно цитирует предшественников, не называя их имен. Впрочем, можно заметить, что Малала нередко огрублял и прямо искажал пересказываемые им источники, так как он, по-видимому, не всегда хорошо понимал даже классический греческий язык, не говоря уже о трудах, написанных латинскими или другими иноязычными писателями. Все же можно утверждать, что одним из главных источников Малалы была Хроника Юлия Африкана, древнейшего раннехристианского хрониста, писавшего в III в. н. э. Использовал он также Хронику Несториана, доведенную до 474 г., труды хронистов Павсания, Домнита, Феофила и Тимофея. В распоряжении Малалы имелись также так называемые “Пасхальные таблицы”, при помощи которых определялся день празднования пасхи на ряд десятилетий, городские анналы Антиохии и (для последних частей Хроники) Константинополя. Начиная с событий, происходивших в царствование императора Зенона (474—491), Малала пишет о них со слов современников и очевидцев. В изложении преданий о Троянской войне он следует рассказам Дикта Критского и Сисифа с острова Коса.^[3] Как после него Георгий Амартол, Малала чрезвычайно много внимания уделяет повествованиям о различных чудесных явлениях, связанных с “деяниями” святых, он нередко опирается в этих рассказах на апокрифические жития апостолов. Центральным пунктом, откуда Малала обзревает все события истории, был для него родной ему город Антиохия, так что порою Хроника кажется просто антиохийской городской летописью, на фоне которой лишь кое-где мелькают эпизоды, восходящие к другим краям вселенной. Как уже сказано, в заключительных частях Хроники” центр действия переносится в Константинополь, и соответственно эти разделы кажутся летописью столицы.

Ни о какой критической проверке источников в труде Малалы нет и речи. В результате в Хронике немало курьезов. Так, античная поэтесса Сафо выступает в ней как современница мифических

Кекропса и Кроноса, а философ Демокрит из Абдеры, живший в V—IV вв. до н. э., оказывается предшественником мифического героя Пелопса. Геродот (V в. до н. э.) выступает как продолжатель и последователь Полибия (II в. до н. э.). Оратор Цицерон и историк Саллюстий, по Малале,—выдающиеся римские поэты. Страна Кария так названа, по его мнению, потому, что ее подчинил Риму император Кар, а Киклопс — персонаж трагедии Еврипида, — в противоположность Киклопу из “Одиссеи”, обладал не одним, а тремя глазами. Столь же мало точны и собственно исторические повествования Малалы, в них нередки повторения и непоследовательности.

Особенное внимание обращает на себя язык Хроники, первого произведения византийской литературы, в котором зафиксировано средневековое греческое просторечие, пронизанное, с одной стороны, латинизмами, с другой—речениями из семитских языков Ближнего Востока. Во многих словах и формах Хроники Малалы ощущается переход к “димотике”, т. е. языку новогреческому. Народно-разговорные элементы речи, которые в эпоху эллинизма едва давали о себе знать, в Хронике Малалы преобладают.

Труд Малалы широко использовался более поздними хронистами, писавшими в VII—X вв., в произведениях Иоанна Ефесского (581 г.), Иоанна Антиохийца, с которым Малалу нередко смешивали. В конце VII в. Малалу пересказывает Иоанн Никейский. Около 740 г. в произведении его тезки и земляка, также сирийца по рождению, знаменитого Иоанна Дамаскина, в “Третьем слове об иконах” передается рассказ Малалы о кровоточивой женщине, чудесно исцелившейся, согласно Евангелию, прикосновением к одежде Христа, а затем воздвигшей, в благодарность за исцеление, его статую в палестинском городе Кесарин. Использовали труд Малалы и хронисты IX—X вв.: Феофан, Георгий Амартол и др. После XI в. интерес к Малале в Византии исчезает.

В отличие от Хроники Амартола, Хроника Малалы в славянском переводе не дошла до нас в виде отдельных списков. Отрывки и извлечения из нее представлены в немалом числе компилятивных хронографических трудов XII—XVI вв. Первое свидетельство о наличии славянского перевода Хроники Малалы в обиходе древнерусских книжников мы находим в “Повести временных лет” так называемой третьей редакции под 1114 годом (лето 6622). После рассказа о пребывании новгородского князя Мстислава Владимировича в (Старой) Ладоге и упоминания о том, что струи

волховской воды вымывают из-под берега археологические предметы (“ . . . находятъ дѣти наши глазкы стекляны и малый и великыи провертаны, а другыя подлѣ Волхова берутъ”), читается сообщение, записанное со слов “мужей старых”, которые ходили “за Югру и за Самоядь”, о молодых оленях, падающих на землю из туч. И далее, чтобы показать читателям, что подобного рода “чудесные” события бывали в прошлом и описаны в книгах, автор летописи ссылается на “хронограф” (т. е., очевидно, “Хронограф по великому изложению”, источником которого в данном случае является Малала) и продолжает: “В царстве Прово, дождьцу бывшю и тучи велиции, пшеница с водою многою смѣшена спаде, юже собравше насыпана сусѣкы велия. Тако же при Аврильянѣ крохти серебряныя спадоша, и въ Африкѣи трие камени спадоша превелици”. Ниже, снова используя тот же книжный источник, летописец отождествляет имена языческих божеств, почерпнутые из Хроники Малалы, с богами славянского пантеона: “Феость же . . . вѣстави единому мюжю едину жену имѣти, и жени за единъ мужъ посагати . . . Сего ради прозваша и Сварогомъ и блажиша и егуптяне. И по семь царствова сынъ его, именовъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ”.^[4] Отождествление античных божеств со славянскими произведено, конечно, летописцем.

Текст Хроники Малалы встречается вперемежку с текстами Хроники Амартола, библейских книг, “Александрии”, “Истории Иудейской войны” и других переводных произведений в таких дошедших до нас более поздних компиляциях, как “Летописец Еллинский и Римский” (в обеих его редакциях), Архивский и Виленский хронографы,^[5] и в ряде хронографов особого состава XV—XVI вв. Поэтому славянский текст Хроники Малалы приходится восстанавливать, собирая его буквально по крупицам из разных рукописей. Эта задача была выполнена в основном на рубеже XIX и XX вв. В. М. Истриным. В отличие от Хроники Амартола, издания и исследования отдельных частей Хроники Иоанна Малалы в славянском переводе Истрин опубликовал в разной периодике, ставшей сейчас почти недоступной.^[6]

Таким образом, нам кажется настоятельно необходимым подготовить новое, более точное и полное издание славянского перевода Хроники Иоанна Малалы, тем более что Истрину не удалось исчерпать все рукописные материалы и после завершения его

труда появилось в печати несколько работ с публикациями вновь найденных отрывков славянского текста Хроники.^[7]

В. М. Истрин также не дал однозначного ответа на вопрос о месте и времени перевода Хроники Малалы на славянский язык. Правда, в послесловии к изданию X книги В. М. Истриц отметил, что, по его наблюдениям, переводчик Малалы владел литературным языком свободно и пользовался им правильнее, чем переводчик Хроники Амартола. Однако он воздерживался от категорических утверждений, считая возможной принадлежность переводчика Малалы к филологической школе Иоанна Экзарха Болгарского (X в.) и полагая, что наиболее важным и верным критерием для датировки перевода будет служить словарный материал. Однако этот материал Истриным не собран вместе и не систематизирован. Небольшие списки слов перевода публиковались лишь после каждой из издаваемых им частей Хроники. Следовательно, и этот вопрос ждет еще своего разрешения.

В недавнее время изучением славянского перевода Хроники Малалы с успехом занималась Э. М. Шусторович.^[8] Той же Хронике посвящены статьи М. М. Копыленко и З. В. Удальцовой.^[9]

Остановимся на стилистическом воздействии, оказанном славянским переводом Хроники Малалы на древнерусские оригинальные произведения. Кроме уже указанного места в “Повести временных лет” следует отметить Галицко-Волынскую летопись, на тексте которой отразилось влияние Малалы в сочетании с Амартолом, “Александрией”, “Историей Иудейской войны” (очевидно, через Архивско-Виленский хронограф) в достаточно сильной степени. Так, в рассказе летописца о “злой ночи”, разыгравшейся над жителями города Бельза, читаем: “Сию же наричють белжане злу ноць, сия бо ноць злу игру имь сыгра: повоевали бо бѣаху преже свѣта” (Ипатьевская летопись под 6729 г.), в рассказе 1229 г. о победе князя Даниила Галицкого над венграми у Днестра находим: “...мнози впадаху в рѣку, инии же избѣени быша, инии же изоимани быша, яко инде глаголетъ: Скрыть рѣка злу игру сыгра гражаном, тако и Днѣстръ злу игру сыгра Угромъ” (там же, под 1229 г.; ср.: “Скрыть рѣка сыграеть злы игры гражаномъ” — “Летописец Еллинский”). Оба места могут быть возведены к тексту XVII книги Хроники Иоанна Малалы, в которой рассказывается о наводнении в сирийском городе Едессе в царствование Иустиниана; там потом был найден камень с надписью о злой игре, сыгранной рекой Скрытом над обитателями города. В греческом оригинале здесь использована игра слов:

название реки Σιῖρος (буквально — попрыгун, плясун) того же корня, что и глагол σιῖράω (прыгаю) и существительное σιῖρημα (игра, пляска).^[10]

Мы уже упоминали о выразительных персональных характеристиках в оригинале Хроники Малалы. Они не менее выразительны и в славянском переводе. В большинстве своем это портреты императоров Рима и Византии. Приведем отдельные места из текста X книги. В главе III мы читаем об императоре Тиверии: “Кесарьствова Тиверіи, Оулінъ сынъ, лѣт 22,. . . бѣ же възрастомъ среднїи, старъ, тонокъ, доброокъ, смаглъ, кратовласъ, крокорявъ, любодарливъ, дѣлолюбивъ”.^[11] В главе V находим характеристику Гайоса (Калигулы): “Бѣ, же высокъ, лѣпъ, тонкымъ лицемъ, роумень, наусъ, простъ власы, маламы очима, борзорѣчивъ, гнѣвливъ, велед(у)шенъ”.^[12] В VII главе той же книги характеристика императора Нерона: “Бѣ же высокъ и тонокъ, сѣдъ, густъ брадою, строинъ”.^[13] Приведем еще характеристику Веспасиана из той же книги, обнаруженную нами в тексте “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия: “Бѣ же низокъ, плѣшивъ, чреватъ, сѣдъ, чермень, напухлыма очима, плосколицъ, гнѣвливъ”.^[14]

Такие характеристики служили для древнерусских писателей образцами, когда им требовалось нарисовать словесные портреты, изображаемых ими князей. Например, в Суздальской летописи под 1212 г. находим характеристику князя Всеволода Юрьевича, под 1216 г.—характеристику князя Константина, под 1238 г.—ростовского князя Васильке. В Галицко-Волынской летописи есть под 1288 г. пространная характеристика князя Васильке Владимировича Волынского, в которой наряду с чертами внешности показаны также его моральные достоинства.^[15] Портрет князя Бориса под заглавием “Какъ бѣ възоромъ” находим даже в “Сказании о Борисе и Глебе” по списку “Успенского сборника” (л. 18а, 16—18б, 3). Наконец, уже в XVII в. по тому же словесному образцу созданы портретные характеристики Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, его сына Федора, царевны Ксении, Расстриги (Ажедимитрия I) и царя Василия Шуйского в “Летописной книге”, приписываемой кн. И. М. Катыреву-Ростовскому.^[16] Таким образом, стиль Хроники Иоанна Малалы продолжал высоко котироваться у русских книжников, в противоположность Византии, где он к XI—XII вв. расценивался как устарелый.

---

^[1] Ioannis Malalae chronicon. Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

^[2] Krurnbacher K. Geschichte der Byzantinnischen Literatur Aufl. 2. München, 1897, S. 326.

^[3] Авторы поздних эллинистических переделок поэм Гомера, созданных около начала нашей эры.

^[4] См.: Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановон-Перетц, с. 197—198.

^[5] Описание названных хронографов см. в кн.: И с т р я н В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 317—361.

^[6] Кн. I Хроники Иоанна Малалы издана В. М. Истриным в Записках Академии наук (сер. VIII, т. I, вып. 3. СПб., 1897, с. 1—29); кн. II—в Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете (т. X. Визант.-сл. отделение, вып. VII. Одесса, 1902, с. 438—486); кн. III почти не сохранилась в списках; кн. IV — в Летописи историко-филологического общества при Новорос. ун-те (т. XIII, Визант.-сл. отд., вып. VIII. Одесса, 1905); кн. V—там же (т. XVI, Визант.-сл. отд., вып. IX. Одесса, 1910, с. 1—51); кн. VI и VII—в СОРЯС (т. 89, № 3. СПб., 1911, с. 1—50); кн. VIII и IX—там же (т. 89, № 7. СПб., 1912, с. 1—39); кн. X издана отдельной брошюрой: Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга X. Одесса, 1912, а также в Летописи историко-филологического общества при Новорос. ун-те (т. XXII, Визант.-сл. отд., вып. I. Одесса, 1913, с. 1—44); кн. XI—XIV—в СОРЯС (т. 90, № 2. СПб., 1913, с. 1—31); кн. XV—XVIII (с приложением, содержащим фрагмент из кн. III)—в СОРЯС (т. 91, № 2, Пг., 1914, с. 1—52).

^[7] См.: Абрамович Д. И. Отрывок из Хроники Иоанна Малалы в Златоуструе XII века.—В кн.: Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 19—24; Сперанский М. Н. Забелинский отрывок Хронографа с Малалой. — В кн.: Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, с. 75—81; Мещерский Н. А. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы. — В кн.: Византийский временник, т. XI. М., 1956, с. 279—284; Шусторович Э. М. Об одном отрывке из древнеславянского перевода Хроники Иоанна Малалы.—“Филологические науки”, 1970, № 6, с. 105—110.

^[8] См.: Шусторович Э. М. 1) Древнеславянский перевод Иоанна Малалы (история изучения).—В кн.: Византийский временник, т. 30. М., 1969, с. 136—152; 2) Хроника Иоанна Малалы и античная

традиция в древнерусской литературе. — ТОДРА, 1968, т. XXIII, с. 62—70.

^[9] Копыленко М. М. Из спостережень над Історією Пиотаксюу. гипотактїчески кострукції Хронїки Іоанна Малали, памятки перев. літератури Хїстор.—Праци Одес. держ. ушверситету, 1953. ? . філ. фак., т. III, с. 65—69; Удальцова З. В. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — В кн.: Археографический ежегодник за 1965 г. М., “Наука”, 1966, с. 47—58.

^[10] 32 См.: Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи.— ИОРЯС, 1926, т. XXXI, с. 101.

^[11] Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, книга X. Одесса, 1912, с. 7.

^[12] Там же, с. 15.

^[13] Там же, с. 19.

^[14] Мещерский Н. А. Два неизданных отрывка..., с. 282.

^[15] Мещерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв.—ТОДРА, 1964, т. XX, с. 227—228.

^[16] См.: Гудзии Н. К. Хрестоматия по древнерусской литературе. 11}Д. 4-е. М., 1947, с. 311—312.

§ 4. Хроника Георгия Синкелла. Эта византийская хроника, созданная в греческом оригинале около начала IX в., оказалась в славянском переводе почти изолированной. Автор Хроники Георгий, по прозвищу Синкелл (греч. Συνηέλλος—сокелейник), был личным секретарем и поверенным патриарха Константинопольского Тарасия, одного из яростных противников иконоборчества (время правления—784—806 гг.). Георгий Синкелл много лет провел в Палестине. После смерти своего покровителя он удалился в монастырь и жил там до 810 г. Тогда, видимо, он и работал над своим историческим трудом - После смерти Георгия Хроника была продолжена его другом Феофаном Исповедником, также выступавшим против иконоборцев.

Хроника Синкелла представляет собою наряду с известной “Церковной историей” Евсевия Кесарийского (IV в.) наилучший источник для изучения раннехристианской хронографии. Материал для Хроники Георгий Синкелл черпал из книг Библии, из произведений Иосифа Флавия и других древних авторов. Он охватил изложением события от Адама до царствования императора

Диоклетиана, т. е. до начала IV в. и. э. Отсюда начинается труд его продолжателя — Феофана, не получивший распространения в славянском мире, но широко известный в латинском переводе на Западе Европы. Новое в Хронике Синкелла, по сравнению с другими хрониками,—это хронологические вычисления, отсчет лет согласно древнегреческим олимпиадам (периодами в 4 года, от одних Олимпийских игр до других). Такой отсчет был введен в греческую историографию Тимеем в 264 г. до н. э., и годом первой олимпиады признавался 776 г. до н. э. Именно эту дату отметил в своей Хронике Синкелл, применив ее к библейской хронологии. Для хронологических выкладок по другим странам Георгий заимствует материал из таблиц, составленных древнеегипетским жрецом Манефоном и вавилонянином Бероссом, о чем он узнает из труда Юлия Африкана. Кроме того, он использовал труды Панодора (395—408 гг.) и Анпиана, писавшего до 412 г. В этих хронологических отсчетах заключается наибольшая ценность Хроники Георгия Синкелла для античной истории. В византийской литературе Хроника эта не была популярной, будучи вытесненной хрониками Малалы, Амартола и другими, написанными более простым языком.

Критическое издание греческого текста Хроники Георгия Синкелла в двух томах было подготовлено Л. Диндорфом.^[1]

Славянский перевод Хроники Георгия Синкелла остается до сих пор не опубликованным. В 1906 г. этому переводу было посвящено небольшое исследование В. М. Истрина.^[2] Названный ученый указал на три списка, в которых читается славянский перевод Хроники Синкелла. Первый — список из собрания Ундольского № 1289 (ныне в ГБЛ), содержащий также перевод Хроники Амартола второй редакции. Список датируется, по данным палеографии, XV в. Хроника Синкелла начинается в рукописи с л. 396. Второй список (ныне утраченный) тоже объединял обе названные хроники — список Костромского Богоявленского монастыря № 295, XV в. (упомянут в исследовании Н. А. Добролюбова). Он хранился в Археографической комиссии Академии наук, но уже к времени занятий Истрина был оттуда изъят. Где он находился потом, неизвестно. Третий список, 1474 г.,—список бывшей Софийской библиотеки (ныне в ГПБ), в котором помещена и “Речь тонкословия греческого” — памятник, изданный и исследованный Н. К. Никольским.^[3] Кроме того, отдельные выписки из перевода Хроники Синкелла обнаружены Истриным в списке Синодального собрания № 154 (ныне в ГИМ).

Для того чтобы дать понятие о переводе Хроники Георгия Синкелла, процитируем выдержку оттуда, где вводится отсчет лет по олимпиадам: “Ахазу царююще в Иерусалимѣ первое лѣто, олумпия первая быс[ть]. В пятое лѣто Ахазоу бѣаше олимпия вторая егда Ромоуиль и Ромъ родиста. Ахазово бо с перваго лѣт[а] олимпиада еллинскы начинають ся чисти. Соберуть ся лѣта оубо от Адама даж и до римьскаго единовластьства лѣт всѣх ЕУДГ ? (5433)”. Как видим из приведенного, Георгием в данном случае была допущена хронологическая ошибка приблизительно в 40 лет. Начало царствования царя иудейского Ахаза датируется современными историками 735 г. до. н. э. Несмотря на эту неточность, в целом Хроника правильно показывает соотношения событий библейской и греко-римской истории.

В статье В. М. Истрина сопоставляется славянский перевод Хроники с греческим оригиналом по объему и охвату изложением событий. По сравнению с изданным Диндорфом греческим текстом перевод значительно короче, изложение событий более лаконично. На основании таких наблюдений В. М. Истрин заключает, что славянский текст Синкелла — это или сокращение оригинала по воле переводчика, или первообраз греческого текста, т. е. отражение его первоначальной нераспространенной редакции.

Относительно установления места и времени славянского перевода В. М. Истрин сообщает, что мы можем располагать лишь косвенными свидетельствами. Списки не восходят ко времени ранее XV в. Однако, по мнению Истрина, можно предположить, что перевод существовал уже по крайней мере до XIV столетия. Действительно, в его языке не заметно характерных признаков второго южнославянского влияния. Нет в языке ни сербизмов, ни болгаризмов. В. М. Истрин полагал, что с большой долей вероятности можно допустить русское происхождение перевода Хроники Синкелла. В тексте читаются слова и выражения, характерные для переводов киевского периода: выражение *сам третей*, слово *клюкы* (в значении 'хитрость, обман'): “...прехвати [благословение отца] ему [Исаву] Иаков клюкою матернею” (ср. кн. Бытия, гл.27, ст. 1—29): “...хотѣаше клюкою ити на Вениамина”; слово *вѣче* (народное собрание): “Зане придоша на вѣче в Масифу”. Греческое *δυνάστης* (вельможа) передано славянским *могута*: “...погоуби многы могоуты Июдейскы”. Характерна глосса

переводчика, поясняющая слово седмица: “.. аще начнетъ кто чести О [70] седмиць, еже мы зовем нед[ѣ]ля”. Слово неделя в нашем современном значении ‘период в 7 дней’ справедливо признается характерным русизмом.

Наблюдения В. М. Истрина над языком перевода должны быть продолжены, и только дальнейшие углубленные изыскания в этой области помогут более точно решить вопрос о времени и месте перевода Хроники Георгия Синкелла.

---

^[1] Georgii Syncelli chronicon. Vol. I—II. Ed. L. Dindorf. Bonnæ, 1829.

^[2] Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. I—V. СПб., 1906, с. 2—34.—Ниже цитаты взяты из названного издания.

^[3] Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. СПб., ОЛДП № 94, 1896.

§ 5. Хроника Иоанна Зонары. Создатель этого исторического труда жил в XII в. и был монахом в монастыре св. Гликерии на острове Мраморного моря. Его Хроника, озаглавленная Ἐπιτομή ἱστοριῶν (буквально—сокращение историй), может быть датирована приблизительно временем правления императора Мануила Комнина (1143—1180). Труд заканчивается описанием царствования императора Алексия Комнина (1118 г.). Хроника состоит из 18 книг. Автор разделил ее на две части: первая излагает историю мира от Адама до начала Римской империи, вторая—от дней Помпея и Юлия Цезаря до XII в. В первых шести книгах описываются события библейской истории, в следующих шести—римской, в остальных—собственно византийской. Хроника весьма пространна и многословна, общий ее объем в два раза превышает размеры Хроники Амартола. Историческая ценность труда Зонары, как и других хронистов, состоит в том, что им использованы многие источники, до нас полностью не дошедшие, в частности, для изложения фактов из истории Рима—сочинения Кассия Днона, Плутарха и других авторов.

Греческий оригинал Хроники Зонары обладает богатой рукописной традицией, о чем свидетельствуют 44 сохранившиеся рукописи. Кроме того, на Хронику Зонары опирались в своих трудах Михаил Глика, Константин Манассия и другие позднейшие писатели.

Сохранился латинский перевод Хроники, который был напечатан в 1567 г. в Париже. Произведение Зонары переведено на итальянский, французский и испанский языки.

В боннской серии византийских историков изданы первые 12 книг греческого текста Хроники Зонары под редакцией Л. Диндорфа,^[1] остальные 6 книг—в 1897 г. под ред. Т. Бютнер-Вобста.^[2]

Славянский перевод Хроники Зонары, относящийся ко вре мени балканского возрождения, дошел до нас в ряде списков, старейший из которых (XV в.), хранившийся в Белградской национальной библиотеке, сгорел в 1941 г. 2 рукописи хранятся в пределах СССР: в Ленинграде (БАН, № 24.4.34, первая половина XVI в.) и в Москве (ГБЛ, бывш. собр. Ундольского, № 1191, XVI в.).

История текста Хроники Зонары на славянской почве исследована П. О. Потаповым.^[3] В недавнее время этому произведению посвятила свой труд славистка из ФРГ Ангелика Якобе, изучившая те части Хроники Зонары, которые относятся к собственно византийской истории.^[4]

На славянской почве произведение Иоанна Зонары подвергалось переработкам. Во-первых, значительные его части в свободном изложении входят в состав “Русского Хронографа”.^[5] Во-вторых, до нас дошла сокращенная переделка Хроники, содержащаяся в рукописи Иосифова Волоколамского монастыря XV в. (ныне в ГБЛ, Волоколамское собр. № 415). Эта переделка под заглавием “Паралипоменон Зонары” была напечатана О. М. Бодянским в 1847 г.^[6]

Вместе с хроникой Константина Манассии (см. § 6 наст. главы) и сербским Переводом Хроники Амартола славянский перевод Хроники Зонары характеризует развитие нового повествовательного стиля эпохи XIV—XV вв. с его изысканностью и словесной изощренностью.

---

^[1] J o a n n i s Zonarae chronicon. Vol. 1—6. Ed. L. Dindorf. Lipsiac, 1868—1875.

^[2] J o a n n i s Zonarae Epitome historiarum. Lib. XIII—XVIII, t. I—III. Ed. Th. Buttner-Wobst. Vonnae, 1897.

^[3] Потапов П. О. Судьба Хроники Зонары в славяно-русской литературе. — ИОРЯС, 1918, т. XXII, кн. II, с. 141—186.

^[4] J a c o b s A. Ζωογραφῶς — Зонара. Die byzantinische Geschichte bei Ioannes Zonaras in slavischer ubersetzung. Munchen, 1970.

^[5] “Русский хронограф” — всемирно-исторический свод, составленный в XV в. в Московской Руси главным образом на основе южнославянских источников и завершённый в 1512 г.

^[6] Бодянский О. М. Паралипоменон Зонары. — ЧОИДР, вып. II. М., 1847, с. 86—119.

§ 6. Хроника Константина Манассии. Вслед за Иоанном Зонарой во временном ряду византийских хронистов идет Константин Манассия. О его жизненном пути известно очень мало. Он был как прозаиком, так и стихотворцем. Его перу принадлежит несколько разнохарактерных произведений, в том числе роман “О любви Аристандра и Каллифеи”, стихотворная биография римского писателя Оппиана, описания мозаических предметов изобразительного искусства того времени и другие труды. Однако наибольшее распространение и популярность получила его Хроника, известная в прозаическом и в стихотворном вариантах. Жил он, как и Зонара, во второй половине XII в.

Хроника Константина Манассии по-гречески озаглавлена Συνοψις ἱστορικῆ (Историческое обозрение). Изложение событий доведено в ней до смерти императора Никифора Вотаниота (1081 г.). Стихотворная разновидность Хроники насчитывает 6733 стиха, повествование отличается, особенно по сравнению с Зонарой, большой лаконичностью. Например, о царствовании Иоанна Цимисхия в Хронике всего 7 стихотворных строк, и имя князя киевского Святослава, против которого, как известно, сражался этот византийский монарх, даже не упомянуто.

Стихотворная Хроника Константина Манассии имеет посвящение “августейшей Ирине”, невестке императора Мануила Комнина, и его брату Андронику, которое и позволяет датировать создание Хроники.

Язык Хроники Манассии отличается образностью, стилистической отточенностью, отвечающей интересам и вкусам читателей того времени, принадлежавших к аристократической среде. Ценность произведения определяется живостью изложения и включением в него событий, близких ко времени написания. Сохранилось произведение в значительном числе списков, и рукописная традиция его недостаточно изучена.

Критическое издание стихотворной Хроники Константина Манассина было подготовлено И. Беккером и вышло в свет в боннской серии византийских историков в 1837 г.^[1]

На византийской почве Хроника Манассии была достаточно распространена и послужила основой многих пересказов и переделок, начиная с творчества Михаила Глики. Существует и просторечный греческий пересказ Хроники. Славянский перевод, без сомнения, был осуществлен со стихотворного варианта Хроники Манассии. Его появление было выдающимся событием в среднеболгарской литературе и в литературе, создававшейся на церковнославянском языке вообще.

Славянский перевод Хроники Константина Манассии представлен четырьмя списками. Первый из них, содержащий запись, благодаря которой перевод может быть точно датирован,—это список, хранящийся в Москве (ГИМ, собр. Синод. библ. № 20/38). Рукопись была вывезена с Афона известным Арсением Сухановым и в 1655 г. пожертвована патриархом Никоном Воскресенскому Новоиерусалимскому монастырю под Москвой (ныне г. Истра).

На л. 140 рукописи оставлена запись писца: “Слава иже въ Троици славимому богу испльнѣжщомоу въ малѣ великаа. иже и приписашѣся сиа словеса мала и многополезнаа повелѣниемъ моего *блгороднаго и *хртолюбиваго и прѣвысокаго и *дрѣжавнаго *црѣ прѣкраснаго Иоана Александра в лѣт[о] течения 6853 ендик[та] 13. Приписа поп Филипъ по повелѣн...” Из приведенных слов мы узнаем, что Хроника переписана неким попом Филиппом в царствование болгарского царя Иоанна Александра в 1345 г., очевидно, в столице Болгарского царства г. Тырнове. Заказчик рукописи, вероятно, высокое духовное лицо, остался неизвестным, так как конец записи не сохранился. Видимо, перевод Хроники состоялся незадолго до указанной даты.

Вторая рукопись, по палеографическим данным современная первой, хранится в Ватиканской библиотеке. Она описана кардиналом Ассемани под № 1 и впоследствии привлекала к себе внимание многих исследователей — зарубежных и русских. Красочные иллюстрации рукописи, изображавшие различные моменты исторического повествования, расцениваются как драгоценный памятник южнославянской книжной миниатюры.^[2] Надписи над изображениями позволяют отнести создание книги ко времени царствования в Болгарии династии Асеней.

Болгарская Академия наук осуществила в 1963 г. роскошное фотолитографическое издание перевода по Ватиканской рукописи. Вступительная статья и комментарии написаны историком Иваном Дуйчевым.^[43]

Кроме этих двух важнейших списков отметим еще рукопись Хиландарского монастыря на Афоне, датированную 1510 г. (№ 434/333), а также список, хранящийся в румынском городе Гульче, в библиотеке местного Болгарского клуба. Список содержится в сборнике XVII—XVIII вв. Рукопись описана Яцимиреким и издана И. Богданом.^[44]

Одна из основных особенностей славянского перевода Хроники Манассии состоит в том, что переводчик от себя сделал ряд характерных добавлений к греческому оригиналу там, где речь идет о жизни и истории болгарского народа. Таких добавлений исследователями отмечено около 20. Например, при рассказе о царствовании императора Анастасия (491—518) приписано: “При Анастасии при начашѣ блъгаре поемати земя сѣѣ, прѣшедше у Бѣдынѣ, и прѣжде начашѣ поемати долнаѣ земя Охридскѣ, и по томѣ сѣя земя вѣся от исхода же блъгароова до нинѣ 870 лѣт”.^[45] Подобные же добавления встречаются при описании царствования Константина Погоната (668—685), Льва III (717—741), Льва VI Философа (886—911) и др. Интересна глосса под рассказом о Никифоре Фоке (963—969): “Плѣнишѣ Руси Блѣгарьскѣѣ земя по дващи, въ двѣю лѣту, *црви Никифору изведшу Святслава на них”.^[46]

Далее следуют добавления к рассказам о царствовании Иоанна Цимисхия (969—976) и Василия II, который прославился как Болгаробойца, жестокий завоеватель и притеснитель.

Запись подчеркивает эти моменты: “Сѣи *црѣ Василие многы и бесчислены плѣновы сѣтвори блъгарова и разбоя люты. ибо разбивѣ Самоила *црѣ. 15 хилнадѣ блѣгарѣ ослѣпи, на вѣсѣко сто единого оставлѣѣ сѣ единѣм окомѣ. и отела ихѣ къ Самоилу. видѣв же их онѣ. от яда умрѣт.. От сего Василиа бысть Блѣгарское *црство под областѣѣ грѣчьскоѣ. даже и до Асѣнѣ *црѣ блгаром прѣвааго”.^[47]

Язык перевода богат и разнообразен. По подсчетам М. Вейнгарта, в славянской Хронике отмечено 868 сложных слов, из которых свыше половины не зафиксированы словарями.^[48] Стиль перевода лег в основу создававшейся в то время новой стилистической манеры “украшенного слога”, связанного затем с именем Тырновского

патриарха Евфимия и отразившегося на русской почве в форме так называемого “плетения словес”. У славян перевод приобрел особенную популярность благодаря панегирику в честь “Нового Рима”, который впоследствии читатели воспринимали как похвалу и болгарской столице Тырнову, и царствующему граду Москве. В панегирике можно усматривать первоначальное зерно впоследствии широко развившегося прославления “Третьего Рима”. Вот эта запись, внесенная в греческом оригинале в посвящение императору Мануилу Комнину: “И сіа оубо приключишѣ ся Старому Риму. Нашѣ же Новый Цариградѣ доитѣ и раститѣ. крѣпит ся и оумлаждает ся. Бѣди же ему и до конца расти...” (ркп. ГИМ, Синод. № 20/38, л. 72).

Болгарский перевод Хроники Константина Манассии в XV—XVI вв. приобретает большую популярность как на славянском Юге, так и та Руси, отразившись и в оригинальной сербской хронографии, и в таких русских памятниках, как “Хронограф” редакции 1512 г. и все позднейшие, а также в поздних летописях, как, например. Никоновская (середи́на XVI в.). Ко времени расцвета “украшенного слога” более ранние хроники Малалы и Амартола по стилю изложения уже перестали удовлетворять читателей, и эти хроники уступают место своему более молодому и модному сопернику в лице Хроники Манассии. Для того чтобы показать, как обрабатывался в языковом отношении текст болгарского перевода на русской почве, приведем параллельные отрывки, рассказывающие об одних и тех же событиях.

О царствовании императора Василия I

Хроника Манассии

(ркп. ГИМ, Синод. № 20/38, л. 110).

Въсхотѣвъ же и народу имѣніе раздати. и изыскавъ домовы златохранищѣ. иже прѣвѣ сътѣзаахѣ имѣніемъ множества и видѣвъ всѣа праздна и ничьсоже имоущѣ, скръбѣше. тѣжааше, печаловаше, оунываше неимѣше. что сътворити си... црь бо не имѣни имѣніа многобогатааго, подобенъ естъ орлоу ветхоу и прѣстароу, не имѣшоу періа и ноктіа и клюна. сего ради и Василие печаловааше и тѣжааше и бо царь Михаилъ — въсѣ истощивъ и глоумцемъ раздавъ сѣнгрѣцемъ своимъ...

Никоновская летопись

(ПСРЛ, т. IX. СПб., 1869, с. 11).

Восхотѣ же Василіе царь народу имѣніе отдати: изыскавъ домовы златохранищя иже прѣвѣ стяжаху имѣніа множество и видѣвъ всѣа праздны, скорбѣше и печаловаше не имы. что сътворити. Царь бо не имѣя имѣніа многобогатного подобенъ естъ орлу превѣтху и престару не имущу перія и нохтеи и клюна; и сего ради Василіе тужаше, царь бо Михаилъ всѣа истоши соигрицемъ своимъ...

Покажем еще, как трансформировалась в идейном и в стилистическом отношении приведенная выше “Похвала Новому Риму” из болгарского перевода Хроники Манассии в “Русском хронографе”. После рассказа о взятии Константинополя турками в 1453 г. мы там находим следующие слова: “Сіа оубо вся благочестиваа царствіа Греческое и Серпъское, Басаньское и Арбаназское и инии мнози грѣхъ ради нашихъ божиимъ попущениемъ безбожнии турци поплѣниша и в запустение положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Россійская земля божию милостью и молитвами пречистыя богородица и всѣхъ святыхъ чудотворецъ растет и младѣть и возвышается. Ей же, Христе милостивый, дажь расти и младѣти и расширятся и до окончанія вѣка”.^[1]

Как видим, от этой похвалы Русской земле как Новому Риму прокладывается уже прямой путь к знаменитой формуле: “Москва — Третий Рим”, выраженной в Послании старца Филофея и в позднейших русских памятниках XVI в.

---

^[1] Constantini Manasses chronicon. Ed. I. Becker. Bonnæ, 1837.

^[2] Несколько лет назад в НРБ была выпущена серия почтовых марок, воспроизводящих миниатюры рукописи в цвете.

^[3] Летописца на Константин Манаси. София, 1963.

^[4] Cronica lui Constantin Manasses, traducere mediobolgara facuta pe la 1350. Text Si glosar de Joan Bogdan. Bucuresti, 1922.

^[5] Летописца на Константин Манаси, с. 218.

^[6] Там же, с. 367.

^[7] Там же, с. 369.

^[8] Veingart M. Byzantske kroniky.. ., с I, s. 189—190.

^[9] См.: Полн. собр. русских летописей, т. XXII, вып. I. СПб., 1911, с. 382.

§ 7. Сведения о “малых” хрониках. Кроме всех рассмотренных переводных хроник следует еще упомянуть “Летописецъ вкратце” (“или “Летописецъ въборзѣ”), автором которого в Византии был патриарх Никифор (806—815). Это краткие хронологические таблицы с перечислением имен римских и византийских императоров, с подсчетом лет царствования и с указанием на их “благоверие” или еретичество. К ним обычно примыкают также списки константинопольских и других православных патриархов. На

русской почве переводы подобного рода хронологических справочников появляются очень рано. Древнейший список, по-видимому, не связанный непосредственно с “Летописцем” патриарха Никифора, читается уже на заключительных листах “Изборника 1073 г.”. Отсюда нельзя заключать о переводе этого текста в Болгарии при царе Симеоне, когда составлялся “Изборник”. “Летописец” помещен на листах, добавленных русским редактором. В списках Кормчих книг XIV—XVI вв. мы находим подобные же хронологические справочники. Их истории посвящены работы Е. К. Пиотровской.^[11] В византийской литературе наряду с краткой хроникой патриарха Никифора создавались постоянно и многократно подобные же хронологические справочники, так называемые “малые” хроники, очевидно, служившие учебным целям в тогдашних школах. Их изучению посвящена работа З. Г. Самодуровой,^[12] к которой мы и отсылаем читателя.

---

^[11] Э. Т. Пиотровская Е. К. 1) К изучению “Летописца вскоре” константинопольского патриарха Никифора. — ТОДРА, 1974, т. XXIX, с. 170—177; 2) О третьей русской редакции “Летописца вскоре” константинопольского патриарха Никифора.—В кн.: Византийский временник, т. 36. М., 1974, с. 147—153.

^[12] Самодурова З. Г. Малые византийские хроники и их источники. — В кн.: Византийский временник, т. XXVII. М., 1967, с. 153—161 и ст.

Глава пятая

ПЕРЕВОД "ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ" ИОСИФА ФЛАВИЯ

§ 1. Общие сведения о переводимом оригинале. Это произведение по справедливости может быть признано одним из наиболее значительных в древнеславянской переводной письменности как по объему, так и по идейной и художественной насыщенности. Иосиф Флавий принадлежит к числу виднейших авторов классической античности. Иудей по рождению и воспитанию, он писал на греческом языке для римских читателей, оставив им живое изображение событий, участником и очевидцем

которых был. Иосиф родился около 37 г. н. э. Получив хорошее образование в соответствии с иудейской традицией своего времени, он был всесторонне знаком с жизнью современного ему иудейства. Имея еще в юности возможность приобщиться к греко-римской культуре, Иосиф использовал свои познания в этой области, чтобы на греческом языке рассказать римлянам о делах и обычаях своего народа.

Он был активным участником бурных событий народно-освободительной борьбы Иудеи против Римской империи в 66—73 гг. н. э. Вначале Иосиф выступает как один из руководителей восстания — командует повстанческим войском в Галилее. Но уже в 68 г. при взятии римлянами галилейской крепости Иотапаты, в которой он был осажден, Иосиф переходит на сторону своих противников и предстает перед римским полководцем Веспасианом как вдохновенный пророк, провозвещающая ему скорое вступление на императорский престол, явившийся после смерти Нерона причиной ожесточенной гражданской войны.

Когда Веспасиан, провозглашенный императором своими легионерами, отбыл в столицу, оставив во главе войск в Иудее своего сына Тита, Иосиф, освобожденный римлянами от оков, становится секретарем и переводчиком при новом римском главнокомандующем, находясь неотлучно при нем в течение остального периода войны. Он в это время вел записи, впоследствии положенные в основу книги, а также неоднократно выступал перед восставшими с призывами покориться римской силе.

После разрушения Иерусалима и покорения Иудеи Иосиф в составе императорской свиты переселяется в Рим, где и живет до самой смерти, занимаясь литературным трудом. Он был щедро награжден императорами из дома Флавиев, от которых получил и свое прозвание.

“История Иудейской войны” (или “О разорении Иерусалима”) — первое произведение Иосифа (между 75 и 80 гг. н. э.). Еще Иосиф Флавий написал “Иудейские древности”, в которых изложил историю своего народа с начала его существования на фоне истории рабовладельческих держав Древнего Востока, а также полемический трактат “Против Апиона” и ряд других, менее значительных сочинений.

Книги Иосифа Флавия получили наибольшее распространение в раннехристианскую и в средневековую эпоху среди христианских читателей благодаря тому, что в них стремились видеть

беспристрастное свидетельство бедствий, постигших иудейский народ во время его войны с Римом. Эти бедствия трактовались христианскими авторами, начиная с Иустина Философа (II в.), как возмездие иудеям за неприятие ими Иисуса Христа и за его распятие.

Произведения Иосифа Флавия в раннехристианский период переводились на другие языки, (латинский, сирийский, арабский), вводились в обширных выдержках в труды древнехристианских историков, в частности в “Церковную историю” Евсевия Кесарийского, откуда затем перешли в византийскую хронографию. Из числа многих переводов и иноязычных переработок сочинений Иосифа Флавия наибольший исторический и литературный интерес представляет древнеславянский перевод, несмотря на то, что он не может быть причислен к древним источникам.

“История Иудейской войны”, состоящая из семи книг, по свидетельству авторского предисловия к ней, была первоначально составлена Иосифом “на отечественном языке” (вероятно, на арамейском или древнееврейском) для его восточных соотечественников, но затем сразу же, при помощи приставленных к нему в помощь греческих книжников, заново написана по-гречески для читателей Римской империи.

Древнеславянский перевод “Истории Иудейской войны”, выполненный, как далее будет показано, не позднее XII в. в Киевской Руси, по составу текста и стилю значительно отличается от всех дошедших до нас греческих рукописей оригинала (а также и от других переводов). Это обстоятельство заставило ряд западных исследователей (А. Берендс, Р. Эйслер) искать в нем отражение того якобы существовавшего арамейского первооригинала, который был впоследствии переработан Иосифом в более приемлемом для римских читателей духе. Однако, как показали более поздние исследования, находить связи с мнимым первооригиналом нет необходимости. Текстологическое исследование показывает, что многие чтения, характерные для древнерусского перевода, находят свою первооснову в особенностях отдельных дошедших до нас греческих списков¹¹. Есть все основания видеть в отличиях перевода от греческого текста инициативу славянского переводчика, который мог воспользоваться различными источниками, в том числе не дошедшими до нас разночтениями греческих списков, и существенно стилистически переработать переводимое им произведение.

“История Иудейской войны” Иосифа Флавия содержит изложение исторических фактов, начиная со II в. до н. э., когда Иудея

приходит впервые в соприкосновение с Римской державой, и кончая 73 г. н. э., когда были погашены римлянами последние вспышки восстания в Палестине и в Египте. Композиционным центром произведения служат пятая и шестая книги, в которых рассказывается непосредственно об осаде Иерусалима римлянами и о его разрушении. Для средневековых христианских читателей, рассматривавших эти трагические события как наказание иудеев за их отступничество, естественным было искать в рассказах Иосифа упоминания о жизни Иисуса Христа и его учеников. Такие упоминания и находятся в составе древнеславянского перевода, их называют “христологическими дополнениями древнеславянского Иосифа”. Более или менее значительных “дополнений” не менее двух десятков. Но кроме того, в тексте перевода немало отступлений от греческого оригинала, которые не имеют прямого отношения к первоначальному христианству и носят преимущественно черты стилистических распространений (украшение слога, уточнение бытовых подробностей и т. п.).

---

^[1] Мещерский Н. А. Значение древнеславянских переводов для восстановления их архетипов (на материале древнерусского перевода “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия). М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 13 и ел.

§ 2. Изучение перевода “Истории...” в русской и мировой науке. Древнеславянский (древнерусский) перевод “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия стал известен науке благодаря трудам П. М. Строева, А. Н. Попова, И. И. Срезневского, Е. В. Барсова,^[1] обративших внимание на текстуальные отличия этого произведения от греческого оригинала и на особенности его языка и стиля. С начала XX в. перевод приобретает широкую известность в мировой науке благодаря статьям А. Берендса, выдвинувшего гипотезу об аутентичности и принадлежности авторству самого Иосифа Флавия тех многочисленных “дополнений” в тексте перевода, в которых сообщается о первых шагах христианства.^[2]

В 1923—1927 гг. был посмертно опубликован под редакцией К. Грасса выполненный А. Берендсом перевод на немецкий язык первых четырех книг “славянского Иосифа”.^[3]

Появление в свет названного труда оживило интерес к выдвинутым А. Берендсом проблемам, и в 1929—1930 гг. выходит двухтомное исследование Р. Эйслера, в котором он развивает и “усовершенствует” мысль Берендса об исторической ценности “дополнений” в “славянском Иосифе” и пытается доказать, что этот перевод является не чем иным, как точным воспроизведением так называемого “первого извода” труда Иосифа Флавия, выполненного им на арамейском языке.^[4]

В 30-е годы выходит двухтомное издание древнерусского перевода в объеме всех семи книг, подготовленное В. М. Истриным. Работа была издана в Париже под редакцией А. Вайана, с параллельным переводом древнерусского текста на французский язык, выполненным П. Паскалем.^[5] К сожалению, предполагавшиеся к изданию третий и четвертый тома труда В. М. Истрина, которые должны были содержать его исследование перевода и полный словоуказатель к нему, не появились ввиду разразившейся Второй мировой войны. В архиве АН СССР в Ленинграде сохранились отдельные фрагменты исследования В. М. Истрина в черновом виде, а также картотека составленного им словоуказателя к памятнику.^[6]

Издание древнерусского перевода по рукописи “Виленского хронографа” (XVI в.) было осуществлено автором настоящего пособия.^[7] После этого нам приходилось касаться отдельных сторон перевода в ряде статей.^[8] В 1970 г. славистом из ФРГ Альфонсом Хёхерлем была написана монография, освещающая на основе нашего издания переводческую технику древнерусского перевода “Истории”.^[9]

Текст древнерусского перевода “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия дошел до нас в относительно поздних списках XV—XVII вв. в количестве около трех с половиной десятков.^[10] Самый старый датированный список (5-я и 6-я книги) — Кирилло-Белозерский № 53 (ИЗО)—помечен 1462 г. (ныне в ГПБ в Ленинграде); другой, наиболее древний по палеографическим данным и тоже неполный по составу, может быть отнесен к первой половине XV в. (Румянцевский № 2271, ныне в ГБЛ в Москве). Все списки древнерусского Иосифа Флавия могут быть разделены на две группы (редакции), из которых первую, так называемую “хронографическую”, составляют два: Архивский (№ 279-658. в ЦГАДА в Москве, XV—XVI вв.) и Виленский (№ 109 (147), ныне в Отделе рукописей Библиотеки АН ЛитССР в Вильнюсе, XVI в.).^[11] Остальные списки образуют вторую, так называемую “отдельную”

редакцию, отличающуюся от первой отсутствием начальных 25 глав 1-й книги “Истории”, восполненным своеобразным “Предисловием”, и рядом пропусков во 2-й, 3-й и 7-й книгах.^[12]

На основании рукописной традиции “хронографическая” редакция древнерусского перевода может быть условно признана первичной (хотя, конечно, до включения в состав хронографов перевод существовал и независимо от их текстов), “отдельная” же редакция — вторичной. Образование “отдельной” редакции может быть датировано приблизительно 1399 годом, когда была составлена посвятельная запись, сохранившаяся в Макарьевском списке Великих четых миней № 178 (XVI в.).^[13]

Что касается христологических дополнений, то в списках “хронографической” редакции они, перемежаясь с выдержками из византийских хроник и библейских текстов, казались вполне естественными. В тексте же “Истории”, отделенном от хронографических текстов, эти “дополнения” лишались своей общности и нуждались в более тесной “привязке” к основной части перевода. Древнерусские “справщики” в списках “отдельной” редакции устранили ряд деталей из “дополнений”, чтобы придать им характер большей достоверности, лишив их новозаветной окраски: Иосиф не мог быть распространителем христианских идей. Так, в “дополнении” к книге 6-й об истолковании пророчеств, предвещавших иудеям погибель Иерусалима и храма, было устранено имя Иисуса.^[14]

Древность перевода может быть установлена по более или менее последовательно прослеживаемым выдержкам из него в древнерусских литературных памятниках XII—XIII вв.: в Киевской и Галицко-Волынской летописях, в “Житии Александра Невского”, а также в “Слове о полку Игореве”, в “Слове о погибели Руския земли” и др. Вкрапления из древнерусского перевода “Истории” в летопись впервые встречаются в рассказе о “лживом владыке Федорце, епископе Суздальском”, казненном по приказу Андрея Боголюбского за еретичество и властолюбивые устремления (под 1169 и 1172 гг.).^[15]

Таким образом, перевод в Киевской Руси появился не позднее XII в., характер же ряда глосс в переводе и идейная направленность “дополнений” дают основания считать, что он написан в XI в. и примыкает в стилистическом отношении к таким памятникам древнерусской оригинальной литературы, как “Слово о Законе и Благодати” Илариона и “Слово Философа” в составе “Повести временных лет” (под 987 г.).

По сравнению с известными науке греческими рукописями оригинала древнерусский перевод представляет собою своеобразное и редкое в славянской переводной письменности явление. В переводе многое опущено, преимущественно то, что, по мнению переводчика, прямо не относилось к главной для него теме, т. е. к падению Иерусалима, многое добавлено. Отмечается конкретизация рассказа и внесение черт русской обстановки, характерной для феодально-дружинной среды.

Метод “обратного перевода” со славянского на греческий, применявшийся Р. Эйслером для восстановления мнимого архетипа “славянского Иосифа”, совершенно неприменим в данном случае, ибо это значило бы, что весь комплекс “добавлений” и стилистических распространений, которые носят на себе печать христианско-средневекового мировоззрения, характерного именно для русского книжника той эпохи, считался бы достоверно принадлежащим автору I в. н. э. Как своеобразный литературный памятник данной поры и выступает перед нами древнерусский перевод “Истории”.

---

^[1] См.: Бычков А. Ф. Библиологический словарь П. М., Строева. СПб., 1882, с. 399; Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции, вып. I. М., 1866, с. 107; Срезневский И. И. Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках. — Записки Академии наук, 1879, XXXIV, с. 133—144; Барсов Е. В. “Слово о полку Игореве” как художественный памятник дружинной Руси, т. I. М., 1887, с. 213—259.

^[2] Berends A. Die Zeugnisse vom Christentum im slavischen “De Bello Iudaico” des Iosephus. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlicher Literatur. Eds. Gebhard u. Harnack. Vol. XIV. Leipzig, 1906, и др.

^[3] Flavius Iosephus vom Jüdischen Kriege. Buch. I—IV. Nach der slavischen Übersetzung herausgegeben und mit dem griechischen Texte verglichen von Alexander Berends und Konrad Grass. Dorpat, 1924—1927.

^[4] Eisler R. Ἰησοῦς βασιλεῦσου ? βασιλεῦσας. Die messianische Unabhängigkeitsbewegung vom Aufstehen Iohannes des Täufer bis zum Untergang Jakobs des Frommen nach der neuerschlossener Eroberung von Jerusalem des Flavius. .. Bd. I. Heidelberg, 1929; Bd. II. Heidelberg, 1930.

^[5] Istrin V. La prise de Jerusalem de Joseph le Juif. Vol. I. Paris, 1934; vol. II, 1938; La prise de Jerusalem. Text traduit de vieux russe et presente par Pierre Pascal. Monaco, 1964.

^[6] Архив АН СССР, ф. 332, оп. 1, № 7—11.

^[7] Мещерский Н. А. “История Иудейской войны” Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.

^[8] См.: Мещерский Н. А. 1) Искусство перевода Киевской Руси.—ТОДРА, 1958, т. XV, с. 54—72; 2) Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРА, 1964, т. XX, с. 180—231.

^[9] Hoher I A. Zur Ubersetzungstechnik des altrussischen “Judischen Krieges” des Josephus Flavius. Munchen, 1970.

^[10] О тридцати списках перевода см.: Мещерский Н. А. “История Иудейской войны”..., с. 15—20. — После опубликования книги было обнаружено еще несколько списков: 31. Список по рукописи так называемых “Новых поступлений” в ГПБ, 1918 г., № 27, л. 364—475, XV—XVI вв. (за указание на эту рукопись приношу благодарность докт. филол. наук О. В. Творогову); 32. Троицкий 4-й, ГБЛ, ф. 173, № 36 (217), л. 58—371, XVI в. (указанием на данную рукопись я обязан канд. ист. наук А. Д. Горскому); 33. Хиландарский 2-й, № 281 (337), 317 л., XVII в. (вероятно, копия с Хиландарской рукописи № 280 (336), датируемой 1585 г., переписанной с русского оригинала сербским писцом); 34. Хиландарский 3-й, № 282 (338), 344 л., 1826 г. (сведения о последних двух списках почерпнуты из кн.: Hilandar Slavic Manuscripts. Compiled by Mateja Matejic and Predrag Mateic. Ohio, State University, 1972, p. 31).

^[11] Подробнее о двух редакциях перевода см.: Мещерский Н. А. “История Иудейской войны”..., с. 30—36.

^[12] Названные в прим. 11 списки перевода могут быть отнесены к “отдельной” редакции.

^[13] См.: Мещерский Н. А. “История Иудейской войны”..., с. 16, 34.

^[14] См.: Мещерский И. А. Из наблюдение над древнерусским переводом “Истории Иудейской войны” Иосифа Флавия.—Доклады АН СССР, 1930, № 2. Сер. В., с. 19—25.

^[15] См.: Полн. собр. русских летописей. Т. I. СПб., 1846, с. 152; т. 11. СПб., 1848, с. 103.

§ 3. Язык и стиль перевода “Истории...”. “История Иудейской войны” не принадлежала ни к памятникам церковного, ни, тем более, церковно-богослужебного назначения, поэтому при ее переводе допускалась большая свобода. Текст не переводился методом “пословного” перевода (вернее, передачей словосочетаний оригинала), что было характерно для переводов библейских книг. Переводчик “Истории”, не заботясь о буквальной передаче текста, стремился главным образом к тому, чтобы сделать его содержание доступным читателям, интересным и даже занимательным. Он был не рабом, а соперником автора, пересоздавшим произведение, подчинив изложение основной, ведущей, с его точки зрения, идее. Свобода перевода связана в данном случае с незаурядным литературным мастерством, свидетельствующим о несомненной одаренности переводчика и о высоком уровне развития древнерусского литературного языка его времени.

Свобода перевода и мастерство древнерусского переводчика проявляются в следующих стилистических чертах: а) в естественном порядке слов, независимом от оригинала; б) в конкретизации общих, отвлеченных понятий; в) в распространениях описаний (преимущественно при изображении боя); г) в приспособлении реалий повествования к русскому пониманию и русскому быту того времени; д) во внесении в рассказ прямой речи и диалога взамен косвенной речи в оригинале; е) в богатстве средств выразительной образной речи, отсутствующих в подлиннике; ж) в эмоциональной насыщенности пейзажных описаний; з) в относительно частом использовании звуковой организации речи, ритмического членения фраз и рифмовки.

Для того чтобы судить о степени синтаксической свободы переводчика в отношении порядка слов, сопоставим несколько отрывков текста по буквальному подстрочнику с текстами древнерусского перевода.

Кн. III, гл. IX, § 5: “Когда в Иерусалиме о иотапатском несчастье было узнано, то сначала многие не верили и ради размеров бедствия, и ради того, что никто из говоривших очевидцем не являлся, ибо не спасся ни один вестник, но сама собою распространялась молва, которая обычно разносит всякое несчастье”; в древнерусском: “Бывши вѣсти в Иерусалимѣ [о] иотапатстѣи страсти и о пленении, не яша вѣры величѣства ради вещи, зане не бысть человѣка, иже бы очима своима видѣл, не утече бо ни один вѣстникъ, но сама вѣсть

проповѣдаше”.¹⁴ Кн. IV, гл. VIII, § 1: “В то время о галльском стало известно движении, где Виндекс вместе с туземными владетелями отложился от Нерона, о чем более точно другими написано”; в древнерусском: “И тогда прииде вѣстникъ Еуспасиану о галатиистѣхъ воздвижении, како Уиндексъ преврати к себѣ властелины, и заратишася с Нероном”. Здесь кроме свободы в передаче порядка слов отметим высокую степень конкретизации образов: к Веспасиану приходило конкретное лицо — вестник; Виндекс сначала договаривается со старейшинами племен, и потом уже они все вместе выступают против Нерона.

Приведем еще наглядный пример конкретизации изложения событий в переводе. В кн. VII, гл. II, § 1, где рассказывается о возвращении Веспасиана в Рим после похода, в подстрочнике: “[Веспасиан] из Ионии направился в Элладу, а оттуда от Коркиры к мысу Еапигии, откуда уже по суше продолжал свое путешествие”; в древнерусском тексте: “И от ѡну преплы к Елладѣ и ѡттуда к Керкиру, а потом ко Агиписю. И ту вышед из огар, и нача на конихъ путешествовати”. Переводчик представляет себе совершенно конкретно картины: приплыв к берегам Италии, император высаживается из судов и продолжает свое путешествие по суше на конях (ведь не пешком же ему, конечно, идти!).

Творческая инициатива переводчика сказалась не только в сокращениях переводимого текста или в добавлениях, но в полной стилистической переработке оригинала. Он превращает “Историю” из собственно исторического произведения, в оригинале написанного со значительной долей стилистической сухости, в поэтическую повесть.

Особенно отчетливо сказывается эта поэтизация в картинах сражений. Вот описание битвы иудеев с римлянами во время осады Иотапаты (кн. III, гл. VII, § 4): “И наутрия, вышедше на римляны велими крепле, обрѣтоша ся же противьнии крѣпльше их. До пятого дьне биша ся. [И бысть видѣти ломъ копиинны, скрежетание мечное, и щиты ископаны, и мужи носими, и землю напоиша кровии]. А ни иудеи римлян устрашивахуся, ни римляне трудяхуся, зряще твердости града”. (Словам, поставленным в квадратных скобках, нет соответствия в греческом.)

Описания боевых столкновений всегда даются переводчиком в эпическом стиле. Так, в кн. V, гл. VII, § 3: “Ни едины же длъго гоняху, но мало побѣгывающе, възвращахутся и, гоняще, и скоро побѣгняху”.

В греческом здесь лишь: “Ни для одной стороны ни бегство, ни преследование не были постоянными”. Картины боя в переводе даются в стиле, весьма близком к описаниям русских летописей. Например, кн. VI, гл. II, § 6: “Потом же, и мечи изламавше, и руками нчаша битися, и всяко обретаемое оружие бысть обрѣтающему”; кн. III, гл. VII, §23;

“И камень метяху пороками, сулицы, из лук пуцаемы, шумяху”;

§ 22: “И бысть видѣти падающе жиды, акы снопы со забралъ”;

§ 19: “И стрѣльцем стрѣляющеим, и не смѣша иудеи стати на забралѣхъ”. В подобных же эпических чертах рисуются боевые подвиги римских или иудейских воинов. Например, кн. VI, гл. I, § 8: “Убодену же бывшу коню его, сеи же творяше пѣшь, яко же и на кони скача, яко и демон... иудеи же, обступльше и купно, пободоша оружии, и копни, и окшевами [топорами], и камением бияху, и дровом, хотяще симь однемь вся римляны устрашити”.

Постоянны в переводе такие излюбленные в летописях выражения, как: *добыти копьемь* (взять город штурмом); *вдати на щитъ* (взять в качестве военной добычи); *плечи дати* (оборотить тыл) и т. д. Заметим еще выражения: “к смерти челомь идуть” (кн. VI, гл. I, § 5— презирают смерть), или “челомь ити к желѣзу акы звѣрь” (кн. IV, гл. I, § 6 — то же). Выражению перевода “оставиша игемона своего во оустѣхъ брани” (там же) в греческом соответствует лишь “в опасностях покинули”. Подобного рода воинские формулы в ту эпоху, когда создавался перевод, были обычными и общепонятными, знакомыми каждому соприкасавшемуся непосредственно с воинскими подвигами, столь частыми в древнерусской феодально-дружинной среде. Такие выражения обычны и в “Повести временных лет”, и в Киевской, Галицкой или Суздальской летописях, в “Слове о полку Игореве”. Трудно определить, что именно служило источником этих выражений: переводная ли письменность для оригинальных летописных повествований или, наоборот, переводчик заимствовал их из летописей и таким образом украсил и осовременил свой труд. Во всяком случае мы можем с полной уверенностью утверждать, что переводчик и авторы летописей—современники, воспитанные в одной и той же среде.

Понятия и предметы, о которых идет речь в тексте “Истории Иудейской войны”, систематически передаются названиями предметов и понятий, характерных для быта русского общества

раннефеодальной поры. Понятию “друзья”, “товарищи” (греч. οἱ ἑταῖροι, οἱ φίλοι) в переводе всегда соответствует слово дружина, вѣрнѣишая дружина; Ироду вложены в уста слова. “Мятежь гнѣвъ ражаеть от дружиния безумия”, чему в оригинале соответствует лишь: “Ссоры и дрязги происходят от злонамеренности окружающих” (кн. I, гл. XVII, § 5).

В переводе обычно слово-понятие “честь” употребляется в полном соответствии с понятием феодальной чести. Это слово, например, вносится переводчиком в текст при наличии в греческом слова εὐφημία ‘радость’: “И срѣтоша съпфорияне съ честию и с похвалою” (кн. II, гл. XVIII, § 11) — или туда, где в греческом это понятие вообще не выражается: “Боюся же, яко той хочеть огнусити чьсть мою” — в оригинале только: “Я боюсь, чтобы ты не возненавидел меня за судьбу твою” (кн. I, гл. XXXII, § 2). Понятие чести обычно связывается в переводе с наградами, угощением, воспеванием славы кому-либо: “Агрипа же възва Успасиана в свою власть на чьсть и на славу” (кн. III, гл. X, § 7). Словом чьсть переводится и римское пожалование (δόσις — кн. II, гл. XI, § 5), и греческое γέρας (т. е. ‘награда вообще’): “И съ [Симон сын Гиоров] заповѣда рабом свободу, а свободным чьсть” (кн. IV, гл. IX, § 3 — “он обещал рабам свободу, а свободным награду”).

Вместе с тем греческое τιμή (честь) передается в переводе какими-либо иными словами: “И умучени быша [пленники] на глум цесарев” (кн. VII, гл. III, § 1 — “множество иудеев подвергнуто наказанию в честь его”). Как и в летописях, в переводе “Истории” часто упоминается о пении народом хвалебных песен в честь победителей: “И абие [Ирод] постиг Иезекия, начальника разбойником, губящая окръстная Сурия, и того ем, изби всю силу его. Тем же и пѣсни пояху ему по сурьским градом” (кн. I, гл. X, § 5 — в оригинале: “этим он сделал сирийцев весьма признательными ему”). В переводе значительно более распространены похвалы воинской доблести и славе по сравнению с греческим оригиналом.

Обычны в переводе слова, связанные с дружинным бытом. Окружающие царя или полководца советники называются думцами. Словосочетания советоваться с ними, созывать совещания всегда переданы выражением думати с кем-либо: “Анан бо думал с людьми своими” (кн. IV, гл. III, § 14). Знатные и богатые приближенные царя именуются боярами. Понятие присяги передается древнерусским рота: “И полкы, и народ заведе ротѣ, да бьются по Успасианѣ” (кн. VI, гл.

X, § 6), “не могуще датися роты дѣля” (кн. VI, гл. VII, § 2). Постоянно встречаются названия оборонительных сооружений, предметов вооружения. доспехов: *острогъ, дѣтиньць* (внутренняя часть укрепления), *забрала, приспы, шатры,, чела, комары, стлѣти; брѣнь, шеломи. мечи, сабли, копья, пороки* (пращи), *луки, тулы, сулицы, стрелы, трубы, хоругви*. Наряду с дружинной нередка в переводе и церковная терминология: названия предметов культа иудеев или римлян-язычников передаются словами, характерными для православного церковного быта: *церквь*— это обозначение и Иерусалимского храма, и храмов в честь языческих богов Рима—Дия, Минервы и др.; при перечислении добычи Иоанна Гисхальского, захватившего Иерусалимский храм, сказано: “И много от служебныхъ сосудовъ разби и отданаа богу различна дискоси, потир и трапезы” (кн. V, гл. XIII, § 6). Те же предметы отданы Титу перешедшим на его сторону иерусалимским священником при сожжении храма: “и раскопав стѣну, и выня два свѣтильника злата, и трапезу, многы и потиры, и дискосы, и фиалы, вся сухимъ златомъ устроены и толсты” (кн. VI, гл. VIII, §3).

Не забывает переводчик при изображении событий и более мелкие подробности древнерусского быта. Вот как им описывается проникновение римских лазутчиков в осажденный иудейский город: “Други же сотник, именемъ Гал, 18 воин с ним, при томъ мятежи видоша в нѣкую храмину и ухранишася под лавицами. И господаремъ же пришедшим, и при вечери, восповѣстившимся и людскую думу проявившим, они же, лежаще под лавицами, слышаша. И онемь спящим, нощию вышедше, убиша вся и бѣжаша ко обрѣтию” (кн. IV, гл. I, § 5). В греческом нет и речи о прятаньи под лавками, переводчик же не скупится два раза упомянуть о столь характерной для русского быта подробности. В другом месте название не свойственного русской природе животного *онагр* (дикий осел) передается существительным *лось*.

Большая живость изложения достигается переводчиком при систематической замене косвенной речи оригинала на прямую речь или диалог. Речи действующих лиц в переводе обычно кратки, энергичны, эмоционально насыщены, что тоже сближает перевод с летописями. В кн. IV, гл. V рассказывается, как идумей, при поддержке зилотов одержавшие верх над сторонниками римлян в осажденном Иерусалиме, в ярости умерщвляют вождей проримского направления — первосвященников Иоанна и Иисуса. В оригинале сказано, что,

став над трупами убитых, они потешались над попечениями Иоанна о народе и над речью Иисуса, произнесенной им со стены. Вместо этого в древнерусском тексте читаем: “И стояще над трупомъ ею, поругахуся има и глаголюще над Ананом: И въистинну приатель еси Иерусалиму и (народу, и подобен еси [достоин] чьсти, ею же еси почтен! А над Исусомъ рѣша: Рѣчист еси и велемудръ, и много трудился, молвя съ забралъ. А нынѣ почивай!”. Сцена военного совета в лагере Тита перед решительным штурмом Иерусалима передана переводчиком в драматизированной форме: “И по том Тит думаше с игемоны, глаголя: Приспы, ими же надѣяхомся взяти град, истлѣшася, зане велик трудъ их въ един часъ погибе. И разумѣю, яко мнози отчаяхуся взяти града сего! Ему же и юнѣишии отвѣщаша: Да приступимъ къ стѣнамъ на купь, и не терпят иудеи нашего пришествна, погрузят бо ся нашими стрѣлами! А средовѣции [люди среднего возраста] рѣша: Подобае еще и инья приспы дѣлати в иных мѣстѣхъ и всю силу приставити, и заградити иудѣомъ выходъ! Старии же рѣша: Яко достойно обрѣтися окръсть града и не дати иудеомъ выходити или на травоимание, или на ино что, а руками не сниматися [не вступать в рукопашную]. Непобедимо бо естъ отчаяние их. А въскую бьемся с ними, им же молятся от желѣза смерть прияти? Аще осѣдимъ окръсть их, или от глада изомрутъ, или вдадятся!”. В оригинале рассказывается лишь о том, что более горячие из предводителей были того мнения, что следует всем войском сразу сделать приступ на стены, из более рассудительных одни предлагали опять строить валы, другие же — продолжать осаду без валов, а только наблюдать за тем, чтобы жители не могли ни покидать город, ни получать припасов извне, и таким образом заставить неприятеля сдаться (кн. V, гл. XII, § 1). Мы видим, что переводчик не только драматизирует повествование, но и распределяет реплики в соответствии с возрастным темпераментом говорящих: юные—более горячи, люди среднего возраста—благоразумны, старые — наиболее осмотрительны и мудры.

Как и в летописях, наиболее выразительны в переводе “Истории” посольские речи и донесения. Так, в кн. IV,- гл. IV, § 1 передано содержание грамоты, которую осажденные в храме зилоты посылают своим союзникам идумеям: “Анан прельсти люди, предасть римляном митрополию. Мы же, разлучившиися от них свободы дѣля, и нынѣ,

затворени, сѣдимъ внутрь церкви, и стражие окръсть насъ стоять. Мало время остается нам на избавление. Аще вы не поможете намъ скоро, то мы будем под Ананом и врагом нашимъ, а град под римляны”.

Метафоры и другие тропы весьма часты в переводе и большей частью независимы от греческого оригинала: “правда стонеть”, “гладъ приползе”, “огню ползти”, “брань над главою стоять”. Краткому греческому предложению: “Побросав оружие, они [противники Иосифа] обратились в бегство” (кн. II, гл. XXI, § 5) в переводе соответствует образное древнерусское фразеологическое сочетание: “И тако ужась възложн на люди, яко, пометавъше оружие, разбѣгошася, камо кого очи несяшета”. Идиома полюбилась переводчику, и он потом использует ее варианты: “камо кого нужа влечаше” или “кто камо видя”. С этим можем сравнить образное использование аналогичной русской идиомы в памятнике XV в. “Хождение Афанасия Никитина за три моря”: “А кой должен, а тот пошел, куды его очи понесли”.^[2] В речи Елеазара (кн. VII, гл. VIII, § 6) поражает своей экспрессивностью развернутая метафора: “И еще бо звенять прегрѣшения наша во ушию всѣхъ, яко и по нас будетъ сей звонъ, имже есмы длѣжни и мечь прияти”. Смерть на поле брани обычно обозначается в переводе как *судъ, судъ божий*: “и тогда падеся судом” (кн. VI, гл. I, § 6). Самобытны в переводе многочисленные сравнения, значительная часть которых внесена независимо от оригинала. Так, в кн. VI, гл. I, § 3 читаем; “Четыре камени вывалиша на мѣста великыя, акы горы”. В Галилее “гради части, и села акы звѣзды” (кн. III, гл. III, § 2). От голода в осажденном Иерусалиме “уноши же и отроковицѣ опухше, вертяхуся, акы идолѣ и акы стени” (кн. V, гл. XII, § 3), умирающие от голода в Иерусалиме “падаху, акы листовие, пакы песок” (кн. VI, гл. III, § 3). Здесь, как и в ряде других мест перевода, источник вносимых сравнений традиционный — это хорошо известные переводчику тексты библейских книг.

Часты гиперболические описания: ручьи по граду потекоша кровию”, “разноличьнаа кровь стояще на святѣмъ мѣстѣ, акы озеро” (кн. V, гл. I, § 1). Количество трупов после штурма Иерусалима римлянами таково, что “по всему граду не бы лзѣ гдѣ иглы поврещи на голѣ мѣстѣ” (кн. VI, гл. VII, § 2). Иоанн хвалится перед защитниками Иерусалима: “Яко аще и крила възрастуть у римлянъ и не могутъ прелѣзти иерусалимскихъ стѣнь” (кн. IV, гл. III, § 2).

Выразительность сравнений и метафор нередко еще усиливается благодаря тому, что в них переводчиком (сознательно или стихийно) используются звуковые повторы, или аллитерации: “съхранилище кровавых съкровищ” назван храм, превращенный в опорный пункт зилотов под предводительством Иоанна Гисхальского (кн. IV, гл. IV, § 3). В знак торжества они украшают город, “вѣшающе по врагом вѣньцѣ радощами”. По возвращении в город сикарии ликуют, “выноще, акы волци радощами”.

Роль стилистического усиления в переводе может принадлежать и повторам однокоренных слов: “акы бѣсующеса и акы отроком устречени [ужалены оводами]” (кн. VII, гл. VIII, § 4).

Обычны в переводе риторические воззвания и риторические вопросы, иногда тоже восходящие к библейской переводной письменности. Так, Иосиф, обращаясь с речью к осажденным в Иерусалиме иудеям, говорит: “Имь же богъ, и паки реку, богъ наведе на ны римляны” (кн. VI, гл. II, § 2). Ср. в тексте Послания апостола Павла к филиппийцам: “раduitся, и паки реку, радуйтеса” (гл. IV, 4). Вообще фразеология переводных славянских библейских книг и гимнологии, без сомнения, оказывала значительное воздействие на стиль перевода, из чего можно сделать вывод, что переводчик был приверженцем православия, а не иудаистом, как предполагал Р. Эйслер.

Обращают на себя внимание нередкие в переводе “Истории” случаи морфологической рифмовки, связанной с синтаксическим параллелизмом рядом стоящих фраз. Выше мы отмечали стихийно прорывавшееся стремление к рифмованной речи уже в наиболее ранних переводах евангельских текстов, причем на русской почве это стремление, по-видимому, было осознанным и от века к веку возрастало (см. выше, с. 66—67). В переводе “Истории” таких фраз, завершающихся рифмующимися формами, особенно много. Рифмуются между собою существительные с одинаковыми суффиксами и флексиями:

“Земное же съмя сторицею рожаетя

От аерьски теплоты

И от воднья тукоты”

(Кн. IV, гл. IV, § 3).

Иногда связаны взаимными рифмами прилагательные:

“И отвергше архиерея сроднья,

И ставяхуть незнаемья простороднья”

(Кн. IV, гл. III, § 6).

Чаще же всего, как и в переводах Евангелия, рифмуются между собою фразы, завершающиеся глагольными формами того же лица и числа:

*“Тем Иркан устремляется,
Но, видя мать мучиму, ослабляется”*

(Кн. 1, гл. II, § 4);

*“Аристовулови бо советници бранити хотяху,
избавити цесаря держажу”*

(Кн. I, гл. III, §2);

*“На которая дѣла и на которую пищу исклъчиваше,
таже съ крѣвию добываше”*

(Кн. II, гл. IV, § 2);

*“I ни страхъ нападаваетъ на ня,
II ни трудъ одолѣваетъ ня”*

(Кн. III, гл. III, §2);

*“I ни страхъ обдержитъ мужъ тѣхъ,
Ни земля скудѣетъ людии тѣхъ”*

(Кн. III, гл. III, § 2).

Ритмическое членение речи нередко проступает в тексте перевода, вызываемое параллелизмом синтаксических построений, что случается также и без звуковых повторов:

*“Храми разграблени,
Роди истѣчени,
Жены жалѣюща,
Плачь и рыдание по всему граду”*

(Кн. IV, гл. V, § 3);

*“Вспомянете, яко они нази,
а мы во оружии,
они тѣши,
а мы на конихъ, они без наряда,
а мы съ нарядом”*

(Кн. IV, гл. VI, § 3);

*“Кто, болѣ людии погубитъ
и болѣ грѣха добудетъ и беззаконствуютъ”*

(Кн. VII, гл. VIII, § 1).

Укажем еще на пример внутренней рифмовки текста, связанной также со смысловым и синтаксическим параллелизмом в структуре

фразы: “Гам бо словом [исеи] будять и нудять люди добра творити, а зла лишити ся” (кн. II, гл. VIII; § 11).

Примеры подобного рода могли бы быть продолжены в неограниченном количестве, однако и приведенных здесь, кажется нам, достаточно, чтобы доказать и высокое литературное качество перевода “Истории Иудейской войны” и незаурядное художественное и словесное мастерство безымянного древнерусского переводчика. Он оказался вполне достойным преемником и продолжателем дела, начатого за два-три века до него основоположниками древнеславянской переводной письменности, просветителями славян Кириллом и Мефодием.

---

^[1] Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Мещерский Н. А. “История Иудейской войны” Иосифа Флавия...

^[2] Полн. собр. русских летописей. Т. VI. СПб., 1853, с. 332.

§ 4. Перевод “Истории...” в развитии русской культуры. Образный строй речи, запечатлевшийся в переводе “Истории Иудейской войны”, осуществленном в XI—XII вв. в Киеве, продолжал воздействовать на стиль авторов, писавших на русском языке и в более поздние периоды. В Московской Руси XV—XVII вв., видимо, интересовались переводом “Истории”, в противоположность Киевской Руси, где перевод был впервые создан, не благодаря живости ее стиля и красочности описания воинских подвигов, а благодаря догматическим и литургическим упоминаниям в ней. Об этом свидетельствуют нередкие цитаты из перевода “Истории” и в “Просветителе” Иосифа Волоцкого, и в “Посланиях” Ивана Грозного, и в произведениях протопопа Аввакума.^[1]

Не был забыт перевод и в XVIII в., как об этом свидетельствуют его списки, датируемые этим временем (Погодинский, Флорищевский, Толстовский).^[2]

И. в русской литературе, в особенности в поэзии XIX в. могут быть найдены своеобразные отголоски фразеологии перевода “Истории”, связанные с восприятием и словесным обозначением общественных потрясений. Так, сочетание юноши безумнии в “Истории Иудейской войны” значит ‘сторонники крайнего революционного действия’: “...а уноши безумнии на рать разгараху ся” (кн. II, гл. XIV, § 5). Ср. у Пушкина: “Сижу ль меж юношей

безумных”. Сочетание възгорится пламень в “Истории” употреблено в применении к народному восстанию:

“Послаша слы к Флорови и къ Агрипѣ, моляще ся има, да приидеть къ граду съ силою, преже даже не възгорится пламень” (кн. II, гл. XVII, § 4). Ср. в ответе декабристов Пушкину: “Из искры възгорится пламя”. Правда, мы не решаемся в этих случаях заключать о прямом влиянии древнерусского перевода на творчество поэтов начала XIX в. Вероятно, ни Пушкин, ни Одоевский не имели возможности читать текст древнерусского перевода “Истории” Иосифа Флавия. Речь может идти лишь о своеобразной поэтической индукции, передававшейся через века. Но как бы ни воспринимать эти литературные явления, они, по нашему убеждению, могут рассматриваться как прямое доказательство действительности и стилистической силы древнеславянской переводной письменности, знакомству с которой, мы надеемся, послужит издаваемое нами пособие.

Естественно, мы не имели возможности, будучи связанными объемом работы, показать читателям всего многообразия древней переводной письменности славянских народов, ограничившись раскрытием лишь той части, которая нам представлялась самой главной и характерной. Но и по этим неполным материалам, к которым надеемся вернуться в дальнейших наших исследованиях, можно судить о величии и значительности целого.

---

^[1] См.: Мещерский Н. А. “История Иудейской войны”..., с. 158—162.

^[2] Там же, с. 20—21.

СОКРАЩЕНИЯ

АН — Академия наук

БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)

ГБЛ—Государственная библиотека им. В.И.Ленина (Москва)

ГИМ—Государственный исторический музей (Москва)

ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения

ИОЛЯ—Известия Отделения литературы и языка

ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности

ИРЯЗ — Институт русского языка

АН СССР ЛГУ—Ленинградский государственный университет

ЛОИИ — Ленинградское отделение института истории

АН СССР МДА — Московская духовная академия

ОЛДП—Общество любителей древней письменности

ОЛЯ — Отделение литературы и языка

АН СССР ПСРА — Полное собрание русских летописей

СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности

ТОДРА — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома)

АН СССР ЦБАН УССР — Центральная библиотека Академии наук Украинской

ССР ЦГАДА—Центральный государственный архив древних актов (Москва)

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских